

КИМ ЧЖУН ХЁК ЗОМБИ

КИМ ЧЖУН ХЁК ЗОМБИ

роман

Перевод с корейского Г. Н. Ли

ГИПЕРИОН

Ким Чжун Хёк (род. в 1971) дебютировал в 2000 г. в журнале «Литература и общество». В последующие годы он выпустил сборник рассказов «Пингвиньи новости», роман «Мистер монорельс» и другие произведения. Несмотря на свой сравнительно недавний дебют, Ким Чжун Хёк получил у себя на родине множество наград и литературных премий, а его сборник рассказов «Библиотека музыкальных инструментов» был переведен на русский, французский и японский языки. «Зомби» — новый роман писателя. Трудно точно определить его жанр: это и остросюжетный детектив, это и фантастический триллер, но это и философская притча. Такое смешение самых разных жанров в единый захватывающий воображение сюжет — визитная карточка Ким Чжун Хёка, каждый новый роман которого становится событием литературной жизни Кореи. Это первый перевод на русский язык и первое издание романа в России.

ISBN 978-5-89332-377-1

9785893323771

КИМ ЧЖУН ХЁК

ЗОМБИ

КИМ ЧЖУН ХЁК

ЗОМБИ

роман

Перевод с корейского Г. Н. Ли

ГИПЕРИОН
Санкт-Петербург
2021

*This book is published under the support
of the Literature Translation Institute of Korea*

Ким Чжун Хёк
К32 Зомби : роман / Ким Чжун Хёк : пер. с кор. Г. Н. Ли. — СПб. :
ИД «Гиперион», 2021. — 224 с. — (Серия «Современная корей-
ская литература». XXVIII).

ISBN 978-5-89332-377-1

Ким Чжун Хёк (род. в 1971) дебютировал в 2000 г. в журнале «Ли-
тература и общество». В последующие годы он выпустил сборник
рассказов «Пингвины новости», роман «Мистер монорельс» и другие
произведения. Несмотря на свой сравнительно недавний дебют, Ким
Чжун Хёк получил у себя на родине множество наград и литературных
премий, а его сборник рассказов «Библиотека музыкальных инстру-
ментов» был переведен на французский и японский языки.

«Зомби» — новый роман писателя. Трудно точно определить его
жанр: это и остросюжетный детектив, это и фантастический триллер,
но это и философская притча. Такое смешение самых разных жанров
в единый захватывающий воображение сюжет — визитная карточка
Ким Чжун Хёка, каждый новый роман которого становится событием
литературной жизни Кореи.

Это первый перевод на русский язык и первое издание романа
в России.

ББК 84(5Кор)

Для читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-89332-377-1

ZOMBIES
© 2010 by Kim Jung Hyuk
© Г. Н. Ли, перевод, 2021
© ИД «Гиперион», 2021
All rights reserved

ЗОМБИ

роман

В первый раз я столкнулся с зомби, когда работал в контрольно-измерительной группе на замере уровня сигналов от сотовых вышек. Я разъезжал по городам и весям, поглядывая лишь на дисплей детектора сигналов. Названия городов, их достопримечательности и местные обычаи не имели для меня никакого значения. Только уровень сигналов был предметом моего внимания. За исключением этого не было ничего, что могло бы вызвать интерес у моих глаз и души. Весной того года моя жизнь ползла по самому дну, где-то под землей, в крошечной тьме. Все тонуло во мраке, все было лишено смысла. Зона нулевого уровня сигнала, если пользоваться жаргоном нашей профессии.

Я колесил по двенадцать часов в сутки: жмешь на акселератор, затем тормозишь, замеряешь уровень сигнала, снова трогаешься, затем опять тормозишь... Так проходил целый день. Когда вечером я выбирался из машины, тело было настолько одеревеневшим, что брала боязнь распрямляться. Казалось, вот-вот — и ноги треснут в коленях, и бедра с голенями отделятся друг от друга с характерным звуком. Возможно, он будет похож на тот, который возникает от удара по мячу после прямой подачи, улетающему далеко за пределы поля при хоум-ране¹. Точно, это будет такой звук. Не исключено, что я даже обрадуюсь этому звуку.

¹ Игровая ситуация в бейсболе. — Здесь и далее примечания переводчика.

Работа у меня, как я уже говорил, была простая. Все, что требовалось, — ездить на машине по заданным районам и замерять уровень сигнала, излучаемого вышками сотовой связи. Уровень оценивался от 0 до 10, где 0 означал полное отсутствие сигнала, а 10 — максимальное значение. Когда уровень падал ниже 4, я отмечал это место на карте как проблемное. Прочее меня не касалось. Я просто смотрел на дисплей и записывал результат. Только цифры были моими друзьями. Когда в течение дня я смотрел, как сменяют друг друга 4, 3, 9, 1, 4, 4, 5, 7, 8 и 6, то чувствовал, что в них сокрыт очень большой смысл. Казалось, что все в мире можно уложить в диапазон между 0 и 10. Состояние машины измерялось числом 7, моя физическая сила соответствовала 4, моя жизнь — всего лишь 1, а мое чувство уверенности в себе равнялось 0. Что касается настроения, оно колебалось между значениями 1 и 4. Эта привычка соотносить каждую ситуацию с числом постепенно усиливала чувство беспомощности. Я думал, что не в силах изменить цифры, что они являются данностью, поэтому ничего не оставалось, как сидеть и тупо ждать, пока 1 не превратится в 2. Однако цифры менялись крайне редко. Жизнь застряла на 1, физическая сила упала с 4 до 3, а настроение часто было меньше цифры 2. Я полагал, что это дно жизни, ниже которого нельзя упасть, но тогда я не подозревал, что существуют и отрицательные значения и что нулевая отметка это еще не предел.

В то время меня больше всего преследовала смерть старшего брата. Ранее я полагал, что человеческая жизнь представляет собой процесс, который, начавшись с отметки 10, проходя через 8, 6 и 3, постепенно понижается до 0. Но с человеческой смертью все оказалось не так просто. Она даже не была похожа на обратный отсчет при ракетном запуске: 5, 4, 3, 2, 1, а затем исчезновение... Старший брат жил на уровне 7, а потом вдруг обнулится, пропустив стадии 4, 3, 1. Мне было трудно принять тот пропуск. Как только до меня дошло, что в какой-то момент я тоже могу проскочить промежуточные отметки и сразу стать нулем, я почувствовал, что все вокруг теряет смысл.

Вещей от брата почти не осталось. Их было настолько мало, что по ним невозможно было судить, чем же он вообще занимался вплоть до своих сорока двух лет. У него не было ни жены, ни детей, ни дома, ни машины. В компьютере внутри единственной папки тоже не нашлось ничего особенного. Все, что имелось там, — несколько музыкальных файлов и фотографий. Она выглядела настолько пустой, что невольно думалось:

а не готовился ли он к смерти. Все, что осталось от него, — 12 000 долгоиграющих пластинок, которые он собирал на протяжении десятков лет. Мне хотелось забрать все пластинки, которых касалась его рука. Однако у меня не было места для хранения даже десятой их части. Я передал пластинки музею музыки.

«Ты знаешь, в чем заключается самый большой позор для коллекционера пластинок? Обнаружить в своем собрании дубли. Если я приобретаю альбом, забыв, что уже приобрел такой, то впору задать себе вопрос: а чем ты, собственно, занимаешься?» — сказал он однажды.

Я не мог с ним согласиться. Совершая 12 000 покупок, невозможно ни разу не ошибиться. Если только ты не держишь названия всех 12 000 пластинок в голове, дублирования невозможно избежать.

Во время подготовки пластинок к передаче в музей я открыл тайну моего брата. В углу, на одном из стеллажей стояло отдельно с полсотни дисков. Это были те самые альбомы-дублиеры. Он хранил свои огрехи коллекционера отдельно. О чем он думал, глядя на них? Сетовал на свою память? Может быть, давал себе обещание впредь быть внимательней? Я решил забрать эти пластинки себе. Я подумал, что не стоит передавать музею и эти свидетельства оплошности брата.

В то время я жил в машине. Весь мой скарб состоял из двух коробок с одеждой и трех — со всякой всячиной, которые я перевозил на задних сиденьях и в багажнике минивэна, выданного компанией для работы. После загрузки пятидесяти пластинок в машину я почувствовал, как ощутимо разрослось мое имущество. На задних сиденьях свободного места уже не было, и мне ничего не оставалось, кроме как переместить одну из коробок на переднее пассажирское сиденье. Конечно, возить в машине пластинки, которые я даже не мог прослушать, было глупо, но другого выхода у меня не было — это самое малое, что я мог сделать для того, чтобы почтить память старшего брата.

Как-то в ресторанчике во время обеда я увидел рекламу проигрывателя пластинок для автомобиля. Ни слоган «Создайте винтажную атмосферу¹ в своем автомобиле», ни заверения в том, что игла не слетит с дорожки во время движения, доверия не вызывали. Однако на следующий день я заехал в пред-

¹ Стилизованное направление в моде, ориентирующееся на возрождение модных направлений прошлых поколений.

ставительство фирмы. После часового тестирования я убедился, что реклама не врала. Даже на ухабистых проселках и мощеных участках воспроизведение не прерывалось.

«Как вы посмотрите на то, если я скажу, что этот проигрыватель открывает новую эру в амортизации ударных воздействий? Я не преувеличиваю, правда, — тараторил, постукивая по багажнику машины, продавец, очки которого выглядели непропорционально большими из-за близко посаженных глаз. — Когда багажник подвергается удару, система полностью поглощает его. Я не знаю, как вы воспримете такие слова: она всем телом обволакивает удар. Ведь что есть удар? Все дело в готовности. Если получатель удара готов к его принятию, ничего не случится. Очень маленький удар может вызвать большой взрыв, но даже самый тяжелый удар может стать легким, словно перышко. Мы не изобрели проигрыватель с нуля, мы просто подготовили его к ударам».

Для продавца это было необычно. Его лицо не внушало доверия, но из-за странной манеры говорить он вызывал симпатию. Кроме того, мне понравилось название проигрывателя — «Hug Shock»¹. Я установил его в багажнике фургона вместе с динамиком и кейсом для хранения пластинок. Я потратил на это треть своей зарплаты, но иметь возможность работать, слушая пластинки, оставшиеся от старшего брата, было удовольствием, которое я не променял бы ни на что на свете.

«Hug Shock» изменил мою жизнь. Когда я начал работать под музыку, настроение немного улучшилось. Оно поднималось теперь, бывало, с 1 аж до 5. Мне нравилось слушать музыку, которую любил мой старший брат. Самое большое новшество заключалось в том, что каждые полчаса приходилось делать перерыв. Чтобы постоянно слушать музыку, я должен был ходить к багажнику и переворачивать пластинку. Сначала это раздражало, но по мере привыкания оказалось, что в этом имелось много преимуществ. Когда музыка заканчивалась, я останавливал машину. Сделав пятиминутную разминку, я шел к багажнику, переворачивал пластинку или ставил другой альбом. Затем снова трогался в путь. Иногда я останавливался, просто чтобы полюбоваться окрестными пейзажами. Такое невозможно было представить до установки «Hug Shock».

Постоянно слушая эти пластинки в течение долгого времени, я составил себе, как мне кажется, некое представление о вку-

¹ Обнимание удара (англ.).

сах старшего брата. Я исходил из предположения, что покупка дважды одной и той же пластинки (независимо от того, знал он об этом или нет) свидетельствовала о том, что эта пластинка ему нравилась либо он страстно желал ее приобрести. Из этого я заключил, что сохранил для себя его самые любимые полсотни альбомов. Все они были 1960-х годов. Я родился позже, но чем более пропитывался музыкой тех лет, тем больше соотносился с той эпохой. Время шло вперед, но из-за того, что мое тело и разум постоянно пятились назад, в конце концов у меня возникло чувство, что я отступил во времена, когда еще не родился. Впрочем, меня это не беспокоило.

Если бы не было старшего брата, не было бы и грампластинок. Если бы не было их, не было бы необходимости в этом проигрывателе, и я бы не встретился с переводчицей Хон Хечжон. И если бы не она, я не встретил бы любимую девушку.

Все события были связаны, словно падающие костяшки домино. Невозможно было узнать, какая костяшка упала первой, но первая не обязательно самая важная. Какой будет последняя? Неизвестно. Мне кажется, что я сам некоторым образом могу стать событием, которое, неважно каким способом, свалит очередную костяшку домино моей жизни.

Сейчас я стою среди нескольких сотен зомби на дороге, над которой, словно снег, кружится пепел, где воздух наполнен запахом гниющих трупов и гари. И меня сейчас интересует лишь следующая костяшка-событие.

1

Выполняя замеры, мне лишь трижды довелось увидеть на дисплее детектора нулевое значение. В этом случае работа немного усложнялась. Для начала надо было выйти из машины, а затем точно определить границы зоны нулевого уровня сигнала. Ходишь с переносным детектором и проверяешь.

В первый раз я увидел цифру 0 спустя год с того дня, как начал работать. Это произошло в настолько уединенной гористой местности, что невольно думалось: кому вообще нужна здесь мобильная связь? Вокруг густо росли сосны. Выбрав свободную прогалину, я остановил машину.

Я вышел, прошел к багажнику и, выключив проигрыватель, остановил вращавшуюся пластинку. Затем осторожно положил ее в кейс. Я не считаю себя слишком уж аккуратным человеком, но с пластинками брата я обходился в высшей степени бережно. Мне хотелось сохранить их в безупречном состоянии. Хотелось иметь возможность слушать эти пластинки до конца своих дней.

Откуда-то донесся едва слышный шорох. Сначала я принял его за ветер, но звук приближался. Это определенно были шаги человека.

— Руки вверх! Шевельнешься — стреляю!

Я закрыл багажник и поднял руки. Солдат, лет двадцати на вид, держал меня на прицеле автомата. Это был небольшой автомат новой модели, длиной меньше тридцати сантиметров. Я улыбнулся.

— Что вы здесь делаете?

Голос его выдавал. Было ясно, что такое событие произошло с ним впервые.

— Я? Я работаю.

— Что за работа?

— Я работаю в контрольно-измерительной группе телекоммуникационной компании «EVOL». Вы слышали о такой? Я измеряю уровень сигнала в этом районе.

— Киньте сюда свое удостоверение личности.

Явно новобранец. Нашивки, по которым можно распознать его воинское звание, с моего места было не разглядеть, но, стоило услышать требование бросить удостоверение личности, как я сразу понял: новичок. Давать врагу время сунуть руку в карман в данной ситуации равносильно самоубийству. Будь у меня пистолет и желание убить его, у него не было бы шансов. Я вытащил бумажник, лежавший в заднем кармане, и бросил к его ногам. Он наклонился и поднял его левой рукой. Было смешно смотреть, как он, держа оружие правой рукой, левой пытается раскрыть бумажник. Солдатик сосредоточенно возился с ним, забыв про нацеленный на меня автомат. Направленное на меня дуло постепенно опускалось все ниже и ниже, пока не уставилось в стопу его ноги.

— Кидайте бумажник назад, — посоветовал я ему. — Я сам достану удостоверение и переброшу его вам.

Расстояние между нами было около пяти метров. Не слушая меня, он продолжал безуспешно воевать с бумажником. Прошло довольно много времени, прежде чем он добился успеха и про-

верил удостоверение. Он приподнял автомат и снова навел его на меня.

— Я не слышал ни о каких подобных работах. Вы разве не знаете, что здесь запретная зона, куда доступ посторонним запрещен?

— Я следил за показаниями детектора, поэтому не заметил предупреждения. Про запретную зону я не знал. В этой стороне сигнал нулевой, поэтому я сюда и заехал.

— Мобильники здесь прекрасно работают.

— Я занимаюсь ELTE. Это стандарт связи нового поколения, не слышали?

— Нет.

— Ну, в общем, есть такой стандарт. В следующий раз я приеду, официально оформив пропуск. Кстати, не опустите ли ваш автомат?

Едва услышав слово «автомат», он сильно испугался. Он был похож на человека, который, казалось, забыл, что у него есть оружие. Он покрепче перехватил автомат и снова нацелил его на меня.

— Немедленно уезжайте отсюда.

— Можно задать вопрос? Есть ли здесь поблизости что-нибудь похожее на деревню? Место, где я смогу перекусить?

— Если поедете вниз по этой дороге, слева увидите поворот налево. Там находится небольшая деревня под названием Корио. До нее минут пять езды.

Название деревни Корио придумано мной наугад. Хотелось бы указать ее настоящее название, но я не могу — это было бы жестоко по отношению к ее жителям. Многие догадаются и так — об этой истории сообщали в СМИ.

Я сел в машину и сделал с прикрепленной к навигатору камеры несколько снимков для отчета. В навигаторе не было никакой информации об этом районе. Не было и деревни Корио. Я развернулся и поехал вниз по дороге. В боковом зеркале виднелся солдатик. Он так и стоял, не меняя позы, с наведенным на меня стволом. Все-таки было в нем что-то странное. Он выглядел таким испуганным, словно впервые увидел человека.

Как он и сказал, я доехал до деревни Корио минут за пять. Сама деревня была небольшой, но в центре ее находился крупный магазин, а по дороге часто сновали машины. Удивительно, что деревня такого размера не зарегистрирована в навигаторе. Я медленно ехал по главной улице в поисках, где поесть. Мое внимание привлек ресторан быстрого питания. Казалось, что

в этом слишком старом на вид строении быстро еду не подадут. Должно быть, я подумал так, потому что был очень голоден. С момента въезда в деревню Корио я не смотрел на дисплей детектора.

Лишь когда я, покончив с гамбургером и колой, снова сел в машину, выяснилось, что уровень сигнала в деревне нулевой. Такого не могло быть. Во всех пунктах с населением более ста человек работы по охвату сетью вышек нового поколения были завершены, и уровень сигнала тут никак не мог быть нулевым. Моя работа, напомним, и заключалась в том, чтобы проверять сигнал в разных медвежьих углах, поэтому состояние дел в крупных поселениях меня не интересовало. Я медленно объехал всю деревню, но везде результаты были одинаковыми: уровень равен нулю. Однако стоило мне вырулить на скоростную национальную автомагистраль, как сигнал тотчас появился. Я зафиксировал границы нулевой зоны и поехал в наш офис.

— Там находится «мертвая зона». Разве вы не знаете? — раздраженно буркнул начальник группы, когда я начал рассказывать о деревне Корио.

— Нет, я впервые слышу об этом.

— Разве вы не разговаривали с Ли Кёнму?

— Мы встречались мельком в прошлый раз, но он сказал, что передаст дела позже.

— Этот паршивец до самого конца создает проблемы.

Сорокапятилетний Ли Кёнму был моим предшественником на этой должности, но с тех пор, как он исчез якобы в связи с каким-то срочным делом, с ним не было никаких контактов. Помнится, при первой встрече он выглядел встревоженным, словно остерегался кого-то. Когда я впервые его увидел, сразу вспомнил одного одноклассника. Он лучше всех учился в школе, и у него почти не менялась мимика, словно лицо его на всю жизнь припасло всего лишь пять выражений. Я не помню имени, но его лицо до сих пор всплывает перед глазами: тонкие губы, острый подбородок, узкий лоб. У меня не было с ним каких-то особых отношений, но каждый раз при встрече в коридоре или классе я вздрагивал, словно был пойман за каким-то нехорошим поступком. Презрение к собеседнику он выражал, лишь приподняв край губ. Ли Кёнму напоминал мне того одноклассника.

— Значит, вы ничего не знаете о «мертвых зонах»?

— Впервые слышу.

— Че Чжихун, где вы работали в прошлый раз?

— В зоне F32.

— Ах да, верно. Но в этой стороне горный ландшафт со своими особенностями. Видите здесь зону, выделенную красным цветом?

Начальник группы вывел на экран ноутбука карту закрепленного за мной района. На ней было три красных круга — один довольно большой, два других поменьше. Судя по карте, большой круг и был деревней Корио. Начальник свыше двадцати минут с недовольным видом рассказывал о зонах нулевого уровня. Я молча слушал.

Деревня Корио была одной из таких зон. Размещение стандартных сотовых вышек в этих областях невозможно в силу ряда причин, поэтому в таких районах используют собственную систему связи. Любая информация об этих зонах в Интернете тоже отсутствует. Начальник группы в своем коротком рассказе около десяти раз упоминал о недобросовестном отношении к работе Ли Кёнму и несколько раз сказал, что система местного самоуправления препятствует развитию коммуникационных технологий.

Я до сих пор помню, что ощутил, когда впервые услышал словосочетание «мертвая зона». В моей голове она представлялась пространством крошечной тьмы, где не ловится никакая радиоволна, где нет никаких средств связи, где общение с собеседником возможно лишь при личной встрече после долгого пути пешком. Странно, но, когда я представил себе такое пространство, мне оно понравилось. Я хотел бы спрятаться там, существуй это место на самом деле. Мне бы хотелось оказаться в пространстве, где у меня не было бы ни с кем никакой связи, и тихо состариться там, переслушивая пластинки старшего брата. Увы, как оказалось, деревня Корио таким местом не являлась.

Минула неделя с того дня, как я впервые услышал о мертвых зонах, когда мне позвонил Ли Кёнму и сказал, что хочет передать дела. Большую часть информации я уже получил от начальника группы, особого смысла во встрече я не видел. Тем не менее мы договорились встретиться в сосновом лесопарке возле деревни Корио. Когда я приехал туда, он уже был там. На стоянке стоял служебный минивэн компании. Ли Кёнму, выйдя из него, посмотрел на наручные часы и заметил:

— Вы опоздали.

— Я приехал вовремя.

— Видимо, мои часы спешат. Прошло уже три минуты.

- Да, вы правы, я опоздал на три минуты.
- Я прошу извинить меня за то, что не смог нормально передать дела. У меня были уважительные обстоятельства.
- Да, наверно, они были уважительными.
- Вы иронизируете?
- Нет, вы были недовольны тем, что я опоздал на три минуты, поэтому я сказал, что, наверно, были уважительные обстоятельства.
- Это разве не ирония?
- Это было сказано ненамеренно. Я прошу извинить меня, если вам так послышалось.
- Ладно, не будем придирааться.
- Вы, кажется, еще не уволились.
- Что вы имеете в виду?
- Нет, ничего, я сказал так, потому что вы ездите в служебном транспорте.
- Да, надо вернуть его. Я верну. Вы снова придираетесь?
- Нет, что вы!
- Хорошо, давайте тогда побыстрее закончим. Итак, вот здесь файл, — сказал он, протягивая CD-диск, — в нем я классифицировал необычные моменты, связанные с поиском, вам достаточно будет их проверить. У вас есть еще вопросы?
- Извините, я не знаю, возможно, этот вопрос прозвучит бестактно, но почему вы уходите из компании?
- Почему это вас интересует?
- Как преемник, я думаю, что мне нужно знать, почему предшественник увольняется. Если вам не хочется говорить об этом, мне все равно, можете не говорить.
- Как долго вы работаете в этой группе?
- Год.
- Вы еще новичок на этой работе. Поработайте лет с десять, познакомьтесь со всеми нюансами, научитесь разбираться не только в технике, но и в людях. Вот тогда вам станет понятна причина моего увольнения.
- Ли Кёнму то и дело поглядывал внутрь салона моего фургона. Разговор не клеился.
- Машина выглядит хорошо. Новая модель?
- Да.
- Какая версия у навигатора?
- Три-пять.
- Можно посмотреть?
- Да, конечно.

Ли Кёнму, словно только и ждал разрешения, быстро скользнул на водительское место. Он включил навигатор и стал быстро переходить с одного меню на другое. Так уверенно действовать мог только человек, долгое время имевший дело с подобным устройством.

— Что это за динамик? — спросил он, указывая на динамик, прикрепленный рядом с навигатором.

— А, это от «Hug Shock» — устройства, позволяющего слушать пластинки в машине. Оно установлено в багажнике, хотите посмотреть?

— Нет, я не очень интересуюсь музыкой.

Мы оказались в странном положении: он сидел в моей машине на водительском месте, а я стоял рядом. Он зачем-то повернул руль туда-сюда и даже подвигал сиденье. У него на лице было выражение ребенка при виде новой игрушки приятеля. В какой-то момент мне даже показалось, что он искренне завидует мне, разъезжавшему по горам и долам в фургоне новой модели.

— Послушайте, с чем у вас ассоциируется это? — спросил он, указывая на значок антенны в навигаторе.

— Ну, не знаю... Наверное, он показывает, что я с кем-то связан. Если сигнал не ловится, почему-то становится тревожно.

— Вы сказали, что вас зовут Че Чжихун? Знаете ли вы, в чем заключается профессиональная болезнь членов нашей группы? Она состоит в том, что мы все время пытаемся что-то интерпретировать. Люди в своей жизни ловят множество сигналов, но, особо не задумываясь, пропускают их. Они живут, даже не думая об этом. Ничего не интерпретируя, они воспринимают сигналы как естественное явление. Но члены нашей группы никогда не поступят так.

— Разве это плохо?

— Я не знаю, хорошо это или плохо. Желаю удачи.

Ли Кёнму, схватив руль, ничего не говоря, внимательно смотрел вперед. Там, куда он смотрел, начиналась дорога, ведущая в деревню Корио. Я сидел рядом и смотрел на него. В какой-то момент его глаза блеснули, и я почему-то сразу представил Ли Кёнму, стремительно мчавшегося в фургоне в деревню Корио. Это было полнейшим абсурдом, но в его сверкнувших глазах явно читались признаки еле сдерживаемой жажды насилия.

Ли Кёнму молча вылез из моей машины и, даже не попрощавшись со мной, сел в свой минивэн и уехал. Я занял водительское место и стал наблюдать за дорогой, ведущей в дерев-

ню Корио. Она выглядела нормально, ничего не происходило. Потом проехали военный грузовик и джип.

После этого я на некоторое время забыл про деревню, занявшись рутиной, — слушал пластинки и проводил замеры. До того как поступить на работу в компанию «EVOL», я избегал общения, за исключением тех случаев, когда мне пришлось несколько раз посетить фирму, где раньше работал, из-за проблем с компенсацией после увольнения. Когда солнце вставало, я принимался за работу, а когда садилось, спал в минивэне. Я часто спал на рассвете. Когда просыпался, то не всегда сразу понимал, где нахожусь. У меня сильно ломило плечи, а по утрам, когда вставал, запястья и локти ныли от боли. Я даже не звонил друзьям. Когда встречаешься с ними, надо рассказывать всякие истории о себе. Мне не хотелось их рассказывать, и неважно, хорошие они или плохие. Мне казалось, только забыв вчерашний день, только закопав глубоко в землю все события, что были до сего дня, я могу жить сегодня. Все дни грядущие, кроме сегодняшнего, были в тумане, и мне совсем не хотелось светить фарами в ту сторону и знать, что скрыто в нем. Мне не хотелось знать, какие события были в прошлом и какие случатся в будущем.

Иногда я вспоминал слова Ли Кёнму. Действительно ли возможно принять сигнал сам по себе, только как явление, как данность, ничего не интерпретируя? Я хотел перестать думать и просто проживать каждый день.

Что до деревни Корио, то она снова вернулась в мою жизнь, можно сказать, случайно. Моей любимой пластинкой был дебютный альбом одной британской группы 1960-х годов, которая называлась «Stone Flower»¹. Я так много раз слушал десять вошедших в него песен, что почти выучил их наизусть. Мне захотелось узнать больше о группе «Stone Flower», и я перерыл весь Интернет. Но все, что я раскопал, была информация о том, что группа, состоявшая из четырех человек, выпустив два альбома, распалась, и что Ян Дэвис, лидер, опубликовал свою автобиографию. Однажды, роаясь в Интернете, я обнаружил, что экземпляр его давным-давно распроданной автобиографии находится в одной из библиотек. Я никогда не был любителем чтения и не следил за новинками, но странно — о группе «Stone Flower» я захотел узнать как можно больше. Мне казалось, что

¹ «Каменный цветок» (англ.).

в этой книге должна быть некая подсказка, которая укажет мне новый путь. Через два часа я оказался в той самой библиотеке.

Когда я впервые вошел в нее, то сразу ощутил в воздухе странный аромат. Мне нечасто приходилось бывать в библиотеках. В большинстве из них витает специфический запах, похожий то ли на запах бумаги, то ли плесени, то ли кишащих в воздухе микробов. Возможно, такой запах исходит от библиотекарей. Как представишь себе, что, пока сидишь и читаешь книгу, летающие в воздухе микробы тихо садятся тебе на голову, откладывают яйца и высиживают на тебе свое отродье, сразу становится противно. Но в этой библиотеке такого специфического запаха не было. Все вокруг было тщательно отмытым, чистым и прозрачным. Помещение вполне можно было уподобить стерильному боксу. И Толстяк-130 тоже был под стать библиотеке. Это не придуманное мной прозвище, а имя, которым он представился.

— Все задаются вопросом о моем весе. Всем любопытно, но спросить не решаются, полагая это нетактичным. Тем не менее некоторые все же преодолевают смущение и спрашивают. Кто из этих двух типов людей лучше? По мне, лучше тот, кто спрашивает. Я тоже не могу утерпеть, когда мне любопытно. А что в этом такого? В мире есть и такие люди, как я. Зовите меня просто Толстяком — Сто Тридцать. Вы можете опустить слово «Толстяк» и звать просто Сто Тридцатым. Удивительно, но с какого-то момента я удерживаю вес в сто тридцать килограммов: не толстею и не худею.

Толстяк-130 всегда носил черные брюки и белую рубашку, но это из-за того, что не так-то просто было найти одежду его размера. Его стиль подчеркивал его исключительную внешность. Когда я издали смотрел, как он шагает, у меня возникало ощущение, словно вижу огромную сравнительную цветовую таблицу. Какой из цветов, черный или белый, выглядит преобладающим? Естественно, белый. Белый цвет расширяет, а черный цвет сужает. Казалось, 130-й был тому ходячей иллюстрацией.

— Я выгляжу, как две живые гигантские шашки *падук*¹, верно? — посмеивался Толстяк-130 над собой. Он был на редкость светлым человеком. Будь он иным, вероятно, у него не было бы никаких оснований для дружбы с таким типом, как я.

¹ Корейские шашки черно-белого цвета.

Когда я встретил его, меня удивил не только его вес. У него был удивительный талант — поразительная память. Стоило мне спросить его об автобиографии Яна Дэвиса, как он тут же сообщил, где ее найти. Когда я подошел к названному стеллажу, она стояла именно там.

— Откуда вы так точно знаете, где находятся книги?

— Я храню информацию в жировых клетках тела. Это похоже на сказки, верно? Но это действительно так. У всех полных людей есть причина таскать свой жир. Одни хранят в нем еду, другие — любовь, третьи — стыд, а я вот — информацию о местоположении книг.

— Тогда получается, вы и дальше будете полнеть? Потому что вам нужно постоянно сохранять новую информацию?

— Нет, это не так, в какой-то момент мне ничего не остается, как прекратить это. Если я буду постоянно хранить информацию, то взорвусь. Теперь то, что надо выбросить, я выбрасываю и сохраняю лишь то, что надо сохранить. Когда приходит новая информация, старая исчезает. Однако это не значит, что она исчезает совсем. Я избавляюсь лишь от ненужного. Необычное тело, верно? Завидно?

Когда разговариваешь с Толстяком-130, настроение улучшается. Он покорило мое сердце с первой встречи.

— Вы ведь здесь впервые? Я выпишу вам читательский билет. По сравнению с другими библиотеками, наша небольшая, но тут много хороших книг. Если вас интересуют детали истории, к вашим услугам хронологическая таблица Толстяка.

С этой таблицей я познакомился во время второго визита в библиотеку. Таблица оказалась устрашающе большой. При виде ее у меня буквально волосы встали дыбом. Толстяк-130 группировал по датам все события, о которых узнавал из книг или радиопередач, с четкой временной привязкой. Так, под 3 января 1983 года было записано 450 событий, а под 12 февраля 1985 года — 600. Полистав его таблицу, я спросил:

— Почему она начата с тысячи девятьсот восемьдесят третьего года? Ведь и до него тоже было немало событий.

— Хе-хе, это год, когда я родился. То, что было раньше, мне не интересно. Меня ведь тогда не было, да? А вы какого года?

— Тысяча девятьсот семьдесят восьмого.

— Тогда я попрошу у вас период с тысячи девятьсот семьдесят восьмого по тысячу девятьсот восемьдесят второй год.

— Что вы попросите?

— Я попрошу у вас историю за этот период.

— Да я не особо интересовался...

— Ха-ха-ха, я шучу. Если вы не законченный аутист, как я, вам такое не по силам. Хронологическая таблица Толстяком-130 начинается с тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, но я также хорошо знаю историю и до этого периода, так что, если вас что-то интересует, спрашивайте, не стесняйтесь.

Причина, по которой мое сердце было покорено Толстяком-130, заключалась не только в том, что он был светлым человеком. Я почувствовал в нем родственную душу. Он был светлым, а я — темным, но с самого начала я чувствовал, что мы в чем-то похожи друг на друга. Если бы мне удалось все-речь увлечься своей текущей работой, возможно, я тоже смог бы стать таким же, как он. У нас с ним, кажется, были такие же отношения, как между черными брюками и белой рубашкой. Он казался немного раздутым, как белая рубашка, а я — ужатым, как черные брюки, но мне приходила мысль, что мы с ним надеты на одно тело. Мне нравилось бывать в библиотеке, с Толстяком-130 было интересно общаться. Там я становился разговорчивым. Это было время, когда я не встречался с людьми, только работал и слушал пластинки. Толстяк-130 в ту пору был моим единственным другом.

Деревня Корио стала основной темой разговоров уже после того, как мы сдружились с ним. Кроме автобиографии Яна Дэвиса «Безразличное время», я прочитал еще несколько книг, рекомендованных Толстяком-130. Это были эссе, связанные с автобиографией других музыкантов, живших в тот период времени, или с музыкой. Чем больше я читал книг, тем больше мне нравилась группа под названием «Stone Flower». Ее альбомы в свое время были полностью проигнорированы публикой, и сами музыканты платили той же монетой, презируя человеческое пренебрежение. Выпустив два официальных альбома и один неофициальный концертный сборник, они внезапно разошлись. Но причина этого была интересная.

Я теперь завершил свою музыку. Нет больше музыки, которую можно написать. Чтобы выпустить больше пластинок, у нас нет другого выбора, кроме как заняться плагиатом своей же музыки. Песни, которые мы выпустили в двух альбомах, являются безупречной музыкой. Там нечего добавить или убавить. Если найдется человек, который обнаружит слабое место в нашей музыке, пожалуйста, пусть он свяжется со мной. Я внимательно слушаю. Если он окажется прав, я назову его богом музыки. Если он

не прав, я оторву ему голову. Я верю в себя. Я верю своей музыке. И не хочу, чтобы моя уверенность была смиренной.

Это слова, написанные Яном Дэвисом в автобиографии. Я не думал, что их музыка столь уж безупречна, но завидовал уверенности этих людей.

Я записал для Толстяка-130 песни «Stone Flower», он тоже стал поклонником этой группы. Он начал искать второй их альбом. Какую бы задачу ему ни давали, что бы ни случилось, он всегда справлялся с работой, это было его особенностью, но второй альбом даже он не смог найти. Конечно, нелегко найти старую и редкую пластинку малоизвестной группы. Однажды во время очередного посещения библиотеки, не успев я войти, как Толстяк-130 подбежал ко мне.

— Брат, я нашел.

— Второй альбом?

— Нет, переводчицу автобиографии Яна Дэвиса — большую поклонницу «Stone Flower».

— Поэтому-то она и перевела ее. И это все, что ты нашел?

— Нет, я узнал, где она живет. Если она тот самый человек, быть может, у нее есть второй альбом?

— Верно. Почему я не подумал об этом?

Переводчица Хон Хэчжон жила в деревне Корио. В тот момент, когда Толстяк-130 показал мне листок бумаги с записанным адресом, я снова вспомнил тамошний пейзаж, тихую и уединенную дорогу, низкие и ветхие здания, старые автомобили, но никак не мог воскресить в памяти образы людей. Даже в то время, когда я ездил в поисках ресторана, не помню, чтобы видел на улице тамошних жителей. Я ведь заказывал кому-то в ресторане гамбургер и колу, но сейчас не мог вспомнить, был ли продавец мужчиной или женщиной. Деревня Корио представлялась мне населенной призраками. Настоящая деревня Корио, собственно говоря, и была таковой, но тогда я этого еще не знал.

2

Толстяк-130 сказал, что сначала собрался отправиться в деревне Корио немедленно, но потом подумал, что это было бы невежливо, поэтому решил сначала написать письмо. В нем он во многих словах изложил, как мы любим группу «Stone Flower».

Он написал о том, как прекрасны ее песни и как умиротворяется душа, слушая их. Мы целый день просидели в библиотеке, шлифуя каждое предложение. Прошло две недели, прежде чем пришел ответ от Хон Хечжон. Он был лаконичным:

Это дело давнего прошлого. Вы первые, кто за долгое время заговорил о «Stone Flower». Я прошу прощения за то, что не могу писать подробные письма. Когда у вас будет время, посетите деревню Корио. Выпьем по чашке чая. Я всегда дома. До скорой встречи.

На следующий день после получения ответа от Хон Хечжон Толстяк-130 и я отправились в деревню Корио, до которой было сорок минут езды. Толстяк-130 впервые за два года взял отпуск и был очень взволнован. В дороге он все время напевал про себя песни группы «Stone Flower». Мне было непривычно слышать рядом чужой голос. К тому же из-за ритмичных подергиваний 130-килограммового Толстяка машина слегка виляла по дороге. Но несмотря на это, я был счастлив. В первый раз за несколько лет кто-то сидел рядом со мной в машине, да и такое безоблачное настроение я тоже успел позабыть.

Когда мы въезжали в деревню Корио, я внимательно смотрел по сторонам, сопоставляя то, что видел, с образом деревни-призрака, хранившимся в моей памяти. Но теперь на улицах я видел множество людей: ссутулившись, они не спеша шли по своим делам. Все они были в пальто: несмотря на весну, тут было прохладно.

— Разве здешние жители не похожи на призраков? У них странная походка. И улицы какие-то мрачные... А чем дальше мы углубляемся в деревню, тем становится холоднее.

Толстяк-130 сразу ухватил суть деревни Корио. Вот почему, когда я впервые приехал сюда, я не запомнил людей, которых встречал. Казалось, что жители деревни всячески избегали афишировать свое существование.

— Разве призраки будут расхаживать в таких шляпах? — усомнился я, разглядывая прохожих.

— Вам не кажется, что под этими шляпами скрываются черепа? Выбеленные гладкие черепа. Вот один из них снимает шляпу, и перед вами белый голый череп. Сбавьте скорость. Смотрите, вон тот мужчина вышагивает, как настоящий призрак.

— Может быть, подойдешь и снимешь с него шляпу?

— Вы серьезно?

— Если хочешь, я остановлю машину.

— Зачем вы так пугаете меня? Езжайте быстрее.

Толстяк-130 и впрямь перепугался. Когда слышишь его жизнерадостный смех и видишь его огромную фигуру, невозможно и представить, насколько он переполнен страхом. Он часто пугался, чуть что — кричал от испуга, мне приходилось обнимать его как ребенка, чтобы унять его страх. Меня даже забавляло, как он, пугаясь, отшатывается назад. Он был полностью открыт миру, непосредственно реагируя на все, что происходило вокруг, и осмысляя все в неожиданном ракурсе. Я никогда не смог бы так. После пережитого ужаса от смерти самого близкого человека испуг от банальных вещей воспринимается как непозволительная роскошь чувств. Я не старался специально храбриться, просто я уже исчерпал весь страх, отведенный на мою жизнь.

Дом переводчицы Хон Хечжон, находившийся за деревней, нас ошеломил. На первый взгляд это было обычное строение: обычная крыша, обычные окна, обычный двор и обычные стены. Однако внутри все было иначе. Внутренняя часть дома представляла собой единую систему. При нажатии одной кнопки диван откидывался назад, а при нажатии другой — раскладывалась в стене кровать. Все было автоматизировано до предела. Казалось, стоит нажать какую-нибудь потайную кнопку, и дом поднимется в небеса. Хон Хечжон оказалась пожилой женщиной лет семидесяти, она передвигалась в инвалидной коляске, и у нее не было кисти правой руки. На месте кисти была красная варежка, которая вместо того, чтобы маскировать нехватку руки, будто подчеркивала ее отсутствие. Я рассеянно посмотрел на красную варежку, а затем встретился взглядом с Хон Хечжон.

— Красивый цвет, верно? Когда я смотрю на нее, иногда я забываю, что у меня нет одной руки.

С этими словами она поднесла руку к глазам и покрутила запястьем. Красная варежка затанцевала в воздухе.

— Издалека похоже на спичку, — сказал Толстяк-130.

Хон Хечжон расхохоталась. Потом посмотрела на варежку и снова засмеялась.

— Похоже. Точно — похоже на спичку. Когда долго живешь в одиночестве, теряешь чувство юмора. Спасибо за то, что вернули мне мой нынешний образ, показали, что могут люди подумать, увидев меня...

— Это не пугает. Это выглядит тепло, потому что красного цвета, — словно оправдываясь, сказал Толстяк-130, улыбаясь.

— Тогда все в порядке. Быстро заказывайте, чего бы вы хотели, потому что этой «спичкой» я собираюсь зажечь огонь и приготовить чай.

Я попросил для себя черный чай, а Толстяк-130 — горячий шоколад. Мне показалось странным, что он заказывает горячий шоколад, ведь здесь не кафе, а дом одинокой пожилой женщины, но Хон Хечжон не смутилась. Она нажала левой рукой одну из кнопок на инвалидной коляске, и тут же на поверхности стола высветился экран с меню. Она поочередно нажала на изображения чашек с чаем и шоколадом. Примерно через минуту открылся небольшой люк в мраморном полу, и подъемник доставил заказ.

— Вау, круто. Я тоже хотел бы иметь такой стол. У вас есть что-нибудь поесть кроме напитков? — Толстяк-130, сидевший до этого на диване, вскочил и подбежал к столу.

— Что-нибудь простенькое могу предложить. Например, печенье или пирожные. Что бы вы хотели?

— А у вас нет случайно бубликов? — сказал Толстяк-130.

— Да, ты угадал. Прозвище этого стола «Спец по бубликам». Подожди немного.

Примерно через две минуты наверх поднялась тарелка с аппетитными бубликами. Толстяк-130, поедая их, внимательно осмотрел стол со всех сторон.

— Вкусно. Это лучшие бублики, которые я когда-либо ел. Где вы вообще взяли такой стол? Надеюсь, вы не заперли шеф-повара внутри? — пошутил он.

— Было бы неплохо, если бы там скрывался шеф-повар. Был бы мне собеседник. Но я не представляю, как там все внутри устроено.

Хон Хечжон сказала, что стол — это изобретение деревни Корио, добавив, что здесь во всех домах имеются точно такие же обеденные столы. Но стол был лишь одной из множества придумок деревни. Показывая нам дом и его технические чудеса, Хон Хечжон вдруг спохватилась, будто вспомнив:

— Кстати, а разве у нас не встреча поклонников «Stone Flower»?

В тот день мы более двух часов проговорили о музыке группы. Как мы и предполагали, у Хон Хечжон имелись оба альбома «Stone Flower». Второй альбом полностью оправдал наши ожидания. В процессе прослушивания Хон Хечжон ко всем трекам добавляла свои комментарии, не только переводя содержание песен, но и рассказывая об обстоятельствах, при

которых Ян Дэвис их писал. Я отметил про себя, что после ее объяснений песни воспринимались совсем иначе. Толстяк-130 и я ушли от нее лишь после того, как дважды прослушали второй альбом. Хон Хечжон завернула на дорогу пять бубликов для Толстяка-130 и, записав альбом на компакт-диски, подарила каждому из нас.

— Приезжайте в любое время. Может быть, в следующий раз мы послушаем другие группы, испытывавшие влияние группы «Stone Flower»?

— Извините, но нам кажется, что мы причиняем вам неудобства.

— Оставить без внимания в одиночестве такую старуху, как я, это и есть причинение неудобства. Впервые за долгое время я встретила друзей, которые мне по душе, а вы хотите тихо исчезнуть?

Толстяк-130 посмотрел на меня. В его глазах читались слова: «Брат, быстрее скажи ей, что мы снова вернемся». Бублики выглядели вкусными и аппетитными.

— Нет, нам тоже понравилось. Что ж, в таком случае мы снова придем.

— Хорошо, тогда, может быть, поставим наши встречи на постоянную основу? А назовем это «Музыкальные встречи у Хон Хечжон».

— Или вот так: «Музыкальные встречи у Хон Хечжон, у которой есть бублики», — подхватил Толстяк-130.

— Ха-ха-ха, хорошо. Как насчет следующего субботнего вечера? — спросила Хон Хечжон, все еще улыбаясь.

У нас не было причин отказываться. Так было положено начало «Музыкальным встречам у Хон Хечжон, у которой есть бублики». Мы встречались еженедельно субботними вечерами и слушали музыку вприкуску с бубликами. А еще мы смеялись, разговаривали, пили вино, а иногда смотрели документальные фильмы о музыке 1960-х. Несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, Хон Хечжон обращалась с нами, как с друзьями, мы с Толстяком-130 тоже считали ее за свою.

Хон Хечжон была фанаткой музыки 1960-х. Большинство ее компакт-дисков и пластинок, а также постеры на стенке, висевшие позади стереосистемы, были родом из той эпохи. Временами у меня возникало ощущение, будто «The Rolling Stones», «The King», «The Who», «The Beatles» прибывали на машине времени из шестидесятых, чтобы незримо присутствовать на наших встречах. Я уже понимал эту эпоху благодаря грампла-

стинкам старшего брата, поэтому музыка была знакомой. Когда я слушал их, мне казалось, будто я вернулся домой.

Хон Хечжон пришла к музыке тех лет через творчество Яна Дэвиса. Собирая в процессе подготовки перевода его автобиографии пластинки и материалы о нем, она мало-помалу увлеклась его творчеством. С того времени она начала изучать музыку той эпохи. О Хон Хечжон можно было сказать, что она в какой-то мере являлась информационным наркоманом. Ее метод сбора данных был похож на составление пазлов. Сначала она находила один фрагмент. Крутя его так и сяк, она обнаруживала другой подходящий для него фрагмент. К объединению двух фрагментов находился третий, и так далее. Действуя таким образом, в какой-то момент можно завершить огромную картину.

— Как узнать, что вы завершили собрание пазла? — спросил я как-то ее.

— Нет идеально собранного пазла. Есть только пазлы, выглядящие таковыми. Искусство сбора материалов заключается в том, чтобы вовремя остановиться.

Хотя Хон Хечжон утверждала, что она точно знает, когда надо остановиться, ее критерии отличались от моих. В автобиографии Яна Дэвиса самым удивительным для меня был список литературы в конце книги. В нем насчитывалось более трехсот изданий. Даже найти и ознакомиться с этими источниками было впечатляющей работой. Если бы я, говоря фигурально, удовлетворился, пробежав стометровку, то Хон Хечжон пробежала бы и еще сто метров, и еще, — пробежала бы полную марафонскую дистанцию. В этом смысле Хон Хечжон и Толстяк-130 были идеальной парой. Обоих влекло неизвестное, оба любили размышлять о былом и признавали смысл и ценность коллекционирования как процесса. Однажды я показал ей часть хронологической таблицы Толстяка. Она, едва увидев ее, была совершенно очарована.

— Это действительно грандиозная работа. Как ты додумался до этого? Это ведь единственная в мире работа по истории. Я думаю, что было бы хорошо издать ее в виде книги.

— Право, вы преувеличиваете мои заслуги. Я лишь упорядочил информацию, а для этого не нужен большой талант, — скромно потупился Толстяк-130.

— Что ты говоришь? Умение упорядочивать информацию — тоже талант. Но настоящий талант — это когда идешь все дальше, вперед, не откатываясь назад. А талант, о котором говорят

обычные люди, это всего лишь короткое шоу, он исчезает сразу, со свистом пролетая мимо.

— Тем не менее, когда я вижу талантливых людей, мне завидно. Интересно, каково это жить гением?

— Какая польза спрашивать о таком у меня? Мне самой тоже любопытно.

— У меня очень хорошая память. Я не всегда могу назвать точную дату, но я помню все события, занесенные в хронологическую таблицу. — В голосе Толстяка-130 прозвучала нотка гордости.

— Ты говоришь, что помнишь все это? Не может быть! — сказала Хон Хечжон недоверчиво.

— Не верите? Попробуйте задать какой-нибудь вопрос. Я продемонстрирую вам мой единственный талант.

— Хорошо, начнем викторину-шоу. Первый вопрос: когда запустили космический зонд «Джотто»¹ в сторону кометы Галлея?

— Июль тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Верно? Это произошло, кажется, пятого июля?

— Второго июля. Это удивительно!

— Ну, честно говоря, это простой вопрос.

— Хорошо, тогда задам вопрос, который внешне выглядит сложным. Когда умер Ричард Брэнсон, который написал «Due Due Baby»?

— Девятого марта двухтысячного года.

— Удивительно. Угадано с точностью до дня. Я впервые слышу о нем, он известный писатель?

— Нет. Просто это день, когда я расстался со своей девушкой. Когда я вернулся после расставания и просмотрел газету, то статья о нем попала на глаза. Я тоже не знаю, кто такой Ричард Брэнсон. Слова «Due Due Baby» легко запоминаются, поэтому я и запомнил.

Хон Хечжон и Толстяк-130 некоторое время развлекались хронологической викториной. Она, глядя на таблицу Толстяка, задавала и задавала ему вопросы, и он тут же выдавал правильный ответ. Она задавала новый вопрос. Большинство вопросов были никак не связаны с нами событиями. Естественно, он угадывал, часто не зная ответов на такие вопросы: как кто

¹ Космический зонд «Джотто» был запущен ракетой-носителем «Ариан-1» 2 июля 1985 г. В ночь с 13 на 14 марта 1986 г. аппарат прошел на расстоянии 596 км от ядра кометы.

и когда умер, кто и когда создал новое прозвище, кто и с какой песней занял первое место в музыкальных чартах. Однако от легкого угадывания ответов Толстяком-130 у меня возникала иллюзия, что историю человечества изменяли тривиальные события. Викторина вскоре надоела. Самая большая проблема заключалась в том, что Толстяк-130 слишком хорошо угадывал ответы: он отвечал, как машина. Поэтому никакого напряжения в игре не возникало.

Однажды, в одну из суббот, Хон Хечжон и Толстяк-130, как обычно, играли в свою викторину. Я бродил по дому и на кухне заметил приклеенную на холодильник таблицу, которая была полностью заполнена именами людей. В каждой строке было одно имя. Я отлепил ее и показал Хон Хечжон.

Та сначала не хотела объяснить смысл этой таблицы и со словами: «Ничего обычного» — снова вернула ее на холодильник. Но от переполненного любопытством Толстяка-130 так легко было не отделаться.

— Это игра под названием «Тайто», — сдалась наконец Хон Хечжон.

— Разве такая есть? Как в нее играют? Пожалуйста, научите меня. — Толстяк-130 протянул ей листок с таблицей «Тайто».

— «Тайто» — игра, в которую могут играть только люди деревни Корио.

— Эй, разве так бывает? Хорошо, тогда расскажите нам о правилах.

— Вы будете разочарованы. Это неинтересная игра.

— Не обманывайте нас. Если это неинтересная игра, почему вы приклеили листок на холодильник, который вы открываете несколько раз в день?

— Хорошо, — в конце концов сдалась она, — тогда попробуйте сами угадать: что это за игра?

Мы с Толстяком-130 так и не смогли понять, сколько ни смотрели на таблицу. Толстяк-130 предложил было несколько вариантов ответа, но все они оказались неправильными. Я тоже не преуспел. Тогда я даже вообразить не мог, насколько жестокой игрой окажется «Тайто». Естественно, жестокость игры — всего лишь наша с Толстяком-130 оценка. Чуть позже мы узнали, что кроме нас двоих никто в деревне Корио совершенно не считал, что «Тайто» — жестокая игра. Никто, включая Хон Хечжон. Она так и не объяснила до конца все правила «Тайто», ограничившись обещанием, что когда-нибудь мы сами увидим эту игру. Мы тоже не стали ее расспрашивать.

Благодаря Хон Хечжон я поселился в деревне Корио. Если быть точным — неподалеку от нее. Хон Хечжон, узнав, что я ночью в машине, рекомендовала мне дом, расположенный примерно в километре от деревни. Она сказала, что дом стоит пустым с тех пор, как Корио стала самостоятельной административной единицей. Но хотя в доме никто не жил в течение двух лет, в нем не было почти никаких дефектов, требовался лишь небольшой ремонт. Я немного поколебался, но решил его приобрести. Ночевать каждый день в машине не такое простое дело, как кажется. Трудно каждый день застилать простынями узкую постель, терпеть комаров, проникавших через узкие оконные проемы и страшно докучавших ночами. Когда просыпаешься утром, трудно выдержать ужасное ощущение непонимания, где ты находишься. Живя в минивэне в течение года, я смог сэкономить и скопить достаточно денег, но мое здоровье настолько сильно пошатнулось, что словами описать трудно. Так или иначе, я не мог больше жить в машине. Толстяк-130, услышавший предложение Хон Хечжон, обрадовался еще больше, чем я. Полагаю, что радость его обуславливалась надеждой, что мы сможем почаще собираться втроем.

Как и говорила Хон Хечжон, в доме можно было жить после небольшого ремонта. Это было деревянное двухэтажное строение. Вокруг все заросло густой травой. На крыше кое-где виднелись птичьи гнезда. Одно из трех окон было разбито, а окрашенная синей краской дверь наполовину оторвана от косяка. Я прошелся по окрестностям, но следов проживания людей нигде не заметил. Сама деревня отсюда тоже была не видна.

— Уютный домик, мне нравится. Хотя ночью, наверно, будет немного страшновато, — весело заметил Толстяк-130, стоявший рядом со мной и оглядывавший дом.

— Ты сможешь мне его отремонтировать?

— Конечно, только скажите. Могу залезть наверх. Дом рухнет под моей тушей, и мы сможем восстановить его с нуля, хотите? — пошутил он.

— Не ерничай. Если немного приложить руки, это будет шикарное жилье. От тебя требуется лишь часто приходить в гости.

— Тогда его нужно как следует укрепить, иначе сами понимаете, ха-ха.

Мы приступили к работе на следующий день. У меня был свободный рабочий график, я мог заниматься ремонтом даже

днем, но Толстяк-130 присоединялся лишь после окончания работы в библиотеке. К счастью, электричество на ночь не отключали. Благодаря этому мы могли работать до поздней ночи. Днем я выполнял работы, с которыми мог справиться в одиночку, а те, что требовали помощи Толстяка-130, откладывал до вечера.

Первым делом я выкосил траву вокруг дома. Когда я впервые увидел ее, высотой примерно в полтора метра, я не мог оторвать глаз, мне казалось, что вот-вот что-то должно из нее выскочить. Невозможно было понять, что за живность там могла прятаться: змея, тигр или еще какая-нибудь тварь. Сражение с травой началось с восхода солнца и длилось до самого вечера. Закончив, я с удовлетворением отметил, что труды были не напрасны. Конечно, это был не уютный пейзаж с широкой лужайкой перед домом, но теперь я мог чувствовать себя спокойно. Отныне на пятьдесят метров от дома было открытое пространство, а само двухэтажное строение смотрелось как крепость.

Отставив косу, я перешел к самому дому. Заменял разбитое окно и починил сломанную дверь. Зафиксировал дребезжащий кухонный шкаф и прочно закрепил лестницу, ведущую на второй этаж. Больше всего усилий потребовал деревянный пол в гостиной. Возможно, здесь жил человек вроде Толстяка-130: доски на полу в нескольких местах были проломлены, а кое-где и вовсе отсутствовали. Я оторвал одну доску и, взяв ее в качестве образца, отправился к лесоторговцу, думая приобрести похожую древесину. Лесоторговец, разглядывая ее, сказал, что впервые видит такое дерево. Он пришел к выводу, что доска имеет не заводское происхождение, а изготовлена из ствола дерева, который спилил бывший хозяин дома. Я купил похожее бревно и вернулся домой. Затем отправился за электропилой и соответствующими инструментами для изготовления досок. Вечером мы с Толстяком-130 разрезали бревно, напилили досок, прострогали и отшлифовали их, а затем, нарезав по размеру, заменили поврежденные и отсутствующие фрагменты пола. Когда все было закончено, на него приятно было взглянуть. Конечно, старые и новые доски немного отличались по цвету, но это выглядело всего лишь как оригинальность дизайна.

Гостиная мне понравилась уже тогда, когда я впервые вошел в дом. Теперь, после ремонта, в ней стало намного уютнее. Когда сидишь в просторной гостиной и смотришь в окно, в глаза бросается гора Маосан, находящаяся в противоположной

стороне за деревней. Мне нравился интерьер гостиной, а вид на гору был настолько красивым, что я, иногда прерывая уборку, любовался им через окно.

На первом этаже находились гостиная и кухня, а на втором — три спальни. Одна спальня была полностью пустая, но в двух других стояли кровати. Мне понравилась жесткая кровать, но из комнаты, где она стояла, вид был не особо удачным. В любом случае, я редко использовал второй этаж. Когда живешь один в таком большом доме, использование второго этажа — пустая трата энергии, поэтому на втором этаже я лишь вытер пыль.

Я разместил в гостиной шестиместный диван, купленный на рынке подержанных вещей. Я спал и ел на нем. Пространства в гостиной было достаточно. По сравнению с жизнью в минивэне условия в этом доме были прямо-таки королевскими. Можно было свободно вытягивать ноги и переворачиваться с боку на бок, а большего и желать не приходилось. Я специально расположил диван в таком месте, откуда хорошо было видно окно. Я лежал и смотрел на гору Маосан. Окно было для меня телевизором, который двадцать четыре часа в сутки ежедневно демонстрировал документальный фильм о природе.

Когда у Толстяка-130 бывал выходной, мы красили наружные стены дома. Мы долго думали о том, какой же цвет выбрать: зеленый или голубой. В конце концов решили красить в зеленый. Я принял во внимание мнение Толстяка-130, который уверял, что зеленый будет действовать как защитный цвет. Когда мы заканчивали с покраской, неожиданно появилась Хон Хечжон в инвалидной коляске.

— Я, кажется, прибыла в нужное время, — сказала она с лукавым видом.

— О, какими судьбами?

— Брат, это я пригласил Хон Хечжон, чтобы устроить новоселье, когда мы закончим красить.

— Эй, на новоселье приглашает хозяин дома, как может это делать гость?

— Э, брат, какая разница, кто пригласит. Мы поздравим тебя со вселением в новый дом. Не так ли, госпожа Хон Хечжон?

— Конечно. Для этого случая я напекла много вкусных бубликов. И вино принесла.

На новоселье Хон Хечжон преподнесла мне мини-аудиосистему и компакт-диск. На диск она переписала особо понравившийся мне альбом из ее коллекции. В момент получения

подарков вдруг подумалось: они двое — моя семья, которая дает то, что требуется, находится рядом, утешает, когда необходимо.

При виде компакт-диска я вспомнил своего покойного старшего брата. Мы с ним редко разговаривали друг с другом, обходясь минимальным количеством слов. Когда мне было четырнадцать, а моему брату — двадцать, внезапно умерла наша мать. С тех пор мы боялись друг друга. Мы оставались последними членами семьи, но не могли надеяться друг на друга. Мы боялись привязанности, потому что боялись утраты. Тогда я и решил, что в любом случае в этом мире следует жить одному. Осознание этого в четырнадцать лет было не самым приятным жизненным опытом.

Каждый из нас должен был как-то пережить утрату матери. Я рассчитывал поговорить с братом, когда нам станет полегче, обсудить все то, на обсуждение чего был наложен негласный запрет — ради выживания. Я знал, что старший брат работал над каким-то музыкальным проектом, но он никогда подробно об этом не рассказывал. Я даже не знал, какую музыку он любил. Когда я услышал, что он умер, то почувствовал себя преданным. Брат должен был любым способом выжить и наконец-то поговорить со мной. Но он упустил шанс. После его смерти я больше не верил в будущее. Ведь вероятность того, что события, которые еще не произошли, никогда не настанут, крайне высока. Однако вероятность того, что события, произошедшие в прошлом, произойдут снова, высока. Для того чтобы предсказать настоящее, необходимо знать прошлое, но будущее — это роскошь.

Толстяк-130 подарил мне десять блокнотов на пружинах и авторучку, на которой были выгравированы мои инициалы.

— Думаю, будет неплохо, если бы вы могли записывать свою историю сюда, — сказал он, указывая взглядом на блокноты.

— У меня нет литературного таланта.

— Какой еще нужен талант, чтобы писать! Просто записывайте в точности, что с вами произошло. Я ведь знаю: что бы вы ни делали, вы делаете хорошо.

— Отличный подарок. Итак, теперь ждем хронологию от Че Чжихуна? — улыбнулась Хон Хечжон.

— Брат, вам придется сильно попотеть. Непросто сравниться с гордостью Толстяка — его хронологической таблицей истории и традиций, — расхохотался Толстяк-130.

В ту ночь, после ухода Хон Хечжон и Толстяка-130, меня охватило одиночество. На полу в кухне остались две пустые

бутылки и три рюмки с засохшими алыми винными разводами. Рядом валялись несколько кусков недоеденной пиццы, скорлупа фисташек, крошки от бубликов и остатки салатов. Я выключил свет и выглянул в окно, но ничего не увидел — темно было и внутри, и снаружи. Я снова включил свет и поставил подаренный диск. Затем я взял блокнот и авторучку. У меня возникло желание как можно точнее записать произошедшие события.

4

До зимы все было спокойно. Днем я работал, замеряя уровни сигнала, а вечером возвращался домой и ужинал. После ужина я, слушая музыку, мыл посуду. Затем садился на диван в гостиной и читал взятую из библиотеки книгу. Раз в неделю по средам ко мне домой в гости приходил Толстяк-130, а на выходных у нас были «Музыкальные встречи у Хон Хечжон, у которой есть бублики». Один лишь факт, что есть место, куда можно вернуться, полностью изменил мою жизнь. Потянулись размеренные, спокойные до скуки дни. В десять часов вечера я доставал ручку и блокнот и писал. Я заносил на бумагу все свои мысли, все, что случилось за день работы, описывал новые места, где я бывал. В течение недели я незаметно заполнил первый блокнот. Никогда не мог даже представить, что смогу написать так много. Стоило появиться на бумаге слову «Я», как предложения складывались сами собой. Я записал в блокнот все истории, которые до сих пор никому не рассказывал. Я также записал все, чем хотел поделиться со старшим братом. Порой мне казалось, что я слышу его голос, комментирующий написанное. Тогда я ему отвечал — на бумаге. Однажды таким образом я писал без перерыва с полуночи до шести утра. Только я собирался поставить точку, как вспоминалась другая история. Я отпивал воды и продолжал писать. Когда я наконец поднял глаза, то увидел восход солнца.

В течение месяца были полностью исписаны три блокнота. По воскресеньям я обычно перечитывал то, что написал за неделю. Это оказалось небезынтересным. В записях я представлял не таким, каким был в повседневной жизни. В них я был грубым, самодовольным и нахрапистым человеком, стремящимся всегда оставлять последнее слово за собой. Кажется, я начал

понимать, почему Толстяк-130 создал свою хронологическую таблицу, которой так гордился.

К концу осени ко мне пожаловали Кегель и Зеро. Это произошло через два месяца после вселения. Когда они постучались во входную дверь, я как раз перечитывал свои записи за неделю. Был воскресный полдень, солнечный свет через окно проникал в центр гостиной. Когда я впервые увидел их лица через дверное стекло, я не смог угадать их возраст. Они одновременно были похожи и на стариков, и на молодых людей, и на детей. Сквозь волнистое стекло их лица виделись сильно искаженными, но куда больше озадачивала их причудливая внешность. Кегель являл собой энергичного мужчину. На голове у него была коричневая охотничья шапка, одет он был в красную цветастую рубашку, в каких ходят на пляж, хотя такого поблизости не наблюдалось. Для деревни Корио и данного времени года это была совершенно неподходящая одежда. В противоположность Кегелю Зеро был в неприметной серой спецовке. Кегель был повыше, но Зеро поплотнее. Его темное лицо вызывало мысли о всепоглощающей черной дыре. Пара производила странное впечатление.

— Что случилось?

— Поскольку мы не грабители, откройте, пожалуйста, дверь.

— Кого вы ищете?

— Мы что, похожи на потерявшихся стариков? Мы здесь, чтобы встретиться с вами.

— Со мной, зачем?

— Что значит зачем? Прошло уже несколько месяцев, как вы переехали сюда, а с нами до сих пор не познакомились. Хотя ваш дом и стоит несколько на отшибе, но находится недалеко, можно сказать, перед носом. Вы не можете делать вид, что не знаете этого. Честно говоря, я наслышан о вас от Хон Ёк¹.

— От Хон Ёк?

— От госпожи Хон Хечжон. Я имею в виду переводчицу. Мы зовем ее для краткости Хон Ёк. Ты ведь работаешь в контрольно-измерительной группе компании «EVOL»? Тогда поговори немного с моим другом. Его зовут Зеро. Он наш изобретатель.

¹ Игра слов. Хон Ёк (кор. 홍역) в переводе на русский язык означает «болезнь корь». Прозвище Хон Ёк сформировано слиянием двух слов — «Хон» и «Ёк», где «Хон» означает фамилию, а «Ёк» переводится как «переводчица».

Если понравишься ему, кто знает, быть может, что-нибудь изобретет для тебя. Он гений, который делает новые вещи из ничего, поэтому его зовут Зеро. Да, кстати, сам я не представился. Меня зовут Кегель.

— Кегель? — спросил я удивленно.

— Даже не думай о такой вещи, как гимнастика Кегеля¹. Это из другой оперы. Почему-то, когда я говорю о своем прозвище, девять из десяти думают одинаково.

— Я так не думаю. Я даже не знаю, что такое гимнастика Кегеля.

— Наш невежественный друг не знает даже, что такое гимнастика Кегеля! Вероятно, что он не знает и что такое игра в кегли. Это игра, похожая на боулинг.

— Впервые слышу об этом.

— Как это можно не знать про лучшую спортивную игру — игру в кегли? Почитай про нее в Интернете. Уверен, что ты захочешь посмотреть. Тогда найди меня. У меня есть зал для игры в кегли в Корио-центре. Я был первой кеглей в течение десяти лет. То есть удерживал первенство все это время. Отсюда и мое прозвище — Кегель.

— Хорошо, я посмотрю в Сети.

— Теперь все целиком надеются на Интернет. Но предупреждаю: суть игры через видеоролики не понять.

— Вы же сами только что советовали посмотреть в Сети. Вы противоречите самому себе.

— Но ты же ничего не знаешь об этой игре. Так что для начала попробуй найти информацию в Интернете.

Я переговаривался с визитерами через дверь, не открывая ее. Они были первыми посетителями, я не знал, как мне к ним относиться. Я не хотел никого впускать в мое личное пространство, но не видел, как бы их повежливее спровадить.

— Ты что, собираешься держать почти умирающих стариков на улице? — От имени парочки все время говорил Кегель, тогда как Зеро не проронил ни слова.

— У меня тут небольшой беспорядок.

— Что касается беспорядка, тебе за нами не угнаться, точно, Зеро?

Кегель толкнул дверь и вошел в дом. Протест против вторжения в мое пространство был побежден заинтригованностью,

¹ Комплекс упражнений, направленных на укрепление мышц тазового дна. Предложен гинекологом Арнольдом Кегелем в 1948 г.

что кто-то проявляет ко мне интерес. Вслед за Кегелем вошел, оглянувшись, Зеро и с подозрением стал осматривать комнату. Кегель, войдя, снял свою охотничью шапку и положил ее на диван.

— Да-а-а-а, после такого ремонта, оказывается, в этом доме тоже можно жить. Ты спишь на втором этаже? Хотя нет, конечно. Когда живешь один, нет смысла подниматься на второй этаж. Гляжу, ты расположился здесь — на диване. Знаешь, какое у меня было желание, когда я был молодым? Пожить одному. Конечно, с этим сопряжены некоторые сложности, зато приобретаешь полезный опыт. К тому же когда наслаждаться одиночеством, если не в молодости. — Кегель засмеялся.

Пока он занимал меня разговорами, Зеро молча осматривал дом, не пропуская ни одного уголка, то и дело касаясь пальцами складок одежды на животе. Со стороны казалось, что он набрасывает на себе план интерьера. Его взгляд был холодным и острым. Сочетание тонких, словно вырезанных бритвой губ и колючих, внимательных глаз создавало впечатление напряженности. Кегель с беспокойством оглянулся на него.

— Ну что, особых проблем нет? — осведомился он, но Зеро не ответил.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Пока еще ничего не случилось. Собственно, мы пришли удостовериться, нет ли у вас каких-либо проблем. Впрочем, судя по Зеро, кажется, особых проблем нет. Я — глава деревни Корио, поэтому, пожалуйста, позвони мне, если что.

— То есть мне позвонить вам, если возникнут какие-то сложности, я правильно вас понял?

— Да. Звони по любой проблеме. Свяжись со мной, если кто-то будет тебя беспокоить, или что-то пропадет, или встретишь что-то странное, — в общем, по любому вопросу. Звони по этому номеру, — он протянул листок, — в любое время суток.

Когда они ушли, даже воздух, кажется, изменился. До их прихода я и не предполагал, что с домом могут быть связаны какие-то проблемы, — все казалось таким спокойным. Однако когда я подумал, что есть вероятность, что что-то может произойти, мне стало одновременно любопытно и страшно.

Было воскресенье, но я достал блокнот и авторучку. Я попробовал составить список возможных опасностей, которые могли поджидать меня в доме: вторжение хищных зверей, тайфуны, наводнения, кражи, грабеж, поджоги, общественные беспорядки, проникновение змей, насекомые (я представил, как

задыхаюсь от отека, искусанный пчелами), град и молнии... Набралось более сотни разных напастей, и невозможно было предвидеть, какую из них стоило ожидать. Могло случиться так, что ни одна проблема не возникнет или — что труднопредставимо — все они возникнут одновременно. После долгого размышления я пришел к выводу, что все это ровным счетом ничего не значит. Существует очень мало подобных ситуаций, которые можно предотвратить, если подготовиться заранее. Но даже если вы сможете ее предотвратить, это пустая трата времени. В общем случае на каждую проблему есть ответ. Если она встает перед вами, иногда достаточно просто внимательно посмотреть на нее. Почему? Потому что обычно внутри проблемы заключено ее решение. Это главный урок, который я усвоил, прожив более тридцати лет. Если измерять индекс счастья человека по сумме больших и малых проблем, с которыми он сталкивался на протяжении всей своей жизни, и положить, что он тем меньше, чем больше сумма, то я точно буду одним из самых несчастливых людей. Так что я решил, что в моей жизни проблемы не имеют большого значения.

В конце декабря Хон Хечжон пригласила Толстяка-130 и меня на вечеринку и розыгрыш «Тайто».

— Вы говорите, розыгрыш «Тайто»? Конечно, мы придем. Неужели мы увидим эту игру? — радостно воскликнул Толстяк-130.

— Да, я думаю, что время пришло. Повторяю снова: это совершенно не интересная игра. Но вы так настаиваете, поэтому я объясню вам правила.

— Я буду разочарован, если она окажется скучнее камня-ножниц-бумаги.

— К счастью, «Тайто» поинтереснее. В общем, приходите в субботу в шесть часов вечера в Корио-центр. Я внесу вас в список, так что просто назовитесь на входе.

— Нам нужно как-то по-особенному готовиться? Какой-нибудь дресс-код там, или не забыть подарок?

— Нет, ничего не нужно. Только попрошу вас — оденьтесь максимально просто. Вы и так будете выделяться, будучи самыми молодыми среди присутствующих. А если еще и приоденетесь, то приведете всех в растерянность.

Толстяк-130 пришел ко мне в субботу днем. На нем была повседневная одежда: белая рубашка и черные брюки, а поверх — темно-синий пуховик. Пуховик заметно укрупнял его и без того немаленькую фигуру. Толстяк-130 явно был взволнован.

— Впервые в жизни иду на вечеринку. А вам, брат, доводилось?

— Да, несколько раз.

— И что там обычно делают?

— Ничего особенного. Едят, пьют, танцуют. И все, в общем-то.

— Там разговаривают?

— Если есть собеседник.

— Мне кажется, что там будет очень интересно, — сказал Толстяк-130. И, усевшись на диване, стал ждать наступления вечера.

Я вышел во двор, чтобы привести в порядок минивэн. Прибрался в салоне, пропылесосил его, а затем помыл машину снаружи. Пена стекала по поверхности лобового стекла, образуя свои островки, которые тут же исчезали. Я насухо протер лобовое стекло, чтобы его поверхность не замерзла, затем перешел к багажнику. После того как я начал жить в доме, я стал гораздо реже использовать проигрыватель «Hug Shock». Теперь я много слушал музыку дома, поэтому мне нравилась тишина, когда я сидел за рулем. Оказалось, что организм воспринимает лишь определенное количество музыки в день. В какой-то момент меня стала раздражать необходимость останавливаться и переворачивать пластинку. В последнее время, когда мне хотелось послушать музыку, я включал радио. Приводя в порядок грампластинки в багажнике, я впервые за долгое время подумал о старшем брате.

— Брат, нам не пора? — послышался оклик. В голосе Толстяка-130 слышались нотки беспокойства.

До назначенного времени оставался еще целый час, но душой Толстяк уже был в Корио-центре, до которого было десять минут пешком. Я вернулся в дом и переоделся в джинсы и серую футболку с нарисованной на ней вороной. Это была моя обычная одежда. Поверх футболки я надел вельветовую куртку.

У входа в Корио-центр висел большой баннер с надписью «Тайто-2013». Под ним была фраза: «Вход только участникам лотереи». Мы вошли и оказались в небольшом вестибюле, где сидели две пожилые женщины, проверявшие билеты у входа в зал. На билеты они даже не смотрели, поскольку все жители были друг с другом знакомы. Но нас никто не знал.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила одна из старушек.

— Нас пригласили.

— Пригласили? Кто пригласил?

— Госпожа Хон Хечжон...

— Как тебя зовут?

— Че Чжихун.

— Это имя есть в списках, — подтвердила билетерша, обращаясь к напарнице.

Старушки внимательно оглядели нас с головы до пят. Убедившись, что мы с Толстяком-130 не представляем опасности, они переглянулись и разрешили нам войти.

Внутри на первый взгляд собралось около ста человек. В другое время помещение, видимо, использовалось в качестве спортзала, о чем говорил спортивный инвентарь, составленный вдоль стен. Середина зала была освобождена, и сейчас тут играли в разные настольные игры — в бинго, нарды, шашки и шахматы. Игроки смеялись и громко переговаривались. Гулкие отголоски гуляли под высоким потолком. Судя по всему, это место служило и игровым центром деревни Корио. Зрелище мне напомнило иностранное казино, виденное по телевизору. Разница состояла в том, что все присутствующие в Корио-центре были немолоды. За исключением нескольких человек лет сорока-пятидесяти, собравшиеся в основном выглядели далеко за шестьдесят. Средний возраст участников был где-то в районе 65–70 лет. Мы с Толстяком чувствовали себя, словно мальчишки, по ошибке зашедшие на территорию взрослых. Не зная, куда приткнуться, мы встали у барной стойки и заказали пиво.

За исключением игроков, кучковавшихся в центре, остальные посетители сидели на длинной скамье, приставленной к одной из стен. Должно быть, они были или слишком стары, чтобы принимать участие в развлечениях, или же ненадолго присели передохнуть. Вид этих пожилых людей, сидящих рядом, сложив руки на коленях, придавал собранию какую-то причудливость. Старики сидели неподвижно, будто замерзнув и окоченев, лишь глазами следя за происходящим. Со стороны они выглядели манекенами с камерами слежения вместо глаз. Некоторые из них удивленно поглядывали на нас. Я старался не смотреть в их сторону, но ощущал на себе их взгляды. Когда я почти допил пиво, на своей инвалидной коляске к нам подъехала Хон Хечжон.

— О, вы уже здесь, — сказала она, улыбаясь.

— Вот как раз собрались уходить — так тут скучно. — Толстяк-130 с притворно сердитым видом демонстративно поставил на стойку опустевшую кружку.

— Извините, что не уделила вам должного внимания. Слишком много народа, я не сразу смогла вас найти.

— Это меня-то не найти? — удивился Толстяк-130. — Я бы самого себя нашел за десять секунд. Потому что тут у всех уголки рта приподняты вверх, только у меня они опущены вниз. Разве такого, как я, можно не заметить?

— Ха-ха-ха, прости. Вижу, ты сильно обиделся. Я как увидела издали эти опущенные уголки, так и примчалась со всей возможной скоростью.

— Не обижайтесь на него. Он сказал, не подумав. Не знаю, быть может, мы причиняем вам беспокойство. Мне кажется, что это место не для таких людей, как мы, — сказал я примирительно.

— Конечно, вы значительно моложе собравшихся, но вы не маленькие дети. Давайте не будем стоять здесь, а пройдем вон туда, — она кивнула на группу посетителей, — я представлю вас нашим.

В тот день мы познакомились с более чем с полусотней жителей Корио. С одними мы здоровались глазами, улыбаясь, с другими обменивались рукопожатиями и, называя имя, смеялись, с третьими, выслушав их имена, отпивали глоток пива, имена четвертых влетели в одно ухо и вылетели из другого. В тот момент, когда церемония представления закончилась и я перевел дух, на трибуну поднялся Кегель. Его облик разительно отличался от того, в котором он предстал при первом знакомстве. Сейчас он источал авторитет. Возможно, причиной тому был европейский костюм.

— Ну что, начинаем?

Глаза тех, кто следил до этого за игроками в центре зала, повернулись в сторону трибуны, на которой стоял Кегель. В огромном Корио-центре сразу стало тихо. Слышались лишь отдельные покашливания. Толстяк-130 и я затаили дыхание. Красная ткань, сворачиваясь, словно занавес на сцене, медленно поднялась к потолку, открывая огромный экран с таблицей. В каждой строке ярко светилось одно имя, всего было сорок имен. Внешне она походила на таблицу, которая висела на холодильнике в доме Хон Хечжон, но имелась небольшая разница: против каждого имени был добавлен текущий статус человека.

— Время летит очень быстро, верно? Уже прошел год. Многие умерли, а мы живы. Разрешите мне теперь огласить результаты.

Имена в таблице смешались в водовороте так же, как это происходит на экранах игровых автоматов. Наконец сформи-

ровалась верхняя строчка, за ней вторая, третья... Теперь они выглядели иначе. Следом за именем стояла дата, дальше причина смерти, а в колонке статуса значилось «Умер». Записи были отсортированы по возрастанию даты. Таковых строчек было пятнадцать. Начиная с шестнадцатого имени, в колонке статуса светилось слово «Жив».

Откуда-то послышался радостный возглас. Все головы повернулись в ту сторону.

— Поздравляю. Директор больницы господин Пак Кихён, не так ли? — сказал Кегель. — Простите, как-то неудобно получилось. В этом году произошло изменение. Доктор, пожалуйста, выйдите сюда.

— В результате тщательной проверки выяснилось, что Ли Сону умер в апреле в результате самоубийства, — сказал вышедший г-н Пак Кихён. — Итак, конечный результат...

Строчка с именем Ли Сону перечеркнулась красной линией, и сам порядок записей изменился. На этот раз раздались радостные возгласы с другой стороны, вслед за ними послышался издевательский смех. Кегель снова схватил микрофон.

— Поздравляю. Выходите вперед. Господин Пак Кихён, вы тоже задержитесь. Вам полагается утешительный приз. О, уважаемый господин Ли Сону был еще тот забавник. Он бы в любом случае рано или поздно умер бы. Зачем же было так торопиться и ставить господина Пак Кихёна в щекотливое положение?

Эти слова были встречены громким смехом. Толстяк-130 и я не знали, как на все это реагировать. Все казалось странным. Нам трудно было понять причину смеха. С одной стороны, собравшиеся вроде бы насмеялись над смертью других людей, с другой — радовались этому. Люди на пьедестале были взволнованы и счастливы, а все остальные в зале, выкрикивая с места, поздравляли их. Когда церемония награждения закончилась, посетители вновь вернулись к прежним занятиям. Толстяк-130 прошептал мне на ухо:

— Брат, вам не кажется, что тут все похоже на сумасшедших?

— Я тоже еще не понял, что к чему, — тихо ответил я, совершенно обескураженный.

— Что хорошего в том, что человек умер, и чему они так радуются?

В тот вечер Хон Хечжон разъяснила нам правила игры «Тайто», которая заключалась в угадывании порядка смертей жителей деревни. Ежегодно первого января в Корио-центре проходит розыгрыш «Тайто». Сначала объявляют кандидатов

на смерть — самых пожилых людей. Вместе с их именами раскрывается состояние их здоровья: уровень артериального давления, основное заболевание, история болезни. Человек, купивший лотерейный билет, решает, в каком порядке умрут очередные сорок кандидатов, его вариант фиксируется. Результаты оглашаются в конце декабря. Обычно в течение года кто-то из этого списка умирает, а кто-то нет. Угадавший наиболее точно порядок смертей за прошедший год занимает первое место и получает приз.

Слушая объяснение, Толстяк-130 все время качал головой. Это означало, что он совершенно не мог понять правила игры.

— А денежный приз большой?

— Я не получала его, поэтому не знаю. Сумма приза является секретом.

— Можно же спросить человека, который получил деньги.

— Это невозможно. Согласно правилу, любой человек, который победил и получил денежный приз, сразу покидает Корио.

— Видимо, сумма настолько большая, что возникает желание покинуть Корио...

Меня больше интересовала не сумма денежного приза, а причина того, почему люди играют в такую ужасную, на мой взгляд, игру. Что-то явно не вязалось со здравым смыслом. Я не мог себе представить, как можно делать ставки на чью-то смерть. Еще труднее было вообразить, что я буду ставить деньги на смерть не какого-то незнакомца, а соседа. Хон Хечжон прочитала вопрос в моих глазах.

— Я тоже сначала сочла это странным. Как-то не укладывалось в голове, что для того, чтобы я победила, кто-то должен умереть. Но когда поживешь в Корио, начинаешь понимать «Тайто». Сейчас вам все это кажется странным, потому что вы еще мало знакомы с деревней. Поверьте, никто из здешних людей не нервничает по поводу смерти, даже своей собственной, поэтому и способны шутить на эту тему. Мы же ставим на скаковых лошадей — вот и здесь делают то же самое.

— Это слишком жестоко, — возразил я.

Все во мне протестовало против слов Хон Хечжон, столь легко сравнившей людей и лошадей.

— Возможно, это так выглядит, но все же это просто игра.

— Но и в этом случае разве подобное допустимо? Вы действительно так считаете?

— Я понимаю, о чем вы думаете, Че Чжихун. Но некоторые люди проще смотрят на смерть.

— Допустим. Но использовать человеческую смерть как игру — сумасшествие.

— Таковы традиции этой деревни.

— И вы им следуете? Что касается меня, я бы ни за что не стал участвовать в такой игре.

— Но я не вы, Че Чжихун.

— Да, вы не я. Видимо, я неправильно вас понял.

— Че Чжихун, не делайте поспешных выводов. Неужели вы не можете просто принять это как есть?

— Извините. Кажется, я заблуждался насчет госпожи Хон Хечжон.

— Когда вы лучше узнаете жителей Корио, я думаю, вы меня поймете.

— Да проживи я здесь сто, тысячу, миллион лет, поговори я по миллиону раз с каждым, я и тогда едва ли смог бы найти этому оправдание.

— Ну что ж, раз вы так думаете, я ничем не могу помочь.

Возвращались мы молча, с испорченным настроением. Расставшись с Толстяком-130, я вернулся домой и, не включая свет, сел и глубоко задумался над тем, что же вывело меня из себя. В ушах все еще звучал голос Хон Хечжон, ее слова: «Когда вы лучше узнаете жителей Корио, я думаю, вы меня поймете». Но я не желал понимать. Что я вообще должен, по ее мнению, понять? Что смерть мало чем отличается от жизни? Что смерть и жизнь — это как две стороны одной медали? Что смерть — всего лишь продолжение жизни? Это я должен понимать? Я был убежден, что все это пустое умствование. При мысли о смерти у меня перехватывало дыхание точно так же, когда я думал об утрате старшего брата. Рассудочное знание и проживание — это две разные вещи.

Я решил на некоторое время воздержаться от встреч с Хон Хечжон. Злость прошла, но словно какая-то невидимая стена встала между нами, мне не хотелось видеть Хон Хечжон.

Минул Новый год, прошла половина января. Я не заезжал в деревню Корио и не связывался с Хон Хечжон. Время от времени я встречался с Толстяком-130. Порой мы возвращались к виденному во время игры «Тайто». Словно дети, подглядывавшие тайну взрослых, мы никак не могли прийти в себя от полученного шока. Хон Хечжон тоже не звонила нам после того злополучного дня. Как-то раз Толстяк-130 заметил, что уже настал Новый год, а мы ни разу не позвонили ей. Я промолчал.

- Брат, а как насчет того, чтобы жить вместе со мной?
 - Что ты имеешь в виду?
 - Мой братишка уехал учиться за границу, в доме появилась пустующая комната. Я рассказал о вас маме, она сказала, что вы можете переехать к нам в любое время.
 - А с этим домом что делать?
 - Мда-а, проблема. Тем более что мы его недавно отремонтировали.
 - Твой дом рядом с библиотекой?
 - Да, в пяти минутах ходьбы. Разве вам не трудно быть одному?
 - Нет, не трудно.
 - И все-таки жить вместе было бы хорошо. Моя мама прекрасно готовит. Это оттого я такой упитанный. Если вам неудобно, можете платить за аренду, мне без разницы.
 - Эй, парень, здесь я живу бесплатно.
 - Ясно, я тоже предлагаю бесплатно.
 - Что же прикажешь мне делать с этим домом?
- Я несколько раз задавал себе этот вопрос, в глубине души зная ответ. «Что значит что делать? Ни одного лишнего дня не задерживаться здесь, возле этой деревни. Разнести тут все, оставив все сорнякам, и поскорее убираться восвояси».
- Брат, так вы хотите переехать ко мне?
 - Хорошо. Я подумаю.

В один из четвергов января в два часа дня в дверь постучал Кегель. Казалось, на его лице лежала смертная тень. Он говорил медленно, с его губ слетели слова о смерти. Кегель объявил о кончине Хон Хечжон. Нет, скорее не объявил, а известил, что похоронная церемония вот-вот начнется. После того как мы узнали об этом, нам, ее близким друзьям, более всего стало стыдно не оттого, что мы не смогли проводить ее в последний путь, а оттого, что, даже когда она умирала, мы думали лишь о том, как уехать от нее.

5

Когда мы с Толстяком-130 прибыли, похоронная церемония уже началась. Собралось примерно пятьдесят человек. Мы даже толком еще не успели осмыслить потерю и накинулись на

Кегеля: отчего он так поздно сказал нам, почему не известил, когда она болела?

— Никакой благодарности! Я подумал о вас, позвал, а вы... Если бы один из вас не поселился здесь, стал бы я вам вообще сообщать! Так что скажите спасибо. Хватит болтать ерунду, встаньте вон там в уголке и наблюдайте. Эй, Толстяк, хватит рыдать. Почему ты все время трясешься, словно припадочный?

Церемонию проводили на общественном кладбище в парке, расположенном в центре деревни. Вокруг могилы Хон Хечжон были накрыты столы. Похороны напоминали свадьбу. За каждым столом сидели по три-четыре человека, в их распоряжении были сэндвичи и напитки, собравшиеся смеялись и обменивались репликами. Из маленьких колонок звучал вальс, который обычно ставят во время проведения свадебных церемоний. Казалось, вот-вот появится Хон Хечжон и протянет руку, приглашая на танец. Толстяк-130 тем временем продолжал плакать, опустив голову. Временами плечи его подрагивали. Хорошо, что он сидел в дальнем углу.

Минут через десять кто-то вышел, чтобы вознести молитву. Я узнал его, этот человек присутствовал на вечеринке «Тайто», но я не мог вспомнить его имени. Все присутствующие хлопали, когда во время своей речи он три-четыре раза произнес имя Хон Хечжон. Прощальная церемония завершилась, вперед вышел Кегель:

— Госпожа Хон Хечжон теперь навечно ушла под землю. Госпожа Хон Хечжон... нет, если не возражаете, я буду звать ее просто Хон Ёк, как привык при жизни. Она и дальше будет жить с нами, но только под землей. Все, что мы можем сделать для нее, это сохранять память о ней как можно дольше. Что плохого в том, чтобы помнить мертвых? Если не отдаваться во власть эмоций, есть ли игра интереснее «Тайто»? Пожилым людям, которые не могут двигаться как следует, остаются те игры, в которых важна голова, важна крепкая хватка памяти. — Он показал пальцем на свою голову. — Надеюсь, у собравшихся она крепка. Прощу вас, не отпускайте Хон Ёк из памяти.

В колонках прибавили звук. Люди снова принялись громко разговаривать, не забывая про водку. Тут и там слышался смех. Кто-то, фальшивя, затянул песню. Мне было трудно выносить это, поэтому я встал и, забрав с собой Толстяка-130, отправился пройтись по кладбищу. Толстяк перестал плакать, но выглядел плохо. Его опухшие от слез глаза казались более выпуклыми,

чем его живот, а лицо блестело от пота и слез. Я решил, что прогулка пойдет ему на пользу.

Все вокруг казалось нереальным. Никак не верилось, что в воскресенье, ближе к вечеру, я внезапно узнал о смерти хорошего друга. Не верилось, что смерть Хон Хечжон стала поводом для славного времяпрепровождения жителей деревни, тогда как мы с Толстяком-130 скорбно бродим по кладбищу, поглядывая на часы.

Тут не насыпали высоких могильных холмов, не ставили больших памятников. Вместо этого на небольшом надгробном камне высекалось имя покойного, даты его рождения и смерти и короткая эпитафия. Я брел между могил, читая надписи. И не было разницы между именем живого человека и мертвого. Имя, дата смерти, год рождения. Кто-то ушел рано, кто-то жил долго. Печаль постепенно уходила.

— Брат, смотрите, какая красивая могила, а? — сказал Толстяк-130. То, на что указывал его палец, язык не поворачивался назвать могилой.

На верху надгробного камня, похожего на грампластинку, было написано в стиле граффити имя — Ли Чанчжу, а рядом с ним другие граффити, видимо, сделанные друзьями, — несколько бутонов роз, свеча, письмо друга, коряво написанное на салфетке, красивый камушек и крест, оплетенный лозой. Рядом находилась рамка с фотографией смеющегося молодого парня.

— Он, видимо, был граффити-художником? Парень на фотографии, наверно, Ли Чанчжу и есть, — предположил Толстяк-130.

— Наверно, — сказал я рассеянно.

— Вау, посмотрите на это. Он родился в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, а умер в две тысячи восьмом году.

— Всего двадцать один год прожил.

— Интересно, почему он умер так рано?

— На могилах не пишут причины смерти.

— А было бы неплохо.

— Будь ты членом семьи, тебе понравилось бы это? Чтобы каждый раз, приходя сюда, проживать каждое мгновение его смерти?

— Ну да, вы правы, здесь не место для посторонних.

Мы медленно шли, разглядывая надгробия. На камнях были выгравированы имена разных людей, умерших по разным причинам, местами встречались надписи тех, кто скучал по ушедшим. Могилы — места встреч живых и мертвых. Изучать эпитафии оказалось интересным занятием: читаешь и стараешься

понять, что это был за человек. Иногда встречались надгробные камни, где вместо эпитафий были рисунки или стихи. Кладбище предлагало множество разных историй. Я подумал, что Хон Хечжон тоже, возможно, хотела бы какую-нибудь эпитафию на своей могиле.

— Брат, кажется, я знаю, что нам нужно сделать.

— Согласен.

Мы с Толстяком одновременно пришли к выводу, что последняя возможность загладить вину перед Хон Хечжон и выразить ей нашу любовь и признательность — это поставить надгробие. К сожалению, это было все, что мы могли сделать для нашего друга.

Разрешение на это мы получили легко. Кегель, выслушав нашу просьбу, проговорил одобрительно и со значением:

— Хон Ёк даже после смерти встретила настоящих друзей. Говорят, что нет большего счастья, чем дружеская поддержка, пока живешь и после смерти.

Теперь мы с Толстяком-130 посещали могилу Хон Хечжон каждый день. После окончания работы библиотеки я подхватывал Толстяка, и мы ехали на кладбище. На могилу мы прибывали к шести часам вечера. При жизни Хон Хечжон больше всего радовалась цветам. Каждый вечер мы клали новые цветы рядом с увядшими. Поприветствовав Хон Хечжон, мы погружались в исследование других могил. Меж собой мы называли это экспедициями; мы смотрели, как другие люди украшают могилы, какие эпитафии вырезают на надгробных камнях. На самом деле выбор наилучшего варианта надгробия для могилы Хон Хечжон был всего лишь предлогом — могилы интересовали нас сами по себе. На кладбище Корио насчитывалось около трех тысяч захоронений, нам хотелось познакомиться со всеми. Нашим самым любимым временем стал вечер, когда мы после изучения могил усаживались на скамейку в центре кладбища и любовались вечерним закатом. Когда я смотрел на мерцающие надгробия, отражавшие последние лучи солнца, мне казалось, что я смотрю на ослепительно сияющую гладь моря.

— Тебе не кажется, что души возвращаются в свои могилы? Я имею в виду это мерцание, а? — сказал я.

— Брат, зачем вы снова, страшно же, — испуганно отозвался Толстяк-130.

— Что страшного-то? — удивился я.

— Я до сих пор не думал об этом, но вот вы сказали о душах. Разве вам не кажется, что здесь собираются призраки?

— А что же тогда тебе напоминает мерцание на надгробных камнях?

— Шахматную доску. Разве надгробные камни не похожи на коней на шахматной доске?

— Эй, это еще страшнее. Представь себе, что каждую ночь здешние надгробные камни перемещаются. Вон та надгробная плита незаметно придвинулась бы к нам и произнесла: шах и мат.

— Не говорите так, брат, мне боязно.

Как ни смотри, а надгробие — всего лишь обычный камень. Единственным отличием от других камней является то, что на нем написано чье-то имя, дата рождения и смерти, эпитафия. Но именно эти простые различия и становятся самыми главными. Одно имя может многое изменить.

Мы с Толстяком-130 обменялись несколькими идеями относительно запечатления памяти Хон Хечжон. Мои мысли о том, чтобы сложить ее любимые грампластинки перед надгробием, были отвергнуты Толстяком-130, а я отверг его идею о том, чтобы похоронить вместе с ней ее сотовый телефон и заставить его звучать, если позвонить на него. Я не помню, кем из нас было выдвинуто предложение трехмерной голограммы ее прижизненного облика. К счастью, оно тоже было забраковано — слишком уж необычно это смотрелось бы. Да и люди, подумав, что видят призрака, могли испугаться. Что вы будете делать и как отреагируете, если каждый раз, когда будете подходить к могиле Хон Хечжон, перед ней будет возникать ее голограмма и говорить: «Добро пожаловать, у меня все хорошо, за исключением того, что я мертва. Спасибо, что не забыли меня и пришли навестить. Хотите я спою вам песню?» Конечно, с одной стороны, весело, но с другой — это может шокировать человека. Нет, это не стиль Хон Хечжон. Но тогда каков ее стиль? Мы никак не могли прийти к единому мнению.

В деревне Корио бытуют два способа захоронения. Первый обычный: труп хоронят в земле либо сжигают, а пепел развеивают по деревьям. Часто по просьбе родных и близких делается посмертный макияж, но нередко, как в случае с Хон Хечжон, у которой не было семьи, обходятся без него. Второй способ специфичен для деревни Корио. В большинстве культур мира труп располагают горизонтально. Это означает, что человек долго стоял в течение жизни, а теперь может спокойно лежать. Однако в Корио тело закапывают в вертикальном положении. Из-за этого требуется большая глубина могилы. Процесс рытья такой

могилы представляет собой грандиозное зрелище. С крана выдвигается стрела с подвешенным бурильным устройством, похожим на огромный шприц, которое, словно высасывая кровь, роет могилу. Согласно объяснению Кегеля, существовали две причины для вертикального погребения. Во-первых, экономилось место. Во-вторых, жители Корио верили, что мертвые не умирают, а живут в другом мире. Собственно, и небольшой размер надгробий объяснялся вертикальным положением гробов.

Когда я впервые услышал об этом, меня бросило в дрожь. После этого каждый раз, проходя по кладбищу, я чувствовал, что наступаю кому-то на голову. В многоквартирном доме или таунхаусе такого чувства не испытываешь — твердый бетон перекрытий избавляет от беспокойства за тех, кто живет этажом ниже. Но здесь, на кладбище, на мягком грунте, все ощущается иначе. Закрадывается опасение, что кто-то под землей может нервничать и раздражаться из-за того, что наступают ему на голову. Когда я представляю людей, стоящих друг на друге, все мое тело от страха покрывается гусиной кожей.

Прошло две недели, цветы все копились и копились, а мы все еще не приступили к задуманному. Поначалу мы склонялись к чему-то оригинальному, но потом задались вопросом: а что дальше? Что мы будем делать, красиво и оригинально украсив могилу? Поэтому мы решили для начала установить надгробный камень, а все остальное сделать позже. На надгробии Хон Хечжон мы решили написать:

Хон Хечжон *

1948.4.14 † 2013.1.21.

Нет идеально собранного пазла.

«Нет идеально собранного пазла», — часто говорила Хон Хечжон. Мне почему-то казалось, что именно эти слова лучше всего описывали ее смерть. Нет идеально собранного пазла. Нет идеального перевода. Нет идеального материала. Нет идеальной жизни.

Надгробие установили. Мы с Толстяком-130 сидели и смотрели на него. Вся жизнь одного человека была кратко описана именем, двумя символами, парой дат и одной эпитафией.

В тот день я впервые встретил ее дочь. Это случилось, когда Толстяк-130 и я ненадолго отлучились, чтобы заплатить управляющему кладбищем за надгробный камень. Когда мы вернулись обратно, она стояла возле могилы. Этот миг запечатлелся

в моей памяти. Сперва мне показалось, что я вижу со спины Хон Хечжон, вставшую из инвалидной коляски: чуть склоненная вправо — градусов на пять — голова, соответственно скошенная линия плеча, выпирающая лопатка, характерный затылок.

— Вы пришли навестить Хон Хечжон? — спросил Толстяк-130.

— А вы кто такие? — грубо поинтересовалась девушка, резко обернувшись к нам.

— Мы — друзья Хон Хечжон, — пояснил Толстяк-130.

— Друзья?

— Мы собирались вместе, слушали музыку, смотрели фильмы...

— А-а-а, слышала о вас. Мне было любопытно, кто вы такие. Хотелось узнать, кто эти люди, которые так хорошо относились к моей матери, у кого душа широка, словно море, кто был прекрасен и нежен с ней, как шелк, — с небольшой долей сарказма сказала девушка.

— А, в таком случае... Она не говорила, что у нее есть дочь.

— Я тоже не докладываю каждому встречному-поперечному, что у меня есть мать.

Она и внешне была очень похожа на мать; видимо, Хон Хечжон в тридцать лет выглядела примерно так же: пухлые губы, заостренный подбородок, чуть раскосые глаза, чуть впалые щеки. Надень дочь очки, которые делают человека старше, и, глядя на фотографию, невозможно было бы сказать, кто перед тобой — мать или дочь.

— Так или иначе, рада познакомиться. Меня зовут Хон Ян. Случайно это не вы поставили надгробную плиту?

— Можно сказать, что мы.

— И надпись ваша?

— Эти слова часто использовала госпожа Хон Хечжон, поэтому мы выбрали их, — сказал Толстяк-130, словно оправдываясь. Я предоставил ему инициативу говорить от лица нас обоих, а сам молчал.

Несмотря на внешнее сходство, дочь скорее являла изнанку Хон Хечжон. Когда она хмурилась, казалось, все морщины на ее лице атаковали собеседника. Если начинала говорить, ее голос быстро приводил к напряжению. Если для Хон Хечжон смех служил щитом, то для ее дочери — орудием нападения. Другими словами, мать и дочь были двумя сторонами одной медали. На миг подумалось, что в лунном свете, возможно, Хон Хечжон превратится в дочь, а та — в мать. Раздраженная Хон Хечжон, хотя я никогда не видел ее в таком состоянии, видимо, была бы похожа на дочь.

— Нет идеально собранного пазла. Черт, смешно.

— Что смешного?

— Да заяви я подобное, мать ни за что не отвязалась бы, пока я не составлю весь пазл. Смешно, что она говорила такие слова, — прямо просветленная какая-то.

— У вас много плохих воспоминаний о ней?

— Можно сказать, что у меня нет о ней хороших воспоминаний, — с этими словами она раздраженно бросила на могилу букет цветов, которые все это время держала в руке.

Букет цветов с шорохом упал на землю. Хон Ян долго стояла с рассеянным видом, но, кажется, не плакала. Мы оставили ее одну перед могилой, пошли и сели на скамейку, откуда вечерами любовались закатами. Из-за выпавшего снега надгробия смотрелись на его фоне черными точками.

Под каждым из них захоронена одна человеческая жизнь. Это трудно осознать, но в реальности жизнь человека издали выглядит как маленькая точка. Я подумал о смерти старшего брата и Хон Хечжон. Они оба были хорошими людьми, никто из них никогда не пытался кого-то обидеть, никогда никого не обвинял несправедливо. Насколько я знаю, они никогда не обижали кого-то ради собственного успеха. Однако их смерть не оставила никаких особых следов в этом мире. Этот след был не глубже царапины от гвоздя, прочерченной по камню. Раньше я думал, что, когда умирают хорошие люди, в мире происходят большие изменения. Но в реальности все смерти в конце концов оказываются всего лишь маленькой точкой. Если смотреть издали на могилу, это маленькая точка, с еще более дальнего расстояния она становится и вовсе неразличимой.

— Вы можете проводить меня к дому матери? — Голос подошедшей Хон Ян вывел меня из размышлений о смерти.

На кладбище становилось темно. Толстяк-130, повернув голову, ответил:

— Конечно.

6

В тот вечер мы услышали от Хон Ян много нового. Когда мы зашли в дом, она предложила нам взять на память все, что мы захотим. У меня не было желания что-то забирать, но у Толстя-

ка-130, судя по его поведению, видимо, было, но он смолчал. Я догадывался, что это был чудо-стол.

Мне захотелось запечатлеть напоследок в памяти дом Хон Хечжон, пока ее дочь собирает вещи. Гостиная, где вместе с Хон Хечжон мы смотрели фильмы, диван, сидя на котором пили водку, смятая с одной стороны настольная лампа, на которую упал Толстяк-130 (Хон Хечжон, помнится, долго смеялась, глядя на него), книги на полке, стопки компакт-дисков и грампластинок возле аудиоцентра, огромный постер — все, за исключением самой хозяйки дома, — находилось в том же состоянии, что и при ее жизни. Я увидел приклеенную на холодильник таблицу с игрой «Тайто». Это была уже таблица на новый год, но там не было ее имени. Хон Хечжон записала порядок смерти других людей, указав их в таблице, но сама умерла первой; она вообще была первым человеком из тех, кто умер в 2013 году. Поскольку ее имени не было в списке кандидатов, это никак не повлияет на ее результат. Я вспомнил последний день, когда видел ее.

Хон Ян ходила по дому, словно что-то искала. Возможно, жители деревни Корио тоже, как и мы, не знали о существовании дочери, дом был аккуратно ими прибран. Во всех комнатах стоял такой холод, что сразу было понятно — это дом покойника. Хон Ян выдвинула ящик шкафа, затем заглянула в холодильник, вытащила одну книгу с книжной полки и, держа ее в руках, оглядывалась по сторонам. Она выглядела обескураженной, не находящей себе места. Я спросил:

— Вы что-то ищите?

— Не знаю, что именно, но мне кажется, что я должна что-то найти.

— Мы пойдем, а вы ищите не торопясь, — сказал я.

— Знать бы, что искать? Поиск сбережений, заныканных под платяным шкафом, семейной фотографии, над которой надо притворно горько плакать? Но что делать, если не плачется? Простите, я должна была пролить немного слез, извините, господа Хон Хечжон, — в голосе Хон Ян снова звучал сарказм.

— Если вы израсходовали все свои слезы, то, как бы вам ни было грустно, вы не сможете заплакать. Требуется зарядка.

— Вы имеете в виду, как сливной бачок унитаза?

— Сравнение, конечно, немного странное, но если угодно, то да — как унитазный бачок.

— Я тоже была бы рада поплакать. Было бы неплохо смыть с души немного дряни.

— Вы не можете плакать?

— Нет, я часто плачу. Я плачу, когда смотрю фильмы, сериалы, я беспричинно плачу, когда падают осенние листья, — нет, я часто плачу.

— Я имею в виду другое. Вы когда-нибудь плакали из-за человека?

Хон Ян склонила голову набок после моего вопроса и сказала:

— Кажется, нет. По крайней мере, в последнее время. Так что вы хотите сказать? Что я эгоистична, самоуверенна, отрицаю чужие достижения, предпочитаю критиковать, а не хвалить, вы это хотите сказать? Вы считаете меня жестокой по отношению к матери упрямицей, которая всю жизнь жила с мыслью не быть похожей на мать. Вы правы — это именно обо мне, все правильно.

Толстяк-130 достал компакт-диск и вставил его в плеер. Зазвучала песня группы «Stone Flower». Он сел на диван и закрыл глаза, видимо, вспоминая посиделки с Хон Хечжон. Громкая музыка заполнила помещение, жаловалась горько по-своему, голос Толстяка-130 чуть позднее стал подпевать. Музыка захватила нас и пространство вокруг. Первая песня альбома окончилась.

— Давненько не переслушивала, не так уж плохо, — сухо заметила Хон Ян.

— Я часто слышал эту песню.

Я будто оправдывался.

— Я тоже — с юных лет.

Хон Ян извлекла бутылку из бара-холодильника.

Хон Хечжон всегда знакомила нас с новыми винами. В баре оставалось много вин, с которыми так и не довелось познакомиться.

— Хотите выпить? — Хон Ян вернулась из кухни с тремя бокалами. И, не дожидаясь ответа, разлила вино.

Это оказалось бургундское. Цвет вина был темно-алым, точь-в-точь кровь. Хон Ян, Толстяк-130 и я сидели на диване в гостиной и, потягивая вино, слушали «Stone Flower». Все молчали. Когда первая бутылка опустела и открыли вторую, Хон Ян сказала:

— А знаете тайну? Вокалист этой группы — мой отец.

Толстяк-130 и я одновременно вытаращились на нее. Мы были так поражены, что лишились дара речи.

— Ха-ха-ха, это шутка, — рассмеялась она, глядя на наши изумленные лица. — Ну, судите сами. Этого человека зовут Дэвис Ян, а меня — Хон Ян.

— Это может быть случайным совпадением?

— Эй, вы слишком скучны, разве бывают случайные совпадения? Мама очень любила музыку группы «Stone Flower», отсюда мое имя. На самом деле, даже если назвать Дэвиса Яна отцом, большой ошибки не будет. Я росла, каждый вечер слыша его голос вместо голоса своего настоящего отца.

Мы снова стали слушать музыку. Когда дошли до последней песни альбома, я украдкой посмотрел на нее. Ее глаза были мокрыми.

— Не обольщайтесь. — Она поймала мой взгляд. — Я плакала не из-за матери, просто мне стало грустно от хорошей музыки.

Я встал, направился к холодильнику и заглянул в него. У продуктов еще не истек срок годности. Я достал сыр, отрезал ломтик. Откусив, я подумал о Хон Хечжон, тело которой сейчас гнило под землей.

— Что это? — спросила Хон Ян. Она принесла третью бутылку. В другой руке у нее была таблица «Тайто».

Я как мог вкратце объяснил ей правила игры в «Тайто». Объяснение было тем сложнее, что это была игра, которую я не понимал. Я вспомнил день, когда мы поссорились с Хон Хечжон из-за этой игры. Что касается Хон Ян, она задавала уточняющие вопросы и внимательно выслушивала мои ответы.

— Мне нравится эта игра. Ведь каждый год можно было бы вписывать имя матери в первую строку. Умри она, и я бы получила большой приз, — подвела она черту.

— Вы это говорите искренне? — недоверчиво спросил я.

— Да. Я искренна на сто процентов.

— Страшная искренность.

— Вы так говорите, потому что не знаете, каким страшным человеком была моя мать.

— Хон Ян, вы выглядите еще страшнее.

— Вы ведь ничего не знаете.

— Хон Ян, вы тоже могли не знать как следует свою мать.

— Хотите сказать, что лучше меня знаете мою мать, с которой были знакомы всего несколько месяцев? Она, поди, в ваших глазах выглядела ангелом, потому что улыбалась с невинным видом? Вам кажется, что она сейчас в раю? Не смешите меня! Сейчас она наверняка в аду, где будет медленно гореть, начиная с подлой своей головы, — со злостью проговорила Хон Ян.

— Ваши слова слишком ужасны.

— Я могу еще и не такое сказать!

— Давайте остановимся.

В глазах Хон Ян набухли тонкие кровеносные сосуды. Они выглядели как красные молнии, растекающиеся по белому небу. В этот момент она была похожа на надутый до предела воздушный шар. Казалось, стоит ее кольнуть, и она взорвется. Ее гнев искал выхода, Хон Ян была крайне возбуждена. Нужно было спустить пар. Глядя ей в глаза, я осведомился нарочито сердито:

— Вы вообще зачем сюда приехали? Выкопать свою мать из могилы? Донести до разлагающегося трупа Хон Хечжон свои проклятия?

— Не говорите так, вы ничего не знаете, — возразила Хон Ян.

— Заладили свое: не знаете, не знаете. И что, по-вашему, это не дает мне права горевать, говорить, изготовить надгробный камень?

— Да, не дает.

— Почему?

— Потому что вы даже на десять процентов не представляете, каким человеком была моя мать!

— А-а-а, кажется, я начинаю понимать, почему госпожа Хон Хечжон не говорила о своей дочери.

— Я рада, что хотя бы теперь до вас начало доходить.

— Ну так идите и разрушите надгробие, которое установили не имеющие на то права люди. Или, может быть, мне это сделать вместо вас? — рассердился я.

Хон Ян расплакалась. Я понимал, что она плачет не из-за матери, не из-за моих слов, а потому что злится на саму себя. Воздушный шар лопнул, и атмосфера в доме изменилась. Хон Ян опустилась на пол там, где стояла, и продолжала безутешно рыдать. Мы с Толстяком-130 переглянулись, но не знали, как поступить, и просто ждали, когда она успокоится.

Потом мы усадили ее за стол. Я выбрал какао на столешнице-меню, то же повторил и Толстяк-130, а я еще добавил кофе. Три горячих напитка появились перед нами. Сейчас мы напоминали солдат разбитой армии, потерявших командира. Я отпил кофе, и на душе стало немного легче.

Хон Ян сделала глоток какао и снова расплакалась. Она плакала долго, не поднимая головы. Слезы не нуждаются в пополнении. Я знал это по собственному опыту. Толстяк-130 показал глазами: мол, пора уходить. Но я не мог сейчас оставить Хон Ян одну. Я знал ту невыносимую тишину безлюдного пространства, когда кончаются слезы и ты поднимаешь голову. Я остался, Толстяк-130 тоже.

— Извините, я была бестактна, — проговорила Хон Ян, шмыгая носом.

Я протянул ей еще теплое какао. Она отпила, а затем поведала нам следующую историю.

7

Вкратце история конфликта Хон Ян с матерью сводилась к тому, что мать и дочь поссорились, дочь, рассердившись, возненавидела мать, а мать спокойно смотрела вслед уходящей дочери. Такое случается не столь уж и редко. Но то, что мы услышали о ее брате Хон Хёне, шокировало нас с Толстяком. Хон Ян тоже менялась в лице, когда говорила о своем брате.

— И как я могла быть такой слепой и глухой. Полностью ушла в устройство личной жизни, когда братишка так страдал.

— Нелегко читать в душе другого человека, какие бы близкие отношения между вами ни были, — сказал я, наливая ей вина. Ее лицо сильно покраснело то ли от алкоголя, то ли из-за слез.

— Мы ведь всегда были с братом неразлучны. Временами нас принимали за влюбленных, временами — за сына с матерью. Наша настоящая мать вечно работала в своей комнате, поэтому в какой-то мере я заменяла ее для братишки.

— Чем занималась организация, в которой состоял ваш младший брат? Продажей человеческих органов? За подобным обычно стоит организованная преступность. — В голосе Толстяка-130 проскользнуло раздражение.

— Я не знаю. Ни чем он занимался, ни почему он с ними связался. Полиция предположила, что он, видимо, пошел из-за денег, но это невозможно. Я всегда давала ему достаточно много на карманные расходы.

— Что касается денег, то чем их больше, тем лучше. Их всегда не хватает. Особенно в двадцать лет, — сказал я.

— Брат Хён был не таким человеком.

— Ваши отношения с матерью ухудшились после смерти брата?

— Мать продала Хёна.

— Вы говорите — продала, но куда?

— В один исследовательский центр. Они щедро платят, если жертвуешь им тело.

— Не может быть.

— Представьте себе. Я же говорю: вы оба совершенно не знаете мою мать.

— Возможно, она нуждалась в деньгах?

— Вероятно. Отец умер рано. Наверняка она очень в них нуждалась. Одними переводами много не заработать, к тому же, вероятно, были долги. Пусть даже так, но как она могла так поступить? Не посоветовавшись со мной! Если бы она сказала, что ей нужны деньги, я могла бы их дать, потому что работала. Вот я вас спрашиваю: как можно продать тело своего сына? Вы мне можете объяснить? Вы понимаете ее поступок?

Нам нечем было возразить. Неужели Хон Хечжон на самом деле была таким человеком? В голове не укладывалось! Но, как дочь отметила, мы встречались с ней всего лишь несколько месяцев.

— Хён убил пятерых человек и в конце концов пустил себе пулю в голову.

— Пятерых?

— Я думаю, что вынужденно, спасаясь от полиции, он вынужден был убить. Вероятно, он не смог бы жить со всем тем, что он натворил.

— Ужасно.

— Если бы мать немного больше интересовалась Хёном, вероятно, это можно было бы предотвратить. А то, что она продала тело сына, я не прощу ей до самой смерти.

— Ничего нельзя заранее предотвратить.

— Нет, можно. В любом деле, если приложить хотя бы толику внимания, многое меняется. Если бы мать уделяла Хёну хотя бы минуту в день, все были бы живы. Она могла бы спасти жизнь шестерым людям.

— Тогда другое бы изменилось.

— Есть ли что-то важнее человеческой жизни? — не сдавалась Хон Ян.

— Она ведь не предполагала, что сын умрет, — сказал я, словно оправдывая покойную Хон Хечжон.

— Не знаю, может, и предполагала. Она была жестокой матерью.

— Тогда вам, Хон Ян, надо было больше уделять брату внимания. Вы же были ему как мать.

Сказал и тотчас пожалел о сказанном. Хон Ян, возможно, злилась не на мать, а на себя саму.

Мы вышли из дома. Была уже глубокая ночь. Я надеялся, что Хон Ян легко заснет, потому что за разговором мы все незаметно опьянели. Я услышал слишком много историй за короткое время, слишком многое пришлось узнать. А следовало ли нам все это знать? Знать, как умер сын Хон Хечжон, и почему она продала его труп? Мы слишком многое узнаём из того, что нам знать не обязательно, а нужное упускаем.

В ту ночь я не спал. Лица Хон Хечжон и Хон Ян мельтешили перед глазами, то и дело накладываясь одно на другое. Я тогда даже и предположить не мог, что лицо Хон Хечжон постепенно сотрется из моей памяти. Чтобы отвлечься, я вытащил блокнот и стал записывать возникавшие вопросы. Почему Хон Хечжон продала труп своего сына? Чем занимался Хон Хён и что привело его к смерти? Что за человек Хон Ян? Она замужем? Есть ли у нее сейчас любимый человек? Мало-помалу все вопросы сошлись на Хон Ян. Я уснул только на рассвете.

В это время в компании наметились большие изменения. Разработка нового стандарта ELTE подошла к концу, группа, в которую я входил, вскоре должна была быть распущена, а ее функции — переданы службе технического сопровождения. Передо мной маячили три варианта. Я мог вернуться обратно в отдел материально-технического обеспечения, где работал прежде, или подать заявку о зачислении в какую-нибудь новую группу по развитию бизнеса либо наняться в контрольно-измерительную группу другой компании. Когда я подавал заявление на прием на работу в группу по замеру качества сигнала, год казался мне вечностью, но время прошло быстрее, чем я думал. Не знаю, что было бы, не попади я в нашу группу. В тот период необходимость ходить на работу, встречаться с людьми, здороваться с ними, общаться казалась мне непереносимой. Когда старший брат умер и я остался один-одинешенек, мне не хотелось никого видеть. Работа в контрольно-измерительной группе была легкой. Платили, правда, лишь две трети ставки, а премиальных не платили вовсе, но меня это устраивало. Главное — я был избавлен от необходимости общаться с людьми. Но, как говорится, не стоит загадывать будущее. Я, выбравший эту работу, чтобы избегать людей, именно в это время повстречал своих лучших друзей.

Ситуация в целом значительно улучшилась, но я по-прежнему все еще не видел будущего. Я с трудом выкарабкался со дна жизни, но моя жизнь все еще находилась в темном

подвале. Да, я пересек зону нулевого доступа, но сигнал все еще слаб, и прием неуверенный. Я все еще не мог понять, как мне жить дальше, чем заняться, с кем встречаться; я не мог смеяться от души. Иногда я мечтал: вот бы время ускорилося, и я бы быстренько состарился и умер, но в другие моменты желал, чтобы время замерло и не случалось бы никаких изменений. Мне было плохо, но я боялся, что в будущем станет еще хуже.

После встречи с Хон Ян я больше не ходил к могиле Хон Хечжон. Мне казалось, что, раз дочь рядом, нам лучше оставаться на шаг позади. Убранство могилы тоже уже не ощущалось важным делом. Возможно, Хон Ян, изменившись в душе, сама захочет украсить могилу матери.

— Брат, вы не пойдете в дом Хон Ян?

Толстяк-130 позвонил, когда я отдыхал дома в воскресенье после обеда. Мы сами не заметили, как дом Хон Хечжон превратился в дом Хон Ян.

— Зачем туда идти?

— Я забегал к ней вчера. Она сказала, что хочет отдать мне обеденный стол. Вот я и решил пойти сегодня и забрать. Вы мне поможете?

— Ты все-таки выпросил его.

— Нет, это не я. Просто она собралась его выбрасывать.

— Тогда зачем ты вчера к ней ходил?

— Я пошел туда, потому что беспокоился о Хон Ян. Все-таки девушка в доме одна.

— Что же ты не беспокоился так о Хон Хечжон, когда она тоже жила там одна? — решил я его поддеть.

— Э, брат, скажете тоже... Если не хотите — не идите. Я и сам справлюсь, — сказал обиженно Толстяк-130 и отключился.

Эта реплика вырвалась неожиданно для меня самого. Я понимал, что эти слова были обращены не Толстяку-130, они адресовались мне самому. Я скучал по Хон Ян, но не мог найти предлога пойти к ней. К тому же я чувствовал себя слишком виноватым перед Хон Хечжон. Я перезвонил Толстяку-130 и сказал, что арендую грузовик.

Когда мы приехали к Хон Ян, там уже находились Кегель и Зеро. Последний спокойно стоял у входа в дом, точно с тем же видом, как и тогда, когда я впервые увидел его, — то же выражение лица, та же одежда. Невольно подумалось, что Зеро, возможно, и родился уже в этом образе. Я улыбнулся про себя

от этой мысли. Кегель спорил о чем-то на повышенных тонах с Хон Ян.

— Нет, девушка, ты не можешь по-своему распоряжаться вещами в доме.

— Почему это не могу? Я хочу сама распорядиться вещами из дома моей матери, почему я не могу это сделать?

— Это не личные вещи. Это общее имущество деревни.

— Вы же сами сказали, что только дом является общим имуществом.

— Мебель и электроника в доме также являются общим имуществом.

— Где это вы видели такое?

— О небеса, вот здесь в контракте четко написано. Ты не видишь, здесь стоит подпись Хон Ёк.

— Я не знаю никакой Хон Ёк. Мою мать звали Хон Хечжон.

— А, понимаю, извини. В любом случае, вот посмотри сюда внимательно. Здесь написано, что дом, мебель и вся электроника являются имуществом деревни Корио, и когда вы уезжаете в другое место, все возвращается обратно.

— Я поняла. Мне они не интересны. Я уеду, оставив всю мебель и электронику, так что не волнуйтесь, идите по своим делам.

— Не сердись. Ты очень похожа на свою мать.

— Я же сказала, хватит. Я все усвоила.

— Да-да, я понял. Может быть, чем-то тебе помочь? Все вещи упаковала? В наши дни молодежь не умеет правильно упаковывать вещи.

— Мне что, повторить вам еще раз? Немедленно убирайтесь отсюда! Дверь вон там! — взорвалась Хон Ян.

Несмотря на то что она злилась, Кегель не переставал хитро улыбаться. Увидев меня и Толстяка-130, он поморщился и вышел, а Зеро пошел следом. Хон Ян, даже увидев нас, сделала вид, что не узнала, — видимо, ее злость еще не улеглась. Подождав некоторое время, я сказал:

— Извините. Обеденный стол, похоже, трудно будет отдать.

— Да нет, все в порядке. В нем нет особой нужды, — тусклым голосом подтвердил Толстяк-130, упреждая ее ответ.

В доме царил беспорядок. Десятки коробок были сложены там и сям, каждый раз, когда их двигали, поднималась пыль. Я вспомнил, как собирал вещи старшего брата. Мне тогда потребовалась целая неделя, чтобы просмотреть каждую из 12 000 грампластинок и аккуратно уложить их в коробки.

Сначала я часто плакал, мне трудно было успокоиться, казалось, что я стираю следы старшего брата, что все связанное с ним исчезает навсегда. Но примерно через три дня я постепенно пришел в себя. В конце концов мне надоело это занятие. Я чувствовал себя виноватым перед братом, но я ничего не мог с собой поделать. Интересно, о чем думала Хон Ян, собирая вещи Хон Хечжон? Угасала ли ее ненависть к матери по мере упаковки вещей? Я знал по своему опыту, что иногда тело утваривает душу.

— Несколько пластинок я заберу себе, а остальные подарю музею музыки. Вы тоже можете выбрать, — сказала Хон Ян.

Я вытащил из коробки второй альбом группы «Stone Flower». Мне казалось, что он должен остаться у нас. Толстяк-130, судя по его глазам, тоже был не прочь покопаться в пластинках, но не решался, пока я не отойду. Мне же не хотелось сидеть на корточках, роаясь в коробках. В конце концов, мы же пришли не в магазин старых пластинок. Если захочется послушать музыку, собранную Хон Хечжон, то всегда можно пойти в музей. Я встал.

— В этой стороне находятся книги, никто не хочет взять, что ему нравится?

Мы молчали.

— Тогда всё.

Хон Ян сделала несколько звонков, и примерно через десять минут пришли люди. Среди них был человек, взявший коробку с книгами, и парень, забравший коробку с грампластинками. Мы с Толстяком-130 помогали Хон Ян. Когда все ушли, дом совершенно опустел. Одежда уже была передана в центр сбора и утилизации вторсырья, в доме осталась только мебель и коробка, в которой хранилось одеяло, которым укрывалась Хон Ян. Я позвонил в компанию, в которой арендовал грузовик, и сказал, что хочу вернуть машину.

— Теперь госпожа Хон Хечжон исчезла навсегда, — сухо сказала Хон Ян, ее голос касался пустых стен и эхом сразу отскакивал назад. Сейчас Хон Ян была похожа на актрису, стоящую на сцене.

— Я собираюсь устроить сегодня вечеринку. Вы придете?

В указанной Хон Ян коробке находилось около десяти бутылок хорошего вина. Это были вина, которые особо ценила и берегла Хон Хечжон, — красное, белое, десертное. Мы сидели на диване и всю ночь напролет пили вино. Это было намного удобнее, чем пить в каком-нибудь баре. Хон Ян и Толстяк-130

много шутили, разгоняя печаль. Вскоре они с Толстяком-130 решили перейти на «ты», а он стал называть ее нуной, старшей сестрой. «Эй, Сто Тридцатый, ты смотри не худей, иначе я не смогу назвать тебя Сто Тридцатым». — «Почему?» — «Потому что „Сотый“ или „Сто Десятый“ я могу не запомнить, ха-ха-ха». Опыневшая Хон Ян выглядела иначе, чем обычно. Возможно, так мне показалось, но не потому, что она была пьяна, а из-за того, что удалила все следы Хон Хечжон. Мы пили и наслаждались. В какой-то момент мне захотелось погрузить полностью голову в огромную бутылку, чтобы все мое тело пропиталось вином. Подумалось, что было бы хорошо, если бы я никогда не плакал, а если плакал, то винными слезами. Толстяк-130 топтался под музыку из MP3-плеера в мобильном телефоне. Его необъятная задница раз за разом смачно впечатывалась в край стола. Мы с Хон Ян хохотали, глядя на это. Я давно так не смеялся. Впервые за долгое время мое настроение поднялось до отметки 8 или 9. Было весело смотреть, как Хон Ян и Толстяк-130 дурачились на пару...

Я проснулся, лежа на диване. Затылок немного болел, но похмелья не было. Толстяк-130 дрых на полу мертвецким сном. На часах было шесть утра. Хон Ян обнаружилась в соседней комнате. Она заснула прямо в одежде, со скомканным одеялом в ногах. Она дышала слегка приоткрытым ртом, дыхание выходило со странным звуком, одновременно похожим и на шум ветра в ущелье, и на стон. Сейчас она совсем не походила на ту Хон Ян, которая несколько часов назад громко шутила и смеялась. Я поднес указательный палец к ее губам, они были сухими. Дыхание Хон Ян обволокло палец и растворилось в воздухе. Между слегка приоткрытыми губами виднелись белые зубы. Я тихо вышел из комнаты, притворив дверь, и растолкал Толстяка-130. Я с трудом разбудил его и, не давая снова заснуть, буквально за шиворот вытащил на улицу.

— Ох, как холодно. Я мог бы поспать подольше? Мне в библиотеку к десяти, — недовольно пробурчал Толстяк-130.

— Мне надо рано на работу, — сказал я. — Не знаю, возможно, мне придется уйти из компании.

— Почему? Вы что, утробили сотовую вышку?

— Если это твоя первая шутка сегодня, то она не очень удачная. Просто работа, которой я занимался, подошла к концу.

— Серьезно? Я думал, что это постоянная работа.

— Я в любом случае рассматривал эту работу как временную.

— Да, понимаю.

— Теперь я должен определиться: вернуться в свой отдел к скучной рутине или уйти. Что посоветуешь?

— В других компаниях нет аналогичной работы?

— Вроде есть, но в последнее время нет вакансий.

— И что вы собираетесь делать?

— Я сделаю так, как ты скажешь.

— Правда? Тогда увольняйтесь и перебирайтесь жить ко мне.

— И как это решает вопрос с работой?

— Вам не кажется, что, если вы переедете жить в мой дом, проблема с работой как-нибудь разрешится?

— В компании я делаю то, что я умею делать. Других профессий у меня нет.

— Вы же хорошо разбираетесь в антеннах, вышках и сигналах.

— Ну и что?

— В прошлый раз я видел по телевизору человека, который всю жизнь посвятил поимке антенной сигналов внеземной цивилизации. Разве вы, брат, не сможете заниматься такой работой?

— Тоже мне, сравнил.

— А какая разница? Разве все антенны в целом не похожи друг на друга? — Толстяк-130 засмеялся. — Брат, а почему у меня так болит задница?

Продолжая подобный треп, мы пошли по дороге пешком домой. Медленно светало. Когда я увидел свой дом издалека, то отстраненно подумал: что-то изменилось в его облике. Было еще темно, но я почувствовал, что изменился не только внешний вид, но и энергетика дома. Даже если бы я знал, что именно, вряд ли это смогло бы изменить ситуацию. Я уже знал, что нельзя избежать неизбежного. Когда я открыл дверь, в доме оказалось неожиданно холодно. Я хорошо помнил, что, уходя, оставил бойлер включенным.

— Почему тут так холодно?

— Может быть, вы забыли закрыть окно? — рассеянно отозвался Толстяк-130, устало плюхнувшись на диван.

Окно в гостиной было плотно закрыто. На кухне тоже. Больше окон на первом этаже не было, но оставались еще на втором. Я помнил, что не открывал их. Разве что кто-то вошел и открыл их... Я проверил входную дверь. Признаков взлома не было.

Я схватил бейсбольную биты и направился на второй этаж.

— Брат, вы куда?

— На второй этаж.

— Зачем вы идете туда? — сказал Толстяк-130, принимая вертикальное положение.

Я не ответил. Он обеспокоился.

— Что вы делаете?

— Мне кажется, что на втором этаже кто-то есть.

— Что?! Не пугайте меня. Кто там может быть?

— Не знаю, но мне кажется, что там кто-то есть. Ты разве не чувствуешь, что воздух в доме странно холодный?

— Вы шутите?

— Если бы. Ладно, я схожу туда один и вернусь.

Толстяк поднялся с дивана и встал позади, подпирая меня своим животом. Я ощущал его теплое дыхание. Утро было уже близко, но на лестнице, ведущей на второй этаж, было еще темно.

С тех пор как я прибрался в верхних комнатах, больше я на второй этаж не поднимался. На миг мне показалось, что я вхожу в большую таинственную пещеру. Может тут кто-то быть? Это было вполне допустимо. Быть может, когда я был дома, этот неведомый обитатель прятался где-то в ожидании, пока я переступлю порог, чтобы затем бродить по дому. Я никогда не проверял, как в гостиной слышно, что делается наверху, в трех спальнях. Кажется, если издать звук в самой близкой левой спальне, первого этажа он не достигнет. Но тут я припомнил, как однажды посреди ночи слышал чье-то дыхание на втором этаже. Я тогда, помнится, решил, что это ветер, но, возможно, это был не он. Лестница скрипнула под ногами.

Вокруг по-прежнему было темно. Слишком темно, чтобы разглядеть того, для кого была припасена бита. Будь я один, то вернулся бы за фонариком, но сзади тяжело сопел Толстяк-130, который к тому же крепко обхватил меня за талию — ни дать ни взять пассажир на мотоцикле. Настолько крепко, что трудно было идти вперед.

На втором этаже был длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались четыре комнаты: три спальни и ванная. Холодный ветер свободно гулял по второму этажу, вероятно, где-то было открыто окно. Я сжал биту и начал осторожно открывать двери одну за другой. Когда я открыл дверь последней спальни, мне ударил в нос резкий запах. Мне не приходилось сталкиваться с таким ранее. Это был неприятный запах: запах смерти.

Я как-то читал в книге «Кровь Ангела» историю о человеке, который якобы не потерял обоняние даже после смерти. Автор утверждал, что он долгое время разговаривал с демонами после

того, как задохнулся и потерял сознание. Это было возможно, потому что он не потерял обоняние после клинической смерти. Высока вероятность, что трупный запах, идущий от мертвеца, это запах демонов.

Толстяк-130 оторвал правую руку от моей талии. Должно быть, зажал нос. Ветер из открытого окна шевелил занавески. Смутный свет, просачивающийся сквозь них, слегка разбавлял мрак. Я медленно обвел взглядом комнату. Сначала она показалась мне пустой. Лишь хорошенько приглядевшись, я различил нечто, съездившееся в углу. Я медленно вытянул руку и показал на него Толстяку. Тот заглянул через мое плечо и долго всматривался в указанном направлении. Затем он издал какой-то стонущий звук и так крепко обхватил меня, что я чуть не выронил биту. Нечто тихо подняло голову. Я лягнул пяткой Толстяка-130 в голень. Ловя руками воздух, он упал на четвереньки. Я обернулся и прижал палец к губам, призывая к молчанию. Когда я повернул голову к пришельцу, то встретил его «взгляд». Казалось, сквозь два бездонных колодца смотрела на меня затягивающая черная дыра. Это очень сильное ощущение, когда в первый раз встречаешься глазами с зомби. Я не мог заставить себя шевельнуться. Сколько времени так прошло? Человеческими часами это время не измерить. Существо тоже не двигалось. Я даже не мог утверждать, что оно смотрит именно на меня. У него не было зрачков, поэтому слово «смотрит» не подходило для его взгляда.

В тот момент я еще не знал, что это зомби. Мне казалось, что я встретил зверя с головой человека. «При встрече с диким зверем не надо двигаться», — пронеслось в голове. Если я не буду двигаться, ночной гость тоже не будет двигаться. Собственно, так оно и было. Конечно, знай я, что передо мной зомби, я бы тоже, возможно, завопил бы и бросился прочь, но незнание удержало меня на месте. Существо смотрело на меня какое-то время, затем снова склонило голову, возвращаясь к первоначальной позе. Казалось, оно снова уснуло. На его черепе ветер слабо шевелил редкие пучки волос. Я осторожно закрыл окно. Толстяк-130 тихо спросил:

— Брат, что это такое?

— Не знаю, похоже на какого-то зверя.

— Это же чудовище. На лице нет ничего, кроме костей. Брат, я боюсь. Давайте скорее позвоним в полицию.

Пятясь, я покинул комнату и прикрыл за собой дверь. Тотчас огромная сила ударила в нее изнутри. Нас с Толстяком швырну-

ло на пол. Зомби вышел в коридор, выставив вперед обе руки. Мы поспешно вскочили и стали отступать назад. Зомби следовал за нами. Мы, не поворачиваясь к нему спиной и стараясь не шуметь, стали медленно спускаться по лестнице, нащупывая ногой ступеньки. Мне казалось, что стоит отвести взгляд, как он тотчас бросится на нас и вопьется зубами.

У существа была человеческая фигура, но язык не поворачивался назвать его человеком. Голова со спутанными волосами, лишь местами сохранившиеся фрагменты иссохшей плоти, тут и там отслаивающиеся и висящие на обрывках кожи. Создавалось впечатление, что лицо его кто-то собрал впопыхах, соединив между собой оставшиеся кости. Казалось, стоит убрать одну кость, и остальные кости со стуком рассыплются. Раны на шее и плече были покрыты запекшейся кровью, ключицы были сломаны и сложены пополам, в груди зияло огромное отверстие.

— Брат, что это? Это зомби? — испуганно спросил Толстяк-130.

— Не знаю, — тихо проговорил я. — Спокойно. Давай сначала избавимся от него. Я возьму на себя верхнюю часть, а ты атакуй ноги.

Это слова адресовались не столько Толстяку, сколько мне самому. Главное — спокойствие. В этот момент существо, спускаясь по лестнице следом за нами, издало какие-то звуки — они до сих пор звучат в моих ушах. В тот момент, когда я услышал их, то подумал, что, возможно, это песня. Конечно, я понимал, что подобные чудовища не поют, но в этих звуках чувствовалась какая-то мелодия:

У-ве-у-у-ве...

Непрерывно издавая эти странные звуки, ночной гость неотвязно шел за нами. Ступеньки отзывались каждая своим скрипом. Кто знает, быть может, чудовище хотело что-то сказать нам. Может быть, ему просто хотелось пожаловаться нам на свою горькую судьбу. Однако мы не были расположены его выслушивать. Я ударил страшилище бейсбольной битой по ноге. Послышался хруст сломанной кости, оно споткнулось. Толстяк-130, вооружившись железной трубой, валявшейся в углу возле лестницы, приготовился проткнуть зомби, но я подумал, что еще одна-две лишних дыры его не остановят.

— Лучше бей по голове.

Зомби, припадая на сломанную ногу, все шел и шел на нас. Лицо его, если можно так выразиться, оставалось бесстрастным. Да и какой мимики можно ожидать от отслаивающейся высохшей плоти и костей? В глазницах плавала пустота. Толстяк изловчился и снес ему трубой голову. На мгновение мне показалось, что мы отрабатываем удар битой на бейсбольном поле. Оторвавшаяся голова отлетела к дивану. Толстяк-130 вскрикнул. Я начал беспорядочно молотить безголовое туловище, будто стремясь вбить шею в тело. Я чувствовал себя в тот момент странно. Ощущение, когда бита соприкасается с плотью, передавалось каждому суставу пальцев. Странно, но крови совершенно не было. Когда зомби перестал реагировать на удары, я стал орудовать битой еще ожесточеннее. Я чувствовал, что колошматить безголовое туловище — трусливый поступок, но уже не мог остановиться. Тело перестало двигаться и распласталось на полу, а я все бил и бил. В какой-то миг я промахнулся и случайно попал по деревянному полу, бейсбольная бита с треском сломалась. Удар отдался в пальцы острой болью, в руке у меня остался заостренный обломок. Им можно было колоть. Я повернулся к отлетевшей к дивану голове. Она медленно ползла по полу, шевеля волосами. Возможно, ее движение мне лишь чудилось от пережитого шока, но, кажется, в глазницах у нее что-то дрожало. Я с силой вонзил обломок биты в ее лоб. Он вошел без всякого сопротивления. У меня совершенно не было чувства, что я убиваю человека. Будто протыкаешь кусок мяса, чтобы удостовериться, что он хорошо приготовлен, — никакой разницы. Даже теперь глаза зомби продолжали смотреть на меня. Я отыскал второй обломок. Он тоже заканчивался острым отщепом. Я воткнул бейсбольную биту в спину туловища. Тело некоторое время вздрагивало, но вскоре затихло. Закругленный конец биты возвышался над ним, как памятник. Я вытер пот. Толстяк-130 сидел в углу и смотрел на меня испуганными глазами.

— Брат, вы в порядке?

Я не в силах был ответить. Оно было чудовищем, зомби, но у меня было мерзкое ощущение, будто я совершил убийство. Все тело тряслось. Я даже не чувствовал холода и с растерянным видом стоял перед телом зомби. «Итак, я убил его окончательно, — мелькнуло в голове, — и что делать дальше?» В моих ушах все еще звучало «У-ве...» — будто жужжание пчелиного роя. Я тряхнул головой. Некстати подумалось, что было бы неплохо иметь устройство, которое очищает звуки в ушах, как автомобильные дворники лобовое стекло.

— Что теперь нам делать? Вы в порядке? — снова переспросил Толстяк-130.

— Для начала сядем и немного подумаем.

Я опустил на диван. Дрожь не унималась. Причин для беспокойства не было. Я ведь убил не человека. Кроме того, это была самооборона, это ведь я подвергся нападению. Я стал напряженно думать, измышляя причины, по которым мне пришлось убить ночного гостя. Я встал с дивана и вытащил бейсбольную биту, воткнутую в труп. На ней не было крови. К туловищу мы поднесли голову. Внезапно меня охватило беспокойство. В фильмах ужасов ведь порубленные на куски чудовища часто оживают, фрагменты их тел срастаются. На мгновение я представил: вот голова зомби прирастает к туловищу, когда мы отвернемся, вот он беззвучно поднимается, делает шаг в мою сторону, а затем, крепко обхватив сзади, впивается в плечо, начинает жевать мою плоть, пробует на вкус мою кровь...

Я поспешно унес голову подальше от туловища.

8

Толстяк-130 считал, что разумнее всего вызвать полицию, я же склонялся к тому, чтобы сперва посоветоваться с Кегелем. Я помнил его слова о том, что, если возникнут какие-то проблемы, сразу звонить ему: «Свяжись со мной, если кто-то будет тебя беспокоить, или что-то пропадет, или встретишь что-то странное». Возможно, он заранее предполагал, что может произойти нечто подобное. Сейчас была как раз такая ситуация. Все произошедшее выглядело слишком неправдоподобным, чтобы, не подумав, вмешивать полицию.

Кегель, едва услышав мой голос, тут же примчался вместе с Зеро. Как же я был рад его увидеть! Что касается самого Кегеля, на его лице не было никаких признаков удивления. Он вел себя так, будто все творящееся — самое обычное дело.

Зеро подошел к трупу и долго осматривал его, заглядывал в глаза. Со стороны казалось, он надеется, что тот вот-вот оживет.

— Послушай меня внимательно, — сказал Кегель. — Это не человек, не животное и не чудовище.

— Что же это тогда? — спросил Толстяк-130. У меня на распросы не было сил.

— Вы будете удивлены, если я скажу, это живой труп?

— То есть что-то типа зомби?

— Да, он похож на зомби. Где вы его нашли?

Толстяк-130 рассказал, как мы обнаружили его на втором этаже и убили бейсбольной битой, вот и вся история. Кегеля сказанное ничуть не поразило. По его глазам было видно, что он знал что-то такое, о чем мы не догадывались. Я спросил его:

— Вы встречали когда-нибудь раньше подобное?

— Нет.

— Но откуда вы знаете, что он живой труп?

— Я встречал такого парня лет двадцать тому назад на поле боя. Я тогда размолотил его голову в пыль.

— Вы хотите сказать, что в мире на самом деле существуют зомби? — испуганно спросил Толстяк-130.

— Конечно, существуют, а ты что, не веришь в это?

— Тогда можно утверждать, что в окрестностях есть и другие зомби?

— Ну, об этом можно будет говорить, разузнав чуть больше. Никому не рассказывайте об этом. Если в деревне узнают, хлопот не оберешься. Особенно это касается тебя, толстяк. Если некстати откроешь рот, сам можешь стать зомби. Так что будь осторожен, понял?

— Вы меня пугаете. Я понял, буду молчать.

— Если у тебя есть что-то вроде одеяла или спального мешка, принеси сюда, — повернулся Кегель ко мне.

Я сходил за спальником в машину. Зеро принялся за дело. Вместо того чтобы запихнуть в спальный мешок вместе голову и туловище, он по отдельности перенес их в свою машину, затем расстелил в багажнике спальник и завернул в него туловище и голову. Свои манипуляции он производил с величайшей осторожностью — ни дать ни взять археолог, откопавший тысячелетнюю мумию и боящийся что-нибудь повредить. Напоследок Зеро тщательно подмел пол на месте сражения. Содержимое совка тоже отправилось в спальник. Вся процедура заняла довольно много времени. Зеро наконец застегнул молнию на спальном мешке, и Кегель на прощание сказал:

— Зеро проведет в своей лаборатории кое-какое исследование и сообщит нам результат, а до тех пор никому ни слова, поняли? И еще, Че Чжихун, ты особо не переживай. Ты не убивал человека, а убил того, кто уже был мертв... Поэтому не стоит беспокоиться.

Кегель сказал, что разберется с трупом. И замечательно. Я сел и перевел дыхание. На часах было уже девять утра. Пора на работу, но что-то держало меня. Казалось, что стоит оставить дом без пригляда, как кто-то снова вскарабкается на второй этаж и затаится там в темноте. Я вышел наружу и, обогнув дом, посмотрел на второй этаж. Ни лестницы, ни дерева, с которого можно было попасть в окно второго этажа, не наблюдалось. Допрыгнуть с земли тоже не представлялось возможным. Подошел Толстяк-130.

— Брат, поедem ко мне домой. Как вы здесь будете жить?

Я уже готов был послушаться, как изнутри нахлынула волна упрямой злости. С какой стати я должен покидать место, в которое вложил немало труда? На мгновение показалось, что тысячи иголок вонзились в кончики пальцев. Снова возникло то приятное чувство, которое я ощутил, когда бейсбольная бита вошла в спину зомби. Это ощущение явно доставляло мне наслаждение.

— Ну же, брат. Собирайтесь, и поехали.

Я окончательно укрепился в решимости не уступать. Но перед кем? Кому я проигрываю?

— Брат, так вы что, не едете?

— Понаблюдаю пока за ситуацией, а дальше видно будет. Хочу понять, почему он забрался ко мне в дом.

— Вы останетесь здесь один, хотите сказать?

— А что тут такого? Я же все время был тут один. Укреплю окна на втором этаже и буду в безопасности. А ты быстро езжай на работу.

Когда решение было принято и озвучено, на душе стало спокойно, ситуация прояснилась. Я остаюсь здесь, пока Кегель и Зеро не подтвердят, что это был зомби. Если я решу, что оставаться тут опасно, я соберу вещи и перееду домой к Толстяку-130. Но если здесь будет безопасно, я останусь. Для начала следует укрепить жилище. На окна надо будет поставить ставни и засовы, а также установить вторую усиленную дверь на входе. Не помешала бы и камера наблюдения за задней стеной дома.

Составив план работ, я сразу принялся за дело. Мне надо было сегодня ехать в офис, но я счел, что мои дела важнее. У меня оставались доски после ремонта, потребовалось три часа, чтобы заколотить все пять окон на втором этаже.

Зомби проник внутрь не иначе, как разбив стекло и открыв защелку. Если это так, значит, они умеют думать. Никогда о таком не слышал.

Закончив работу на втором этаже, перешел к нижним окнам. Из самой толстой доски, что нашлась, изготовил ставни и навесил их. Укрепил дверь. Когда все было закончено, я почувствовал себя словно в тюрьме, которую сам же и построил.

Теперь о нынешней и будущей работе. Я позвонил и сказал начальнику группы, что опоздаю. Тот был в ярости. Его можно было понять — он мог определиться со своим новым местом работы в компании лишь после того, как итоги работы нашей контрольно-измерительной группы будут сведены и подытожены, а сама группа — расформирована. Вот и торопил подчиненных с завершением работ. В таких обстоятельствах ему ничего не оставалось, как орать в трубку. Что до меня, то я решил для начала подать заявку в новую команду по развитию бизнеса — уж больно не хотелось возвращаться в отдел логистики. Лучше попробовать что-то новое. Конечно, высока вероятность, что моя кандидатура не пройдет, но зачем раньше времени гадать? Если не выберут туда, то наверняка предложат работу в какой-нибудь причудливой команде, наподобие нынешней контрольно-измерительной группы. Вот тогда и буду решать. Несмотря на то что это «тогда» могло настать очень быстро, сейчас оно представлялось мне отдаленным будущим, а та работа, которой я занимался вплоть до сегодняшнего утра, отступила в прошлое.

Все же не верилось, что это происходит в действительности. Что не кто иной, как я, нынешним утром вогнал в спину зомби острый обломок бейсбольной биты. Я ли это был?

Я съездил на работу, отчитался перед начальником, подал в отдел кадров заявление на перевод в команду по развитию бизнеса, купил на обратном пути камеру видеонаблюдения и вернулся домой.

Вечером я приготовил себе пасту и поужинал, а затем включил фортепианную музыку. Я перестал думать о своем доме как о месте, где случилось убийство, мой разум был спокоен. Возможно, тому способствовало то, что я заколотил окна наверху и закрыл их ставнями на первом этаже. Акустике, во всяком случае, это пошло на пользу. Мне нравилось, как всю гостиную заполняли звуки фортепиано, и то, как они проникали во все уголки дома. Я поднялся на второй этаж и, убедившись, что там все нормально, снова вернулся вниз.

Пришла мысль записать все, что произошло утром, и я взял блокнот. Я собирался написать о том, что чувствовал, о приятном ощущении, передаваемом через биту в руку в момент

удара. Сам факт, что я описываю свои ощущения, сидя в гостиной, где утром кого-то убил, придавал происходящему привкус нереальности.

Осталось всего несколько блокнотов из тех, что подарил мне Толстяк-130. Не замечая, что музыка уже закончилась, я сидел и строчил. Я упомянул обо всем: о гневе, страхе, ужасе, о том приятном чувстве, которое испытал, вонзив обломок биты в тело зомби, об ощущении от сокрушающего кости удара. Исписав около трех страниц, я окончательно обессилен и не раздеваясь уснул на диване.

9

Во время встреч у Хон Хечжон мы несколько раз играли в игру под названием «Реконструкция событий» на основе хронологической таблицы Толстяка. Ее придумала Хон Хечжон. Это была скорее забава, чем игра. Правила были простыми. Начинающий случайным образом выбирает пять событий на временной шкале. Следует сочинить историю, в которой первое из заданных событий служит причиной возникновения второго, второе — третьего, третье — четвертого, а четвертое — пятого. В свою очередь, отгадывающий задает свою серию событий, а другой сочиняет рассказ. И так далее. Мне вспоминается один расклад.

15 февраля 1985 года — потеряна связь с беспилотным секретным космическим кораблем «Килф»¹, запущенным в целях экспериментальных исследований для будущего пилотируемого полета на Марс.

9 марта 1989 года — похищенное пиратами торговое судно «Fever» благополучно возвращено судовладельцам.

9 марта 1994 года — обнаружен ствол дерева, росшего семь тысяч лет тому назад.

9 марта 1995 года — расистам, обменивающимся между собой информацией об изготовлении бомб, запретили пользоваться Интернетом.

¹ Несуществующий космический корабль.

9 марта 1999 года — 50 человек погибли в результате землетрясения силой 6,2 балла.

Помнится, Толстяк недолго смотрел на список, а потом выдал:

— Пилотируемый космический корабль «Килф» был запущен 13 февраля 1985 года. На расчетную орбиту он не вышел и в 1989 году должен был войти в плотные слои атмосферы. Повреждение корпуса исключало управляемую посадку, но оставалась возможность маневра, чтобы направить аппарат в определенную точку внутри рассчитанной зоны падения. Выяснилось, что в этой зоне находится торговое судно «Fever», насильно захваченное пиратами, а также сам пиратский корабль. Руководитель полета высказал следующее мнение: если «Килфу» все равно суждено погибнуть при столкновении с поверхностью Земли, то пусть это будет использовано с пользой. Уточнили координаты пиратского корабля, и в него был направлен падающий аппарат. Пиратское судно было уничтожено. Пираты, видевшие это с борта «Fever», сочли сие проявлением Божьего гнева — поражение их судна пылающим болидом. Потому они поспешили освободить все захваченные корабли. Это случилось 9 марта 1989 года. Один из пиратов по имени К, благополучно вернувшись домой, после долгих размышлений о жизни и смерти решил отныне стать спасателем и нашел в том свое призвание. Обладая развитым шестым чувством, он смог спасти множество жизней. При обрушении зданий он безошибочно определял места, где под завалами находились еще живые люди. Многих спас он и при происшествиях на воде, поскольку был отличным пловцом и ныряльщиком. Люди прозвали его Суперменом. 5 ноября 1994 года он работал на лесном пожаре — расчищал подлесок до земли на пути огня, так нередко действуют в подобных случаях. В какой-то момент под киркой оказалась древесина, и он буквально ощутил, что прикоснулся к чему-то необычному и древнему, много лет укрытому землей. Наш герой со всей осторожностью выкопал находку и передал ее ученым. Вскоре выяснилось, что это был фрагмент ствола дерева, росшего около семи тысяч лет назад. Месяц спустя археолог R, который исследовал находку, отправился на место ее обнаружения, желая выяснить, не сохранилось ли там что-либо еще. Ему повезло, и мы теперь знаем намного больше об истории и формировании ландшафта этой местности...

Там еще что-то было про запрет расизма в Интернете и про землетрясение с пятьюдесятью жертвами, но я уже позабыл подробности. Не важно. Помню лишь, что тогда я хлопнул себя по колену от восхищения тем, как ловко Толстяк-130 увязал всё воедино.

Мы играли еще несколько раз. Результат игры всегда был одинаковым: неизменно побеждал Толстяк-130. Мне не хватало воображения, а рассказы Хон Хечжон грешили натяжками. Но когда за дело брался Толстяк-130, все события складывались в единое целое. Конечно, в реальности связей между фактами могло и не быть, но Толстяк-130 умел убеждать естественностью своих построений.

После очередного проигрыша Хон Хечжон сказала Толстяку-130: «Тягаться с таким талантом, как ты, — бесполезное дело. Почему бы тебе не начать писать романы?» Я был с ней всецело согласен. «Реконструкцию» мы забросили.

У меня тоже бывали моменты, когда вдруг видишь причинно-следственную связь, объединяющую два, казалось бы, разрозненных события. В такие моменты я приходил в сильнейшее волнение, будто прикоснувшись к великим тайнам мироздания.

Одно событие становится причиной возникновения другого. Взять исписанные мною блокноты. Первый блокнот явно является причиной второго. Однако иногда событие из первого блокнота становилось причиной возникновения события третьего блокнота. Событие, которое я испытываю сейчас, станет причиной того, что произойдет завтра, но оно также может стать непосредственной причиной того события, которое произойдет спустя три дня. Одно событие может стать причиной возникновения нескольких событий. Из-за того, что причина и следствие простираются до бесконечности в обе стороны, их невозможно определить. Если это так, что на самом деле означают причина и следствие? Как это можно объяснить? И возможно ли это?

Мне приснился сон, где Хон Хечжон, Толстяк-130 и я играли в «Реконструкцию». Толстяк-130 предоставил пять случайных событий, а я должен был соединить их в рассказ, но я никак не мог связать их в единое целое. По двое события связывались, а уже по трое — нет. У меня кружилась голова, руки вспотели. Открыв рот, я хотел что-то сказать, но не мог выдать ни звука. Толстяк-130 и Хон Хечжон смеялись, глядя на меня. Мне было стыдно. Собрав все силы, я что-то проблеял. Но мой голос утонул в дружном хохоте Хон Хечжон и Толстяка.

Когда я проснулся на диване весь мокрый от пота, множество вопросов толклись в голове. Почему зомби выбрали этот дом? Почему Хон Хечжон рекомендовала мне это жилье? Почему Кегель дал мне такой совет? Почему меня занесло в Корио? В миг пробуждения они было сложились в причинно-следственную цепочку, но стремительно распадались в горсть разрозненных фактов, а я тщетно пытался удержать их вместе.

Я так сильно погрузился в свои мысли, что не сразу осознал: кто-то стучится в дверь. Это оказалась Хон Ян.

— Я уже было решила, что вас нет дома. Я пришла попрощаться, могу я войти?

Я попросил ее чуть обождать. Спрятал валявшееся смятое одеяло сзади дивана, сгреб блокноты со стола и поставил их в книжный шкаф. Вроде все. Оглядел гостиную. В глаза бросилась ее пустота. Стянув с себя потную футболку, я бросил ее в грязное белье и надел свежую.

— А вы, оказывается, мужчина, которому есть что скрывать. Иначе отчего бы вам так долго держать девушку на холоде, — сказала, улыбаясь, Хон Хечжон, заходя и оглядываясь.

Скрывать, по правде, было нечего и негде. Всю обстановку составлял диван, платяной шкаф с лежащим сверху портативным CD-плеером да книжный шкафчик с несколькими книгами и блокнотами. Судя по реакции Хон Ян, ее такой аскетизм обстановки удивил. Я предложил ей чай, добавив в него немного молока и меда.

— Ну что, все привели в порядок? — спросил я ее.

— Да, я со всем закончила. Пришла с пустыми руками и ухожу с пустыми руками. Раньше я думала, что это следует понимать иносказательно, но нет — я действительно пришла с пустыми руками и ухожу с пустыми руками. Даже вино, которое я пила вчера, — утром меня им вырвало. Осталась только одна коробка, — сказала Хон Ян и протянула руки ладонями вверх, демонстрируя, что они действительно пусты.

Затем она провела пальцами левой руки по правой. Пальцы были тонкими и длинными. Я снова спросил ее:

— Вы сейчас возвращаетесь обратно?

— Отпуск окончился. Мой первый отпуск за восемь лет, а я вот так бездарно его потратила.

— Я могу спросить, куда вы возвращаетесь?

— Поеду домой.

— А где ваш дом?

Хон Ян посмотрела на меня с таким видом, словно не знала, где находится ее дом, или же впервые слышала это слово.

— Я прошу у вас извинения за все, — сказала Хон Ян, проигнорировав мой вопрос.

— За что вы извиняетесь?

— Как за что? Внезапно объявившаяся злая, крикливая, ненормальная девица. На самом деле, поверьте, я не такая. — Она заглянула мне в глаза, словно желая удостовериться, что я поверил ее словам.

— Мне все равно, даже если бы вы были такой.

— Вы хотите сказать, что вам на меня плевать?

— Нет, я не это имел в виду. Я хотел сказать, что вы больше наговариваете на себя.

— Вы случайно не ходили на занятия по личностной коррекции? Иногда, Че Чжихун, от вашей вежливости скулы сводит.

— Я выгляжу скучным?

— Как бы это сказать поточнее. Нет, вы не скучный... Я воспринимаю вас постоянно трансформирующимся, будто подогреваемым изнутри. Но все это помещено в гляцевую картонную упаковку.

— Вы хотите сказать, что я притворяюсь?

— Я не думаю, что вы это делаете специально. Если бы это было так, вы действительно были бы несчастным человеком. Мало радости быть наполнителем для упаковки.

— Вы работаете в этой области?

— В какой области?

— Психотерапия, личностная коррекция.

— Не угадали. На самом деле, моя работа — направлять людей к удаче.

— Я так и подумал.

— Что значит «так и подумал»? Вы что, приняли меня за гадалку? Ну же, Че Чжихун, подумайте еще.

Я понимал, что Хон Ян играет со мной, это было странно, но впервые за долгое время меня коснулось ощущение беззаботности. Хон Ян резко стерла улыбку с лица и сказала:

— Я чувствую вину перед вами и благодарю вас.

— Да за что?

— Если бы вы, Че Чжихун, не проводили время с моей матерью, она бы мучила меня до самой смерти. Я благодарна вам за то, что избавили меня от этого.

— Госпожа Хон Хечжон не была таким человеком.

— Опять вы за свое. Повторяю: не льстите себе, будто знаете о моей матери что-то такое, чего не знаю я.

— Хорошо-хорошо, не будем об этом. — Мне уже порядком надоело пререкаться с ней.

Мы пили чай, глядя в окно, за которым медленно проплывали облака. Хон Ян вынула из женской сумочки небольшой блокнот и положила его передо мной. На обложке виднелась надпись — «Хон Хечжон».

— Я думаю, что это записи моей мамы, — медленно сказала Хон Ян.

— И что там?

— Пока не знаю. Мне самой интересно, но я пока не готова к чтению.

— Почему? Вы боитесь узнать, что там написано о вас?

— Да. Я боюсь, что она может убедить меня принять ее точку зрения. Поймите, моя мать — человек, который профессионально владел словом, который умел быть убедительным.

— Если после прочтения вы лучше поймете свою мать, что в этом плохого. Может быть, в записях упоминаются какие-то факты, о которых вы, Хон Ян, не знаете.

— Поэтому-то я не могу сейчас читать. Какая бы правда ни открылась, я еще не готова простить мать.

— Неужели правда для вас до такой степени ничего не значит?

— Знали бы вы, как часто подобное бывает. Правда — всего лишь один из видов фактов.

— Тогда сожгите записи, и дело с концом.

— Вы думаете, так будет лучше?

— Решайте сами.

— Мне кажется, что в тот момент, когда я открою их, случится что-то плохое.

— Что может быть хуже смерти матери? — сказал я недоуменно.

— Вы не могли бы поддержать записи какое-то время у себя? — Она проигнорировала мой вопрос.

— Я?

— Поддержите, пожалуйста, пока их у себя. Когда я буду готова к чтению, я их заберу.

— Но я могу не выдержать и прочесть.

— Читайте, мне все равно. В любом случае содержание не имеет к вам никакого отношения, поэтому для вас оно ничем не будет отличаться от какого-нибудь рассказа. Но мне думается, что вы не из любителей подглядывать за чужими секретами.

— Опять начали меня анализировать?

— Тут нечего анализировать. Просто у вас на лице все написано, — улыбнулась она.

— Это комплимент?

— Нет, это означает, что ваша «упаковка» просвечивает. — Хон Ян весело рассмеялась.

Я тоже улыбнулся. Шутка мне понравилась, хотя и содержала колкость. У меня было такое ощущение, что я снова встретил Хон Хечжон. У Хон Ян была такая же манера хмуриться перед тем, как отпустить шуточку. Точно так же, как землетрясения происходят по линии стыка тектонических плит, так и ее шутки, казалось, возникают там, где брови, нос и лоб встречаются друг с другом. Возникающая там шутка, подобно холодному фронту, огибает рот и возле подбородка сталкивается с теплым фронтом, вызывая улыбку на лице. После ее начала возникает эффект, когда температура моего тела поднимается примерно на один градус.

Иногда перед зеркалом я копирую Хон Ян. Что любопытно, если я хмрю брови перед тем, как открыть рот, то шутка сама собой срывается с языка и настроение часто улучшается. Впрочем, я не знаю, что его улучшает — удачная шутка или мысль о Хон Ян.

Я согласился поддержать блокнот ее матери у себя. Я ничего не терял, зато появлялся предлог еще раз увидеться с Хон Ян.

Выпив чаю, она откланялась. На месте, где она сидела, одиноко остался блокнот. Синего цвета, в твердой обложке, обтянутой кожей, и прихваченный черной тесьмой-закладкой. Я стоял и глядел на него. О чем думала Хон Хечжон перед смертью? Вспомнила ли она обо мне и Толстяке-130? Упоминаемся ли мы в ее записях? А может, там есть сообщения, которые она хотела нам передать? Если это так, почему бы просто не открыть последнюю заполненную страницу? Но не будет ли это невежливым поступком с моей стороны? Мысленно я уже медленно открывал блокнот. Чтобы не поддаваться искушению, я пошел на кухню, достал из морозильника хлеб, который разогрел в микроволновке. Затем намазал на него сырного крема и налил в кружку молока. Вернулся в гостиную. Записная книжка по-прежнему ждала меня на том же самом месте. Она была похожа на живое существо. Казалось, что стоит сдвинуть черную тесьму и открыть блокнот, как страницы тут же выпорхнут наружу и заполнят весь дом. Я продолжал бороться с искушением, но оно начало брать верх. Я торопливо схватил

блокнот, рассчитывая прочесть лишь последнюю запись и тотчас закрыть. Вернее, последнее упоминание обо мне и Толстяке, я бы хотел прочитать только их.

И в тот миг, когда я уже начал сдвигать тесьму, мне на миг показалось, что слышу голос Хон Хечжон: «Не снимайте ее».

И — тотчас — торопливый стук в дверь. Когда я открыл, за ней стояла Хон Ян с перепутанным видом.

10

Деревня Корио была абсолютно изолирована от внешнего мира. Она сама и окрестности, включая и мой дом, были огорожены проволочным заграждением в три метра высотой. На равных расстояниях виднелись таблички, предупреждающие об опасности поражения током высокого напряжения. И ниже: «2013.2.9 — Вплоть до завершения военной операции покидать оцепленную зону запрещено».

Удивляло, когда военные успели все это провернуть? Вчера, когда я ездил в офис, никаких признаков начала военной операции не было видно — ни солдат, ни армейской техники.

Вдвоем с Хон Ян мы отправились к Кегелю, чтобы выяснить, что происходит. Прошли по главной улице, вдоль которой выстроились в ряд магазины и торговые павильоны. Внешне никаких изменений не было заметно. Люди, как и раньше, беззаботно проходили мимо лавочек, ресторанчиков и видеопрокатов.

Кегель обнаружился в Корио-центре, где он играл в кегли. Все выглядело настолько мирным, что как-то не вязалось с военной операцией и изоляцией. Кегель, казалось, был удивлен нашим с Хон Ян появлением.

— Что за дела происходят в деревне? — спросил я.

— Какие дела? — переспросил Кегель.

— Все выходы из деревни заблокированы. Говорят, что до завершения какой-то военной операции выезд закрыт.

Кегель отвел нас в тесное помещение с табличкой «Офис» на двери. Письменный стол с компьютером позволял предположить, что отсюда управляли Корио-центром, но для осуществления руководства всей деревней этого было маловато. Кроме того, в комнате висел странный затхлый запах, видимо, скопившийся за долгое время: это был запах старости. Когда

вы становитесь старше, многие части вашего тела начинают издавать особенный запах.

Кегель закрыл дверь офиса. Он мельком оглянулся на Хон Ян и проговорил:

— Это ненадолго. Чрезвычайную ситуацию в войсковой части объявили из-за того парня, которого ты убил.

— Но если чрезвычайная ситуация возникла в войсковой части, почему заблокировали деревню?

— Похоже, что тот парень, которого ты убил, сбежал оттуда.

— Сбежал? Вы хотите сказать, что в части служат зомби?

— Не спрашивай меня. Я тоже не знаю всех деталей, но думаю, что, возможно, есть что-то еще. В общем-то, ничего особенного. Если у военных возникает чрезвычайная ситуация, она иногда берут под контроль Корио. Неизвестно, что может случиться. Вы хорошо заперли дверь, уходя?

— Вы хотите сказать, что мы не можем покинуть деревню?

— Да.

— Что, и даже позвонить нельзя?

— Как вы знаете, это спецзона, поэтому в случае блокировки деревня становится идеальным островом. Девушка, а у вас срочные дела? Жаль, ничего не поделаешь. Воспользуйтесь ситуацией, погуляйте, познакомьтесь поближе с Корио. Или хотите — поучу вас игре в кегли?

Хон Ян промолчала. Было видно, что ей не хотелось говорить. Она явно чувствовала себя с Кегелем не в своей тарелке.

— Ясно. Надеюсь, что все проблемы будут решены в ближайшее время, — сказал я.

— А научиться играть не хочешь? Как я уже говорил в прошлый раз, учиться у чемпиона мира Кегеля — редкая возможность.

— Попозже. Вы дадите мне знать, когда операция закончится?

— Я буду оповещать через местную радиотрансляцию, поэтому слушайте внимательно. Да, вот что еще: не болтай деревенским, что это ты убил того парня-зомби. Сейчас жители Корио думают, что это какое-то учение. Ты понял? Я не люблю лишний шум.

— Во всяком случае, они не столь близкие мне люди, чтобы говорить с ними об этом, — ответил я.

Кегель снова вернулся к кеглям. Я какое-то время понаблюдал за игрой. На первый взгляд она похожа на боулинг, точнее, на мини-боулинг. Мяч поменьше, да и игровая площадка тоже.

Однако по сравнению с боулингом игра в кегли была гораздо более напряженной. Скорость мяча была не меньшей, чем у питчера в бейсболе. Стало понятно, откуда у старосты его прозвище Кегель. Оно было заслуженным, на площадке он буквально царил. Уровень его игры намного превосходил уровень остальных игроков, это было понятно даже мне, не знакомому с правилами. Добавьте сюда громкий голос и хорошо подвешенный язык. Даже наружу доносились его шуточки, сопровождаемые восторженными возгласами слушателей.

— Что он имел в виду, когда упоминал про какое-то убийство? — спросила Хон Ян, едва мы вышли из Корио-центра.

Скрывать далее стало невозможным, да и смысла не было. Рано или поздно она все равно вытянет из меня правду. Поэтому я подробно рассказал ей о произошедшем вчера утром, о том, как вонзил обломок бейсбольной биты в тело зомби, и о том, как Кегель с Зеро увезли его в лабораторию. Естественно, Хон Ян поверила не сразу. Честно говоря, я бы на ее месте поступил так же. Однако для чего мне было врать? Кто в таких обстоятельствах сможет шутить о зомби? Она спокойно дослушала историю до конца.

В доме Хон Хечжон почти все было вынесено. Оставалось лишь кое-что из мебели, голос отзывался эхом от голых стен. Конечно, был еще чудо-стол для приготовления вкусных бубликов, но подобная вещь была соблазнительна лишь для Толстяка. Жить здесь было решительно невозможно. Когда я предложил ей остановиться на втором этаже моего дома, она не задумываясь согласилась.

Глядя на Хон Ян, я решил, что вся история с зомби имела и положительную сторону: ведь теперь я мог быть с ней. Сначала Хон Ян психовала из-за невозможности покинуть деревню Корио, но вскоре смирилась с этим обстоятельством. Если в ней и жил страх, то внешне она его никак не проявляла.

Для ночлега я решил перебраться на второй этаж. Хон Ян выбрала спальню с мягкой кроватью, а я — с жесткой. Я было порадовал Хон Ян, что из ее спальни открывается хороший вид, но потом спохватился, что все окна заколочены. «Все в порядке, — успокоила меня она. — Я вообще хорошо сплю, когда темно». Промелькнула мысль: «Хорошо, что третья спальня, в которой был обнаружен зомби, осталась невостребованной». Что касается гостиной, мне ничего не оставалось, как делить ее с Хон Ян.

После смерти моей матери прошло 22 года, и с тех пор мне не доводилось жить под одной крышей с женщиной. Конечно, у меня были девушки, но я никогда не приглашал их к себе, они были недостаточно хороши, чтобы раскрывать им, как я живу. Кто знает, может быть, несколько девушек бросили меня именно по этой причине. На мой взгляд, они рассуждают так: если тебя не приглашают в дом, значит, мужчине есть что скрывать, не стоит с таким связываться. Когда я жил один, то всегда устанавливал на все окна жалюзи, потому что не хотел, чтобы внешний мир напоминал о себе. Когда я закрывал все жалюзи на окнах, то приходил покой, какой бывает в пещере. Находясь один дома, я носил только трусы или вообще снимал всю одежду и ходил в чем мать родила. Это было удобно, мне не нужно было снимать одежду, когда я шел в туалет, или надевать что-то после принятия душа. Когда я начал жить без одежды, нескончаемая возня с облачением-разоблачением стала раздражать. Одна из причин, по которой я не приглашал к себе девушек, заключалась в том, что в случае их присутствия я не мог расхаживать дома голым. После смерти старшего брата, когда я жил в минивэне, самым большим неудобством для меня была невозможность избавиться от одежды.

Перебравшись в этот дом, я тоже первым делом подумал о жалюзи. Но тогда я уже был знаком с Хон Хечжон и Толстяком-130. Только от мысли, что кто-то придет ко мне, на душе становилось светло.

Эти три дня, проведенные с Хон Ян, стали для меня самыми напряженными, полными сплошных неудобств. Я чувствовал, что она тоже нервничала. Наши спальни находились друг напротив друга через коридор, но когда мы наверху ненароком встречались, то делали вид, что не замечаем друг друга.

Мы коротали время в гостиной, читая под классическую музыку: Хон Ян — книгу «Сто путешественников-исследователей, изменивших историю», взятую мной из библиотеки, а я — «Практическое применение следующего поколения сетей ELTE». Я взялся за нее на тот случай, если меня включат в новую команду по развитию бизнеса, но углубиться в текст не удавалось, смысл ускользал. Это происходило, видимо, из-за того, что в гостиной смешивались ее дыхание и мое.

Два дня мы сидели среди снежного тайфуна. Было такое ощущение, что на нас и пространство, где мы находились, сверху набросили толстое покрывало. Мы читали, слушали музыку, принимали пищу, затем снова читали, пока не наступало время

спать. Мы не покидали дома, за исключением кратких вылазок в супермаркет за продуктами. Иногда закрадывалось сомнение: не наблюдает ли Хон Ян тайком за мной, следя, чтобы я не смог прочитать записную книжку Хон Хечжон. Впрочем, даже если это было и так, для меня это не имело никакого значения. Мне просто нравилось находиться в ее компании. Вечером третьего дня она бросила книгу на пол и раздраженно сказала:

— Сиж тут взаперти, как в тюрьме, и читаю рассказы о путешественниках.

— Хотите другую книгу? — Я был само спокойствие.

— У вас дома есть какие-то лекарства?

— Типа лекарства от простуды?

— Нет, не такое, нет ли такого лекарства... успокоительного?

— Нет.

— Я так и знала.

— Может быть, что-нибудь выпьете?

— А что у вас есть?

Я пошел и достал бутылку виски. Оно стояло у меня на случай бессонницы. К счастью, со сном у меня все обстояло нормально, поэтому бутылка была почти полной. Пить в одиночку я избегаю — хорошо знаю, что происходит со мной потом. Сперва пропускаешь чуть-чуть «для сна». Алкоголь начинает действовать, и настроение тут же падает до отрицательных величин. Чтобы поднять его, пьешь еще, и еще, и еще... Когда я жил в минивэне, подобное случалось несколько раз, пока я не допился до такой интоксикации, что зарекся пить крепкие напитки в одиночестве.

— Что вы за человек, Че Чжихун? — спросила Хон Ян.

Скулы под ее глазами порозовели от алкоголя, она стала выглядеть более красивой. Это было в первый раз с тех пор, как мы встретились, когда она спросила обо мне. Но мне показалось, что она не искренне интересуется мной, я не торопился отвечать на ее вопрос. Мы не спеша пили неразбавленное виски.

— Вы спрашиваете, что я за человек? — проговорил я, помолчав. — Во мне нет ничего особенного. Обычный человек. В просвечивающей упаковке.

— Вы так думаете о себе? А вы, оказывается, человек с приятным характером. Будь мать живой, она бы смогла найти верные слова... Че Чжихун, мол, такой-то человек...

— Кто знает, может быть, подобное обо мне и имеется в записях госпожи Хон Хечжон.

— Че Чжихун, когда прочитаете, пожалуйста, расскажите мне о том, что думала о вас мать.

— Вы поверите оценке госпожи Хон Хечжон?

— Чему-чему, а оценкам ее я верю. Причина, по которой я ненавижу свою мать, заключается в том, что она была слишком объективной.

— Никто не может знать все про другого человека. — Причина ее ненависти к матери меня удивила.

— Вы правы, многие люди расстаются, так и не узнав толком друг друга. Черт подери, жизнь слишком коротка, верно? — Она рассмеялась.

— Как вы думаете, что будет, если научатся продлевать жизнь людей вдвое?

— Я тоже иногда думаю об этом, — сказала Хон Ян. — Сколько людей, о которых никто не знает, так и умерло, не успев поведать о себе? А теперь, Че Чжихун, внимание! Я собираюсь выдать вам тайну, о которой ранее знала только я. Отныне это становится тайной на двоих. Улавливаете? Теперь моя смерть уже не будет означать смерть тайны. Ведь сколько подобных тайн ушло безвозвратно из этого мира. Вам не кажется, что в каждой могиле захоронена одна тайна? Одна могила — одна тайна. Один крест на одну тайну. Если два креста — захоронены две тайны, три креста — три тайны.

— Ну так откройте мне эту вашу тайну, Ян.

— Нет, это я просто так сказала. Оставим этот разговор.

— А если я в ответ выдам одну свою тайну?

— Че Чжихун, мне не интересны ваши тайны.

— А если две моих тайны на вашу одну?

— Откройте три.

— Разве я кажусь человеком, у которого есть аж три тайны?

— Тогда оставим это. Ничего страшного, если я не узнаю ваши тайны.

— Хорошо, я согласен. Начинайте.

— Что же вам выдать такого, чтобы это было равноценно трем вашим тайнам? Но если я открою вам великую тайну, Че Чжихун, вы будете сильно удивлены.

— Мне нравится удивляться.

— В прошлом мой вес доходил до девяноста килограммов.

— Это правда? Не может быть.

— Да, в детстве я занималась художественной гимнастикой, но после того, как я прекратила тренировки, сразу набрала вес.

Я слишком много ела. Шоколад, сладости... Я ела, ела и не могла остановиться.

— Почему вы прекратили заниматься гимнастикой?

— Думала, что у меня были перспективы, но оказалось, что их уже нет. В художественной гимнастике возраст очень важен.

— Разве бросают из-за этого?

— А что делать, если они исчезли?

— Если постоянно прилагать усилия, все может вернуться.

— Вы говорите так, потому что не знаете. Если в гимнастике перспективы исчезают, то это все, конец. В детстве я не знала, что такое гравитация. Я просто летала по воздуху. Я могла сгибать себя так, как хотела, могла допрыгнуть до любой желаемой точки. Но однажды я внезапно ощутила гравитацию. И все для меня закончилось.

— Почему внезапно?

— Однажды я получила от тренера дисциплинарное взыскание. Он был веселым человеком, поэтому и наказание было соответствующим: сделать десять кругов бегом, изображая слоновий хобот. Направлено это было на развитие равновесия. Я с удовольствием принялась «наказываться», регулярно шлепаясь на пол. Подружки помирали со смеху, я тоже, было очень весело. Однако в тот злополучный день мама раньше обычного времени пришла за мной. И она увидела процесс «наказания».

— Хон Хечжон не была похожа на человека, который сердится из-за подобного.

— Я же говорю, что вы на самом деле совершенно не знаете ее. По пути домой она в машине холодно спросила: «Хон Ян, это все, на что ты способна?» — Хон Ян очень похоже симитировала голос матери.

— И что же вы ответили?

— Я ничего не сказала. Было пять часов пятнадцать минут вечера. До сих пор хорошо это помню — именно столько показывали часы в машине. Они были электронные, беззвучные, но мне казалось, что я слышу ход секундных стрелок. После того дня мое тело внезапно стало тяжелеть.

— Из-за одной этой фразы?

— Я не знаю. Не знаю, было ли это из-за этой фразы, или из-за голоса матери, или просто потому, что исчезли перспективы. Так или иначе, но с того дня я не узнавала свое тело. Я не чувствовала его, я не знала, сколько кругов я смогу пробежать или насколько высоко смогу прыгнуть. Во время тренировок удавалось более или менее выполнять задания, но стоило мне выйти на соревно-

вание, как назло, ничего не получалось. Во время выступлений в ушах звучало: «Хон Ян, это все, на что ты способна?» — сказала Хон Ян, снова подражая голосу своей матери.

— Вы поэтому оставили гимнастику?

— С тех пор я начала слишком много есть, — сказала она, в который раз проигнорировав мой вопрос.

— Интересно, как вы выглядели, когда весили девяносто килограммов.

— Была похожа на Толстяка-Сто Тридцать. Когда я впервые увидела его, промелькнула мысль, что смотрю на себя прежнюю.

— Как вы похудели?

— Это уже вторая тайна.

— Они связаны, давайте считать их за одну.

— Ну, не знаю, не знаю. — Хон Ян покачала головой, дурачась.

Ее щеки разрумянились, а губы продолжали улыбаться. Она одним глотком выпила оставшееся виски и сказала:

— Хорошо. Я расскажу вам, если нальете еще.

Хон Ян подперла подбородок левой рукой и протянула бокал. Виски в бутылке оставалось еще много. В душе я радовался, что впереди длинная ночь.

— Вы любите ходить пешком? — спросила Хон Ян, помахивая бокалом с виски.

— Не очень. А вы, Ян?

— Я шагала, пока это мне не надоедало. На первом курсе университета я решила похудеть и шагала по пять часов в день. От дома до университета примерно тридцать минут езды на машине, но я каждый день проходила пешком этот путь. Два с половиной часа туда и столько же обратно.

— Разве можно шагать пять часов?

— Это просто. Все, что от вас требуется, это делать шаг за шагом.

— Ноги ведь заболят.

— Это действительно удивительно. Боль зарождается в коленях, потом спускается в подошвы, затем вступает спина и боль начинает перекатываться по всему телу. Она становится похожа на близкую подругу, а не на врага, разрушающего твое тело. Так что совсем не утомительно.

— Совершенно не могу понять этого.

— Когда я походила так около месяца, то открыла для себя многое, чего раньше не замечала. Каждый день в одно и то же время я шла по одной и той же улице. В какой-то момент я осознала, что она каждый день выглядела немного по-другому.

— Как это по-другому?

— Это трудно объяснить, это нужно пережить. Мы же как-то отличаем вчерашний день от сегодняшнего. Тело незаметно меняется, вес уходит, и на улицу день от дня ты смотришь чуть-чуть иначе. Поэтому для фиксации этих незаметных изменений я начала ежедневно сниматься обнаженной, прежде чем уйти из дома. Я купила камеру, повесила ее в комнате и каждый день фотографировала себя под одним и тем же углом. В воскресенье я печатала фотографии за неделю, развешивала на стене, словно календарь, и рассматривала их.

— Они у вас остались?

— Я их все выбросила.

— Жаль. А то бы я мог шантажировать вас.

— И чего бы вы хотели добиться этим шантажом? — В ее голосе прозвучал вызов.

Нарезая сыр, я сделал вид, что подыскиваю ответ. Мою голову постепенно наполняла энергия алкоголя, я чувствовал, как ее уровень становится выше. Хон Ян продолжила, не дожидаясь ответа:

— Через полгода такой ходьбы я сильно похудела и вернулась к прежнему весу, который был за десять лет до того. Несмотря на то что похудела, я иногда рассматривала фотографии, развешенные на стене. Теперь они выглядели словно запись процесса исчезновения вселенной — вселенной телесного цвета.

— Почему вы выбросили их?

— Когда долго смотришь на вселенную телесного цвета, становится немного противно.

— У меня продолжает работать воображение.

— Остановитесь.

— Да, хватит.

Я сказал «хватит», но воображение продолжало работать. Я рисовал себе образ упитанной Хон Ян, представлял фотографии, на которых отражен процесс исчезновения вселенной телесного цвета, выражение лица Хон Ян на фотографиях и красивые изогнутые контуры линий тела, сжимавшие вселенную телесного цвета.

Я услышал треск разбитого стекла, Хон Ян вздрогнула от неожиданности. Вслед за тем со второго этажа донеслись стуки и царапание. Кто-то находился снаружи. Когда звуки прекрати-

лись, на мгновение стало так тихо, что, казалось, стало слышно потрескивание тающих кубиков льда в бокале с виски. Потом вдруг донесся гулкий удар. Снаружи точно кто-то был. Мне стало ясно: это зомби. Не факт, что доски сдержат их. Тогда они ворвутся внутрь. И сколько их там? Я был в таком смятении, что готов был выйти из дома и выяснить это.

Я велел Хон Ян караулить окна и дверь внизу, а сам поднялся на второй этаж. Когда я встал у входа в коридор, то услышал, что в доски бьют и справа, и слева. Звуки охватили меня со всех сторон, словно музыка, исходящая из динамиков объемного звучания. Как ритмы каждой падающей с неба капли, собравшись вместе, создают шум дождя, так и звуки ударов по доскам, слившись вместе, создавали подобие раскатов отдаленного грома: кхун-кхван, кхун-кхван.

Я подумал: хорошо, что не пожалел гвоздей. Когда я ставил рамы, то на всякий случай забил гвоздей больше, чем было необходимо, их количество определяло размер моего страха. Причина того, что я, так боясь зомби, не ушел из этого дома, состояла в следующем: я знал, что невозможно избежать страха.

Я вошел в спальню Хон Ян, коснулся досок и ощутил, как по ним кто-то стучит снаружи.

Кхун, кхван, кхун-кхун, кхун, кхван-кхван...

По вибрации я определил, по какой доске бьют. Меня больше распирало любопытство, чем страх. Не пытаются ли зомби что-то передать? Но характер чередования стуков мало напоминал что-то информативное.

Доски пока держались, ни один гвоздь не начал поддаваться под ударами. Кажется, пока можно не беспокоиться за второй этаж. Внизу тоже оборона не была прорвана. Мы с Хон Ян в растерянности стояли посреди гостиной, а со всех сторон нас атаковали издаваемые зомби звуки. Дом был безопасной крепостью, но из-за ужаса от звуков мы на некоторое время впали в оцепенение. Придя в себя, я направился к музыкальному центру и включил воспроизведение. Зазвучала соната для фортепиано, но ее мелодией невозможно было перебить издаваемые зомби звуки, нужен был гораздо более громкий и мощный звук. Подошла бы какая-нибудь симфония, но на большинстве моих компакт-дисков была фортепианная музыка.

После лихорадочного поиска я нашел второй альбом группы «Stone Flower», записанный и подаренный мне Хон Хечжон.

Когда я увеличил громкость, стука почти не стало слышно. Вырывающиеся из динамиков звуковые вибрации боролись со звуковыми вибрациями, производимыми зомби. Сидя на диване в гостиной, мы пили виски и прислушивались к противоборству звуков. Музыка была настолько громкой, что разговаривать было невозможно, оставалось лишь слушать. Я впервые так громко слушал «Stone Flower». Оказалось, что так слушать его тоже хорошо. Рок «Stone Flower» заставлял стучать в ритме сердце в груди.

Когда после третьей песни наступила короткая пауза, я понял, что зомби прекратили свой перестук. «Неужели они заметили, что за музыкой они не слышны?» — промелькнуло в голове. Я нажал на паузу. Тишина.

Примерно пять секунд спустя откуда-то послышалось снова. Вскоре ото всех окон вновь понеслось: кхун, кхван, кхун, кхван. Было в этом что-то гнетущее. Когда я снова врубил музыку на полную и поспешил приложить ладонь к доске на окне, то ощутил вибрации от ударов. Секунд через пять после начала музыки они исчезли. Зомби что, прекратили колотить из-за музыки? Или они сейчас мотают башками, как это делают фанаты на концертах групп хеви-метал? Я воспроизвел фокус с включением-выключением, все в точности повторилось: стоило выключить ее — и они выходили из себя, начинали буйствовать, словно просили еще музыки. Ни дать ни взять фанаты на рок-концерте.

— Кажется, у меня вот-вот лопнут перепонки, — прокричала мне в ухо Хон Ян, наклонившись ко мне.

— Выключить? — громко спросил я.

— Нет, не надо. Лучше уж такая музыка.

— Представьте, что вы на концерте.

— На концерте для зомби.

— Ян, как вы думаете, сколько зомби находится снаружи? По скольким окнам долбят?

— Если я скажу, вы пойдете проверять?

— Нет.

— А теперь, Чжихун, выкладывайте о своей тайне.

— Позже. Музыка слишком громкая.

Мы переговаривались, крича друг другу в уши. Когда она наклонялась ко мне, в ухе становилось щеотно от ее крика. Это было приятно. Мы, не забывая о виски, дослушали альбом до конца и вынуждены были поставить его с начала. Стоило музыке прекратиться, как зомби принимались за свое. Пришлось

установить режим бесконечного повтора. К сожалению, у нас не было ничего другого, похожего на «Stone Flower». Это было равносильно пытке. Мы сидели и вынужденно слушали. Размеренный ритм альбома сделал свое дело, и я незаметно задремал, несмотря на децибелы. Когда я вышел из неглубокого сна, Хон Ян крепко спала, откинув голову на спинку дивана. Сквозь чуть приоткрытые губы слегка виднелись три белых зуба. На миг мне показалось, что я вижу дыхание, выходявшее через ее слегка приоткрытые губы. Оно представилось мне в форме пончика с дырочкой посередине.

Я потушил свет и откинулся на диван. Музыка грохотала в темноте. С какого-то момента она перестала восприниматься как музыка, оставшись лишь оглушающе диким шумом. Как ни странно, но это не помешало мне несколько раз впадать в неглубокий сон, а затем просыпаться. После очередного пробуждения я понял, что скоро рассвет. Я поднялся с дивана. Тело затекло, колени еле разгибались. Чтобы разогнать кровь, сделал несколько физкультурных упражнений. На краткий миг показалось, что тело мое — это кукла, наспех сделанная из того, что попало под руку, и если разобрать и как следует уложить кости, то они уместятся в небольшой коробке. Я выключил музыку и прислушался: никакие звуки снаружи не доносились. Как долго надо ждать для убеждения, что возникшая тишина — не обман? Пять минут? Десять? Я не знал, просто стоял и ждал. Я простоял так около двадцати минут, прислушиваясь ко всем звукам. Лишь когда донеслось мяуканье бродившей где-то неподалеку кошки, я убедился, что зомби исчезли.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Хон Ян, я осторожно отпер два замка и медленно повернул дверную ручку. Внезапно я представил себе зомби: вот он стоит за дверью и вместе со мной поворачивает ручку. Вот открывается дверь, он врывается, вталкивая меня вовнутрь гостиной, кусает в шею, затем бросается к спящей Хон Ян...

Когда я открыл дверь, за ней вместо зомби стояло ослепительное утро.

Я обошел дом. Ущерб был меньше, чем я ожидал. Все окна разбиты, но других видимых повреждений почти не наблюдалось. В душе я был рад, что зомби оказались недостаточно сильными, чтобы выломать деревянные доски. Больше всего меня интересовало, как они могли забраться на уровень второго этажа. Конечно, это можно сделать, цепляясь за стыки досок обшивки, но для их негнущихся тел это была непосильная задача.

— Все не так плохо, как я погляжу, — слышался голос Хон Ян, незаметно подошедшей сзади.

— Встали?

— Я, кажется, спала без задних ног, несмотря ни на что, — сообщила Хон Ян, потягиваясь. — Чувствую себя словно заново родившейся.

— Рад за вас. А мне до сих пор кажется, что «Stone Flower» грохочет в ушах.

— В таких случаях есть один способ.

— Что за способ?

— Идите сюда, — сказала она и, схватив меня за ухо, начала дуть в него.

Стало щекотно и показалось, будто ветер завывает в узком ущелье. Странное ощущение. Я почувствовал, что возбуждаюсь.

— Что вы дела... — Прежде чем закончил говорить, Хон Ян неожиданно громко крикнула мне прямо в ухо: «А!»

— Да что вы творите? Перепугали! А если бы барабанная перепонка лопнула?

— Ну вы даете. Вы что, думаете, барабанная перепонка такая тонкая? Когда в ушах слышатся странные звуки, это лучший способ. Внимание, теперь попробуйте громко сказать «А-а-а».

Я повиновался. Действительно, звуки музыки в ушах полностью не исчезли, но приглуши.

— И впрямь стало тише.

— Я же говорю, это верный способ.

— Когда вы крикнули, я действительно испугался.

— Не притворяйтесь, не то в следующий раз прибегну к дре-ли, — шутливо сказала Хон Ян и улыбнулась.

Станный разговор для двух людей, всю ночь державших оборону против зомби. Душа радовалась утреннему солнцу, и я улыбнулся. Отчего бы не радоваться. Зомби не смогли прорваться. Если ночью не выходить из дома, можно жить. Да и что говорить, мне приятно было находиться вместе с Хон Ян, несмотря на обстановку.

— То, что вы говорили ночью, это правда? — спросил я.

— Вы о чем?

— Ну, я имею в виду историю, что вы были гимнасткой, а потом располнели.

— Мы же договорились говорить только правду. Вы что, мне не верите?

— Все же хотелось бы доказательств.

— Ну и как мне вам это доказать? Может быть, показать вам фотографии тех времен? Думаю, одна-две еще сыщутся, если поискать.

— Просто покажите мне один раз сальто.

— Это же было двадцать пять лет тому назад.

— Разве можно разучиться делать сальто?

— Вы случаем не путаете гимнастку с морским пехотинцем?

— Значит, не можете?

— С тех пор как я стала взрослой, ни разу не делала сальто.

И отчего я должна его исполнять сейчас, ни с того ни с сего?

— Ну попробуйте.

— Не хочу.

— Хочу посмотреть.

— Я же сказала, что не хочу.

— Неужели так трудно выполнить разок?

— С какой стати?

— Я же говорю: хочу увидеть.

— Что именно?

— Я хочу увидеть, как вы делаете сальто.

— Да кто вы такой?

— Кто, я? Я — Че Чжихун.

— Вы наглец, Че Чжихун, — фыркнула Хон Ян.

Согласен, уламливать с утра женщину, занимавшуюся художественной гимнастикой четверть века тому назад, исполнить сальто — это была наглость. Но что поделать — с того момента, как я услышал ее рассказ, я то и дело представлял себе, как она разрезает воздух грациозными движениями тела.

— Вероятно, у меня не получится как следует... Вы готовы нести ответственность, если я пострадаю? — шутливо осведомилась Хон Ян, разминаясь.

— Да, готов, — подтвердил я с серьезным видом.

— Нет, вы и вправду редкий наглец.

Хотя стоял февраль месяц, погода была теплой, земля оттаяла. Хон Ян выбрала участок перед домом, где почва была порыхлее, — видимо, на случай падения, — и продолжила разминку. Я глянул на часы, было восемь утра.

— Я еще не размялась как следует, поэтому сделаю что-нибудь легкое, — бросила мне Хон Ян и, подняв руки, сделала сальто.

Я моргнул. Представление было окончено.

— Это лучшее сальто из тех, что я видел, оно было великолепно.

— Я принимала вас, Че Чжихун, за серьезного человека.

— Да серьезный я, серьезный. А могли бы вы показать мне сальто еще разок?

— Может, уже хватит? Хорошо, покажу как-нибудь потом, когда разомнусь как следует.

— Хорошо. Будем считать это обещанием.

— Я никому ничего не обещаю, — сказала Хон Ян и, подняв воротник, вошла в дом. Хотя февраль стоял теплый, все-таки это был февраль, и температура не располагала к долгому стоянию на улице в домашней одежде.

Я еще раз осмотрел все окна на обоих этажах. Стекла в окнах разбиты, но пока их не стоит менять — вдруг зомби вернуться. Доски атаку выдержали, основной проблемой был сквозняк из щелей между досками. Я заполнил их герметиком, что оставался от ремонта. Его резкий запах, от которого кружилась голова, пропитал собой весь дом.

Несмотря на сумасшедшую ночь, мы с Хон Ян были до удивления спокойны. Что до меня, то я уже притерпелся к творящейся вокруг чертовщине, но она — ее спокойствие меня поражало. Для перепуганного человека, ворвавшегося ко мне с известием о том, что деревня Корио заблокирована, она сейчас выглядела до странности спокойной. Возможно, что она из той же породы людей, что и я. Сначала мы полностью отдаемся шоку, сжимаемся, но после тщательного его анализа и уяснения сути возвращаемся в первоначальное состояние, в котором были до шока. Я знал, что это не врожденное, а вырабатываемое в течение длительного времени умение, необходимое для выживания.

Как там говорил продавец проигрывателя «Hug Shock»: «Мы не изобрели проигрыватель с нуля, мы просто подготовили его к ударам».

После того как я замазал герметиком щели в окнах, мы позавтракали бутербродами. Только мы приступили к кофе, кто-то резко постучал в дверь. На мгновение я замер от страха, но сразу спохватился: день, светло, зомби не активны. Когда я открыл, то увидел Кегеля и Зеро.

— Вчера ночью здесь было очень шумно? — спросил Кегель и решительно вошел в дом.

— Откуда вы узнали? — спросил я.

— Один зомби зашел ко мне на обратном пути, — с серьезным видом сказал Кегель.

— Что?

— Я напоил его чаем и отправил восвояси. Кстати, он показался мне славным парнем. Много чего порассказал о прошлой ночи.

— Вы говорите правду?

— Да не гляди ты на меня так. Что, старику уж и пошутить нельзя? — ухмыльнулся Кегель.

— Ну и шутки у вас. Нашли время.

— Ну давай, Расскажи старику, когда ему шутить, а когда нет, а то он все попутал. Дочь Хон Ёк вчера ночью не очень испугалась?

— Я же просила больше не называть так мать, — резко сказала Хон Ян, вставая в наш разговор.

— Ах да, извини, девушка. Вспомнил-вспомнил, ты еще говорила, что это имя напоминает тебе название болезни «корь», кажется, верно? Вот черт, видать, совсем состарился, постоянно забываю об этом.

— Господин Кегель, вы не сказали мне, как вы узнали о прошедшей ночи, — сказал я.

— Это секрет. Мы с Зеро знаем все, что происходит в деревне Корио. Верно, Зеро? — он засмеялся. — До темноты сюда нахлынут военные. Я прошу вас всячески сотрудничать с ними.

— Придут ли зомби снова сегодня вечером?

— Не знаю. Поскольку у них нет мозгов, надо думать, что соберутся повторить то же самое.

— Почему они пришли к моему дому?

— Они, видимо, искали, где спрятаться от солдат. Твой дом единственный тут поблизости. С другой стороны, неизвестно, быть может, они пришли, учуяв запах того парня, которого ты убил несколько дней назад. Возможно, они пришли свести счеты, ха-ха-ха. Сделать в отместку из тебя зомби.

— Зомби такие сообразительные?

— Сам посуди. Судя по тому, что они до сих пор не пойманы, несмотря на то что солдаты уже несколько дней переворачивают всю деревню, они сообразительнее, чем ты и твой толстяк, ха-ха-ха. В любом случае, будь осторожен.

Следует ли из факта, что их не удается обнаружить, то, что зомби обладают разумом? Вполне возможно, что солдаты не представляют, где их искать. Ведь должны же они где-то днем укрываться от солнца.

Поговорив с Кегелем какое-то время, я почувствовал себя так, словно боролся с ним на соревновании по армрестлингу. Зеро и Хон Ян молчали и не вмешивались. В какой-то момент

я повернулся к ней, как бы передавая ей эстафету, но Хон Ян и не подумала принимать ее. Зеро, стоящий за спиной Кегеля, не отрываясь смотрел на нее. Почувствовав на себе его взгляд, Хон Ян резко спросила:

— Почему вы все время смотрите на меня?

Кегель глянул на Зеро, но тот вместо ответа склонил голову, лицо его покраснело.

— У него странные манеры, но не думайте о нем плохо.

Прозвучало как оправдание. Я сообразил, что ни разу не слышал голоса Зеро. Тогда я не знал, что он не может говорить. По его внешнему виду представлялось, что у него должен быть низкий, грубый и словно окутанный туманом голос. Зеро так ничего и не сказал.

Они ушли, мы допили кофе. Хон Ян, покосившись на сотовый телефон, лежавший на столе, заметила:

— Я словно позабыта всеми, и от этого у меня хорошее настроение.

— Что значит «позабыта всеми»?

— Прошло четыре дня с тех пор, как я пропала для знакомых. Мне нравится тот факт, что они не могут найти меня. Небось думают, что Хон Ян бесследно исчезла.

— Кто-нибудь знает, что вы здесь?

— Нет, никто.

— Почему вам нравится быть забытой?

— Когда умер мой братишка Хён, я думала о том, чтобы начать все с чистого листа. Я хотела начать все снова после удаления всего, что связано со мной, с моим именем. Мне тогда хотелось как бы стереться отовсюду.

— Мисс Ян, я бы вряд ли предположил у вас широкий круг знакомств. Так столь ли многое придется стирать?

— Даже с учетом того, что я считаюсь неплохим фотографом.

— Вы фотограф?

— Да, вам это кажется странным?

— Нет, просто я сам удивляюсь, что до сих пор не спросил вас о том, чем вы занимаетесь.

— Я ведь совсем не похожа на фотографа, верно?

— М-м-м, если присмотреться, да, совсем не похожи.

— Тогда, по-вашему, чем я занималась?

— Танцами, — уверенно заявил я.

— Где вы видели танцовщицу с таким количеством лишнего веса?

— Почему, вы же стройная.

— Вы мне льстите. Даже на первый взгляд можно увидеть то тут, то там немало жира.

— Где?

— Я же сказала, что это тайна.

— Вы говорите, что вы фотограф, но почему тогда ничего не фотографируете?

— Фотограф, по-вашему, непрерывно снимает все подряд? Нужно еще найти объект, заслуживающий быть запечатленным.

— Сфотографируйте мое лицо.

— Я не фотографирую что попало.

— Вы хотите сказать, что мое лицо относится к этой категории?

— Нет, но оно близко к этому.

— Вам не нравятся люди с таким лицом, как у меня?

— Я не думала о том, нравятся мне или нет люди с таким лицом.

— Я разочарован.

— Почему?

— Мне, например, нравятся люди, похожие на вас.

— А как я выгляжу?

— Хватит об этом. Я слишком разочарован, не хочу больше говорить на эту тему.

— Ой-ёй-ёй, какие мы обидчивые. Я же пошутила. Шутка. Конечно, ваше лицо не назовешь красивым, но некий шарм, думаю, в нем есть.

— Правда?

— Правда-правда. Лучше скажите, как я выгляжу в ваших глазах.

— Вы выглядите как простое предложение, — сказал я.

— Что? Это разве не оскорбление?

— Нет, краткость не отменяет выразительности или точности. Оно легко считывается и труднее забывается.

— Вы хотите сказать, что мое лицо подобно лозунгу или предупреждению?

— Уф, я не это имел в виду.

— Я пошутила. Иногда вы выглядите таким простофилей. Знаете, это выглядит мило. Ваше определение мне нравится. Лицо, которое выглядит, как простое предложение. Я запомню, ха-ха-ха.

Я поцеловал губы смеющейся Хон Ян. Она перестала смеяться. Все было таким далеким, словно я падал с высоченного обрыва. Слова не шли на ум. Мои шершавые губы стали влаж-

ными, язык тоже стал влажным и скользким. Я просунул правую руку под рубашку Хон Ян. У нее была теплая талия, живот был теплее, а грудь теплее живота. Я начал осторожно приподнимать ее бюстгальтер, но она резко перехватила мое запястье. Я остановился. Она, притворно закашлявшись, выскользнула из моих объятий и спросила:

— Не хотите прогуляться?

Я кивнул в знак согласия.

12

Какой день важнее: день рождения или смерти? Если вам нужно кого-то вспомнить, что вы припоминаете в первую очередь: день появления на свет или смерти? Этот вопрос возникал в голове каждый раз, когда я видел рядом две эти даты на надгробном камне. Однажды у меня с Толстяком-130 случился следующий разговор:

— Брат, я думаю, что день смерти важнее, — беспричинно сказал он.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что жизнь человека полностью заканчивается в тот момент, когда он умирает. История его жизни тоже в тот момент завершается.

— Рождение — тоже часть истории его жизни, — возразил я.

— История жизни не приходит с рождением. Вы должны умереть, тогда она завершается.

— Но начаться-то она тоже должна.

— Пусть сегодня будет двадцатое января. Это день смерти Джона Рёскина¹, — сказал Толстяк-130, — а также день, когда родился Федерико Феллини². Как вы думаете, какая из этих дат важнее?

¹ Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт. Оказал большое влияние на развитие искусствознания и эстетики второй половины XIX — начала XX в.

² Федерико Феллини (1920–1993) — итальянский кинорежиссер и сценарист. Обладатель пяти премий «Оскар» и «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля.

- Федерико Феллини.
- Почему?
- Просто потому, что он более известен, чем Джон Рёскин.
- Брат, я серьезно. Когда говорят, что кто-то умер, разве в ваших ушах не звучат колокола?
- Мне не слышится ничего, кроме детского плача.
- Да ну вас.

Сейчас мне вспомнился тот разговор. Кажется, Толстяк-130 был прав, когда говорил, что, когда кто-то умирает, с его смертью история его жизни завершается. Я тоже полагал, что вся правда раскрывается после смерти. Тем не менее лучше воскрешать в памяти день рождения, не хотелось возвращаться к дням, когда умерли мои родители или мой старший брат. Память об этих днях навевала только печаль. Но когда я вспоминаю их дни рождения, печаль от утраты переносясь, потому что она смешивалась с воспоминаниями о хорошем дне. Во время посещения кладбища я иногда видел надгробные камни, на которых имелись даты рождения, а даты смерти отсутствовали. Это могли быть могилы пропавших без вести или тех, о ком удалось узнать хотя бы имена. Я считал, что в этом случае лучше было ставить звезду, а не крест — ведь неизвестно, был ли покойный верующим или нет.

Я предложил Хон Ян пофотографировать кладбище. Нигде раньше мне не доводилось видеть столь много могил и необычных надгробий, как в деревне Корио. Когда я описал ей вид нескольких могил, она проявила интерес. Перед выходом она достала камеру, лежавшую на дне сумки. В этот момент она была похожа на мечника, который впервые взял в руки меч после долгого перерыва. С камерой на шее она выглядела бесстрашной.

На кладбище Хон Ян принялась за дело, казалось, совершенно забыв обо мне и снимая все подряд: выщербленные надгробные плиты, росший на могилах зеленый мох, ржавое железное кресло, валявшееся рядом с могилой, имена людей, кресты, выцветшие искусственные красные цветы, загодя подготовленные могильные ямы, потухшие свечи, звезды и кресты, надписи, снег на могилах, куклы на надгробиях, ворон над кладбищем, звезды и кресты между надгробными камнями, высеченные перед датой рождения звезды и кресты перед датой смерти.

— Странно, но это не выглядит как крест. — Хон Ян сфотографировала крест и оглянулась на меня.

— А что это, по-вашему?

— Плюс.

— Плюс? Если бы поставили знак «минус», еще можно было бы понять, не кажется ли вам странным ставить знак «плюс» перед датой кончины?

— Не кажется. Когда ты умираешь, ты ведь плюсуешься к земле.

— Но «минус» в человеческом мире...

— Тогда я, видимо, зомби. Разве зомби так не подумают? Хм, кстати, вон один умер сегодня? Эй, идет перепись зомби, давайте приплюсуем вас. — Она засмеялась.

— Я надеюсь, что зомби умеют говорить, как вы, мисс Ян. И вообще, что, черт возьми, у вас в голове?

Знак звезды перед датой рождения означает, что ты упал на землю звездой. А «плюс» перед датой смерти отмечает, что ты отыграл роль человека и перешел в мир зомби, «приплюсованный» к ним. Эта мысль меня повеселила, существование в качестве зомби показалось сносным.

Мы с Хон Ян стояли среди могил и перебрасывались подобными шуточками. Если бы зомби могли нас слышать, небось бы ржали до упада. К вечеру похолодало. Хон Ян поминутно согревала дыханием правую руку, свободную от перчатки, чтобы нажимать кнопку спуска затвора. За короткое время она сделала более двухсот снимков.

Мы вернулись ближе к вечеру, когда на яркий день будто пролили каплю черных чернил, и обнаружили, что внутри и снаружи дома всю хозяйничают солдаты. Было их около ста человек. На участке спешно рылись канавы, что-то куда-то прокладывалось. На нас никто не обращал внимания. Мы прошли мимо них, но никто из них даже не удостоил нас взглядом. Внутри тоже туда-сюда сосредоточенно сновало несколько солдат. Похоже, они устроили в моем доме штаб-квартиру.

— Что это делаете здесь без разрешения владельца? — громко поинтересовался я, но никто из военных даже не оглянулся.

Кто-то, лежавший на моем диване, принял сидячее положение. Надел головной убор.

— А, это вы владелец дома? Извините за беспокойство. Я генерал Тянь, руководитель этой военной операции, — низким голосом представился незнакомец и протянул руку для рукопожатия.

Его ручища была примерно в два раза больше моей руки. На мгновение мне показалось, что я коснулся конечности дикого зверя.

— Что все это значит?

— Вас разве Кегель не предупредил? Я решил начать операцию отсюда.

— Да, он говорил. Но, по-моему, вваливаться в дом без разрешения хозяев как-то невежливо?

— Согласен, как-то некрасиво вышло, извините. Но в нашем деле бывают такие непредвиденные ситуации. Все это делается во имя большой цели. Вы ведь согласны? — Он вперился мне в глаза.

Мужчина угрожал мне одним лишь взглядом. У него были глаза человека, привыкшего повелевать. Эти глаза знали, с каким выражением, в зависимости от ситуации и собеседника, они должны смотреть для получения результата, нужного обладателю. Я всего лишь мельком смотрел ему в глаза, но мне впервые в жизни стало так страшно. Я отвел взгляд.

— Разве вы не хотите раз и навсегда избавиться от зомби? Я обещаю вам сделать это. А пока сядьте и книжку почитайте, что ли. Этой ночью вам достаточно будет воспроизвести точно такую же ситуацию, насколько это возможно, какая была вчера. Я не знаю, почему они появились именно сюда. Скажите, вы вчера ночью не делали ничего особенного?

— Что значит «ничего особенного»?

— Ха-ха-ха, и вы еще спрашиваете... Ну, это самое... То, что делают, потя и издавая звериный запах... — Генерал Тян заговорщицки ухмыльнулся и положил свою лапищу мне на плечо, которое чуть не подалось под ее тяжестью.

Генерал Тян достал сигарету и сунул ее в рот.

— Выйдите на улицу. Здесь не курят, — резко сказала Хон Ян, молчавшая до этого момента.

Генерал Тян усмехнулся краем рта и вышел на улицу. Три или четыре офицера последовали за ним.

— Крайне неприятная личность, — сказала Хон Ян.

— А если я к старости уподоблюсь ему, что станете делать? — шутливо спросил я.

— Вам это не грозит.

— А вдруг. Вдруг стану еще хуже.

— Тогда умрете от моей руки. — И Хон Ян поднесла кулачок к моему носу.

Я рассмеялся — уж больно с серьезным выражением лица она это произнесла. Смогу ли я оставаться таким, каким хотел бы оставаться? Хорошо бы. Да только будущее складывается

из множества выборов, которые мы совершаем непрерывно, не осознавая их, — вот в чем дело.

Мы неподвижно сидели на диване, как велел нам генерал Тянь, и смотрели на малопонятную деятельность солдат. Все они выглядели очень занятыми, хотя на первый взгляд ничего особенного не делали, и двигались, как муравьи по заданным маршрутам.

То, чему обучают в армии, — это не только боевые навыки. Армия прежде всего учит тому, как отдельный солдат должен двигаться. Двигаться, не сталкиваясь с другими солдатами. Подчиненные генерала Тяня казались прекрасными солдатами. Они почти не разговаривали, быстро перемещаясь по своим путям, словно где-то внизу под ногами были проложены незримые рельсы. Да, мне они казались хорошими солдатами, но, честно говоря, со стороны они практически ничем не отличались от зомби.

Было видно, что военные что-то спешили закончить до темноты. Когда часы показали ровно шесть часов вечера, деятельность вдруг резко прекратилась, стало тихо. Вместе с генералом Тянем в доме осталось всего десять офицеров, остальные военные заняли подготовленные позиции вокруг дома. Наружное освещение было выключено. Видимо, военная операция началась. Десять офицеров безмолвно сидели за обеденным столом. Свет в доме оставили включенным, очевидно, чтобы зомби могли легко найти свою цель, хотя я и не был уверен, видят ли зомби в нашем понимании. Генерал Тянь, сидевший с нами на диване, сказал:

— Они точно придут. Я не знаю, когда это произойдет, но этой ночью они точно придут снова. Знаете почему?

— Не знаю, — ответил я.

— Потому что они учуяли запах. Как вы думаете, что за запах они учуяли?

— Без понятия.

— Конечно, вы можете не знать. Вы когда-нибудь чувствовали запах человека?

— Запах человека? — удивился я.

— Зомби очень чувствительно реагируют на определенный человеческий запах. Как вы думаете, откуда мне это известно?

Генерал Тянь выдержал паузу, явно забавляясь моей растерянностью. Я промолчал, предоставив ему самому отвечать на вопросы. Честно говоря, он меня раздражал.

— Зомби учуяли в этом доме особый запах.

Мы с Хон Ян молчали. Она сидела слева от меня, демонстративно уткнувшись в книгу. Я бы тоже предпочел чтение или разговор с ней, чем слушать разглагольствования генерала, но деваться было некуда — я сидел между ним и Хон Ян.

— В наших телах течет кровь. Приложите палец к шее, и вы ощутите толчки текущей крови, которая круглосуточно обращается в теле. Если толчков нет, значит, человек мертв. Однако таким образом вы можете почувствовать, как течет кровь, но не ощутите ее запаха. Вроде вот она — прямо под кожей, а запаха нет. Вам не кажется это странным?

Казалось, генерал Тянь упивался своей речью. Он снял фуражку и положил ее на стол, козырьком к себе, будто обращаясь к звездочке на кокарде. Мне в глаза бросилась маленькая татуировка на блестящей лысине. Там что-то было написано, но разобрать слова я не смог. Генерал Тянь достал платок, утер лоб, лысину и лоснящееся лицо, затем, сложив его несколько раз, положил рядом с фуражкой.

— Кажется, что тут такого, что человек не может учуять запах человеческой крови. Весь мир наполнен запахом крови, который для нас неприятен. Вы знаете, как пахнет?

— Да, знаю.

— Вероятно, это был запах крови раненого?

— Да, верно.

— А вы не чувствовали запах крови здорового человека? Запах крови, текущей по кровеносным сосудам?

— Никогда не слышал, чтобы от человека исходил запах крови.

— Некоторые существа, такие как клещи, могут чувствовать запах крови человека на расстоянии в десять метров. Конечно, речь идет не обо всех людях, а только о тех, у кого она имеет сильный запах.

— Вы хотите сказать, что есть люди с сильным запахом крови?

— Так же как есть люди с учащенным и замедленным сердцебиением, так есть и люди с сильным или слабым запахом крови.

— Я не знал об этом, — честно признался я.

— Как вы думаете, почему я рассказываю вам это?

— И почему вы рассказываете это? — переспросил я.

— Вы не полагаете, что это как-то связано с текущей ситуацией?

— Вы хотите сказать, что зомби придут, учуяв сильный запах чужей-то крови?

— Вполне вероятно.

— Вы хотите сказать, что один из нас двоих издает сильный запах крови?

— Я хочу лишь сказать, что высока вероятность этого.

Хон Ян повернула голову в нашу сторону. До этого момента ее глаза смотрели на страницу, но было видно, что она прислушивается к разговору. Надо признать, манера генерала Тяна непрерывно обстреливать вас вопросами раздражала, но вместе с тем он умел заинтриговать — ничего не скажешь.

— И кто из нас двоих наиболее вероятен для этого? — спросила Хон Ян.

— Этого я тоже не знаю, — ответил генерал Тян.

— Но доказательств тому, что мы все распространяем запах крови, нет, не так ли? — уточнил я.

— Доказательства есть, — уверенно ответил генерал Тян.

— А именно?

— Это доказательства, полученные в ходе проведения экспериментов.

— Вы хотите сказать, что экспериментировали с зомби, реагирующими на запах крови?

— Да, экспериментировали. Но большего сказать вам не могу.

В этот момент воздух в доме пришел в движение. Снаружи что-то происходило. Оттуда доносились приглушенные голоса. Внезапно дверь открылась и вбежал до смерти перепуганный солдат.

— Кажется, зомби идут. — Голос его дрожал.

Генерал Тян надел фуражку и, быстро подойдя к окну с ранее открытыми ставнями, стал всматриваться в темноту. Я и Хон Ян тоже подбежали и заглядывали через генеральское плечо. Мне хотелось увидеть тех зомби, которые прошлой ночью ломались в дом.

— Выключить свет, — тихим голосом приказал генерал Тян.

Когда через несколько секунд глаза привыкли к темноте, я разглядел, что нечто еле различимое приближается к дому. Все замерли. Я и представить себе не мог, что вся эта орава солдат может хранить полную тишину. Генерал знаком подозвал одного штабного офицера и шепотом уточнил:

— Вы приказали ждать сигнала?

— Да, генерал Тян.

— Сколько людей на первой линии?

— Тридцать человек впереди, тридцать сзади.

— Доступ к дому обеспечен?

— Да.

— Пусть они все подойдут — накроем их разом. Значит, полное освещение по моему сигналу.

— Вас понял, освещение по сигналу.

Вскоре стал мало-помалу вырисовываться смутный силуэт. Сколько еще зомби скрывалось во мраке, сказать было невозможно, поэтому весь страх сосредоточился на этой надвигающейся фигуре. Начали проявляться подробности. Живой труп был на этот раз крупен и толст, он брел, выставив перед собой руки и переваливаясь из стороны в сторону. Внезапно из темноты послышался голос Толстяка-130:

— Брат, вы меня слышите? Пожалуйста, включите свет, тут совершенно темно.

Напряжение разом спало. Замершие было солдаты зашевелились, задвигались. Металлические звуки, тихие ругательства, покашливание, хлюпанье грязи в воздухе поднялось облаком от земли и рассеялось. Когда в доме включили свет, показалось лицо вконец перепуганного Толстяка-130. Прямо на пороге он крепко облапил меня.

— Эй-эй, задушишь!

— Не думал, что вас еще увижу, — выдавил Толстяк сквозь слезы.

— Эй, Сто Тридцатый, а до меня тебе дела нет, так? — с притворной обидой в голосе сказала Хон Ян.

— Я не знал, что сестра тоже находится здесь. — Толстяк обернулся к ней, обнял и плюхнулся на диван, тяжело отдуваясь.

Мы с Хон Ян сели по бокам и ждали, пока он отдышится. Тот, успокаивая дыхание, мялся, не решаясь начать разговор. Ком молчания рос. Наконец Толстяк-130 громко сглотнул.

— Брат, знали бы вы, как я сильно беспокоился. Приезжаю к вам в понедельник, а вокруг деревни вижу ограждение. И солдат. Когда я попросил их пропустить меня, они сказали, что деревня Корио полностью заблокирована, въезд-выезд запрещен. Я решил, что это все из-за зомби, которого мы убили. Что только в голову не лезло. Уж не пришли ли к брату зомби, чтобы отомстить за своего? Не превратился ли убитый брат и сам в зомби? Однажды вы пришли ко мне во сне, вы улыбались и вдруг укусили меня за плечо, а после этого стали глотать мою руку. Знали бы вы, какого страха я натерпелся!

В этот момент Хон Ян, воспользовавшись тем, что Толстяк повернулся ко мне, сделала вид, будто кусает его сзади в плечо. Он резко оттолкнул ее и, вскочив с дивана, в ужасе отбежал на

несколько шагов. Она весело рассмеялась, указывая на Толстяка пальцем.

— Не шутите так. — Его голос срывался. — Мне действительно было страшно.

— Ладно-ладно, я больше не буду. Но как ты здесь оказался? — спросила Хон Ян.

— Я приезжал сюда каждый день и пытался что-то выяснить у военных на блокпосте, но те как воды в рот набрали. Вчера я даже сходил в полицейский участок, чтобы заявить о вашем исчезновении. Знаете, что мне ответили в полиции? Они сказали, что в районе проводится спецоперация, представляете?

— Но как ты все-таки проник? И что с твоим лицом?

— Сделал подкоп и прополз под ограждением.

— И часовые не заметили?

— Обычно они охраняют периметр, но сегодня никого не было видно. Вот я и решил, что другого такого шанса не представится, и сделал подкоп. А что, очень лицо грязное? — Он провел ладонью по щеке. — Брат, а что случилось с вами?

Я пересказал Толстяку-130 события последних четырех дней. На все повествование о том, что произошло за четыре дня, потребовалось меньше пяти минут. Чему удивляться, если большую часть времени в изоляции я только и делал, что валялся и читал. Излагая, я вспомнил, что за четыре дня я ни разу не открывал блокнот. Обычно я стремился вычленить «три лучших события сегодняшнего дня», чтобы перенести их на бумагу. Да и о чем писать? Конечно, можно было бы записать истории Хон Ян, но я решил пока оставить это до лучших времен. Мне казалось, что я пока еще не в состоянии передать в словах ее цельный образ.

Была и другая причина, по которой я ничего не записал в эти четыре дня. Когда я находился тут один-одинешенек, я всегда мог выкроить хотя бы несколько минут, чтобы сосредоточиться и записать прошедшие за день события, но сейчас такого времени не было. Я все время находился в напряжении из-за Хон Ян. Даже во время сна я прислушивался к звукам, доносящимся из ее спальни. Все это время я не ощущал себя одиноким.

Я в деталях расписал Толстяку-130 о том, что здесь происходило ночью, когда зомби ломились в заколоченные окна, а музыка их утихомиривала, и как утром Хон Ян сделала сальто на промерзшей земле. Толстяк-130 жадно слушал, но последнее его изумило:

— Вы сказали, что сестра Ян сделала сальто? — Толстяк сморгнул.

— Именно так все и было, — ответил я.

— Эй, Сто Тридцатый, ну ты и даешь! Неужели мое сальто для тебя важнее реагирующих на музыку зомби? — Хон Ян сделала вид, что замахивается на Толстяка-130 книгой, что была у нее в руке.

— Да, потому что вы, сестра, меня более интересуете, чем зомби.

— Спасибо за интерес ко мне, но ты только подумай: трупы, лишенные всяких чувств, и реагируют на музыку. Разве это не удивительно?

— Это же не точно.

— Это точно, говорю тебе. Когда включали музыку, снаружи становилось тихо. В такие минуты они были похожи на собак, которым бросали кости.

— Ну, не знаю. Все-таки сальто сестры Ян — это посильнее, чем укрощение зомби музыкой.

— Что, черт возьми, занимает твой ум? Почему ты ведешь себя так легкомысленно, словно мое сальто является невесть каким событием? Оба вы хороши. Все, больше никаких сальто в ближайшие десять лет. Так и знайте.

— Это несправедливо! — воскликнул Толстяк-130.

— Что несправедливо?

— Что бы то ни было, но я чувствую несправедливость.

Я, кажется, понял причину недовольства Толстяка-130, ощущаемую им как несправедливость. Дело не в том, что ему не довелось увидеть сальто Хон Ян. Он, видимо, чувствовал несправедливость в том, что, пока его не было с нами, мы с ней сблизились. На самом деле это был скорее дисбаланс, чем несправедливость. Хон Хечжон, Толстяк-130 и я всегда удерживали равную дистанцию, и конструкция была сбалансирована. Но равновесие было нарушено, когда опустевшее место взамен умершей Хон Хечжон заняла Хон Ян. Я всегда ценил дистанцию между людьми и остерегался слишком сильно сблизиться с кем-нибудь, но насколько Толстяк-130 ощущал несправедливость, настолько мне был приятен факт того, что мы с ней сблизились.

Хон Ян встала и, положив руку на макушку Толстяка-130, громко сказала:

— Эй, Сто Тридцатый, ну и что ты сделаешь?

Таким голосом говорят мафиози в кино, желая кого-то напугать. Генерал Тянь и офицеры слаженно обернулись к нам. Генерал покачал головой, но Хон Ян не обратила на это никакого внимания. Толстяк-130 весил вдвое больше, чем она, но сжался под ее рукой, словно не ее ладошка легла на его макушку, а гиря весом в сто килограмм.

— Да все в порядке. Я всем доволен. Если есть несправедливость, надо жить с этим, что поделаешь.

— Ответ верный. Еще раз заикнешься про сальто или несправедливость, и ты умрешь, понял?

— Согласен, требование от сорокалетней женщины сделать сальто чрезмерно. А что прикажете нам делать, если вы погибнете при исполнении? Все, хватит об этом, — сказал Толстяк-130 с подковыркой.

— Хочешь умереть?

— Нет, но, сестра, вам не кажется, что вы слишком грубо обращаетесь со мной?

— Ты не помнишь воскресный вечер? Ты поклялся подчиняться мне.

— Я? Когда?

— Ты опустился на колени и поклялся повиноваться. Видимо, ты был пьян, потому и не помнишь.

— Это ложь.

— Нет, правда.

— Я толстый и не могу нормально вставать на колени.

— Ты что, не слышал, что, когда много выпьешь, тело становится гибким? Ты, как мне помнится, даже йогические упражнения показывал.

— Я не помню.

— Сделать так, чтобы ты вспомнил?

— И с какой стати мне было приносить клятву подчинения вам, сестра? Мы же не в мафии.

— Я же говорю: это была твоя инициатива. Ты знаешь что сказал? «Сестра, вы замечательная, лучшая, впредь я буду вашим слугой, госпожа Хон Ян. Я клянусь подчиняться вам» — это твои слова.

Толстяк-130 повернулся ко мне, словно желая услышать от меня опровержение ее слов. Я весьма смутно помнил происшедшее тогда. Вроде бы пьяный Толстяк-130 плюхнулся перед ней на колени и что-то такое нес. Но что именно — не помню. Так что я ограничился подтверждающим кивком, а Хон Ян, хлопнув его по голове, воскликнула:

- Вот видишь. Именно так ты и сказал.
- Видимо, тогда я ничего не соображал.
- Ты можешь отказаться от своих слов.

Офицеры сидели, уставившись на нас. Генерал Тянь слушал и хмурился. Хон Ян и Толстяк-130, ощутив на себе их взгляды, умолкли. Генерал Тянь сказал:

— Давайте-ка немного соберемся. Я понимаю вашу радость от встречи, но я не знаю, когда придут зомби, — проговорил он.

Со стороны наша троица совсем не походила на людей, обеспокоенных зомби. Скорей мы смотрелись как беззаботные посетители кафе, часами болтающие о пустяках, или как давно не видевшиеся друзья, наконец-то собравшиеся на пикнике. Мне это казалось странным. В прошлом малейший пустяк мог ввергнуть меня в депрессию, теперь же настроение не падало ниже отметки «3». Теперь к сложной и простой работе я отношусь одинаково легко. Если сейчас сравнить меня прошлогоднего и настоящего, то скажи мне, что это два разных человека, и я бы в это поверил. А поставь прошлогоднего меня и настоящего на доску качелей, сегодняшний я, вероятно, сразу взлетел бы к небесам.

А ведь если посмотреть на ситуацию, она особо не улучшилась. Мой старший брат умер, встретившаяся потом Хон Хечжон, с которой мы подружились, тоже умерла. Команда, с которой я работал, скоро исчезнет, компанию, возможно, придется покинуть. Спустя несколько часов, нет, через несколько минут множество зомби могут напасть и, разрушив мой дом, пожрать меня. Возможно, наступает время, когда я уже не смогу жениться, иметь детей и должен буду стереть все свои следы на этой земле. Однако мне не было страшно. Почему? Почему я теперь ничего не боялся? Кажется, я понял причину. Толстяк-130 и Хон Ян, войдя в мою жизнь, коснулись чего-то в моей душе, что сделало меня совершенно другим человеком: они изменили мою кровь.

Означенные Толстяк-130 и Хон Ян сидели на диване и, оглядываясь временами на офицеров, продолжали о чем-то спорить, уже в спокойных тонах. Их голоса разносились по всему дому. Снаружи дом окружала темнота, в которой десятки солдат дрожали от холода в ожидании зомби. И где-то дальше, где мрак еще гуще, вероятно, двигались приближающиеся зомби. Пришла мысль: хорошо бы, все замерло и время остановилось. Не из-за того, что я боялся того, что должно было случиться, а потому, что мне очень нравился текущий момент. Всё, включая

холодный воздух, минуту тишины, которая может взорваться в любое время, солдат, звуками указывающих на свое присутствие, нашу троицу на диване, офицеров за столом, наблюдающих за нами, — все вдруг соединилось в моей голове в единую картину. Я, Хон Ян и Толстяк-130 всматриваемся вместе со всеми в окно. Все освещение в доме было включено, в стекле отражался интерьер гостиной с нами, но если внимательно вглядеться, внутри картины ползала, извиваясь, тусклая темнота. Мы сидели и ждали.

13

Мать перед смертью в течение минуты смотрела мне в глаза. Когда минута истекла, ее глаза потухли, словно дисплей цифровой камеры, у которой разрядилась батарея. Прошло уже свыше двадцати лет, но я до сих пор не могу забыть сцену, в которой глаза моей матери заполняются темнотой. Мне тогда казалось, что я вижу черную дыру. Жизнь исчезла в одно мгновение. Мне тогда было всего четырнадцать лет.

Мать готовила ужин и вдруг тихо завалилась набок, словно гнилой пень. В левой руке она продолжала держать нож, а в правой — длинный пучок зеленого лука. Я сидел тут же за столом, делая уроки, когда встретился глазами с глазами упавшей на пол матери. Помню, у нее сильно дрожали руки. Рот у матери был открыт, но она не могла вымолвить ни слова — лишь безмолвно смотрела на меня. Открытый рот матери медленно и долго втягивал воздух. Одна щека, потеряв упругость, стала мягкой и бесформенной. Мне хотелось подбежать и обхватить мать, но мое тело не слушалось меня. Из головы исчезли все мысли. Крепко сжимая шариковую ручку в пальцах, я уставился в глаза матери. В это мгновение откуда-то в голове послышался голос, отсчитавший цифры. Это был женский голос, я его слышал впервые. Он размеренно отсчитывал: 1, 2, 3, 4, 5... Не знаю, откуда исходил тот голос: создала его моя душа, или это был голос призрака, считавший секунды, либо что-то другое, но по мере повторения чисел мое тело твердело. Я сидел за столом, слушая числа, произносимые незнакомой женщиной, и глядя на затуманенные глаза матери, не в силах сдвинуться с места.

Ощущения в моих руках постепенно исчезли, ноги лишились сил и стали ватными.

Сейчас мне кажется, что глаза матери пытались тогда мне что-то сказать. Что именно? Увы, могу лишь предполагать. В них не было мольбы о спасении. Полагать так меня побуждает не чувство вины за свою тогдашнюю беспомощность, нет. И укора в ее взгляде не было. Казалось, ее глаза говорили следующее: «Все нормально. Не пугайся сильно. Скоро все кончится. Не бойся». Даже в этот момент, лежа на полу, мать пыталась меня успокоить. Голос в голове продолжал отсчет: 30, 31, 33... Из глаз матери постепенно уходила жизнь. Исчез блеск, глазодвигательные мышцы расслабились, зрачки расширились. Женский голос все считал и считал. Когда он дошел до 60, веки матери опустились. Неужели она слышала тот же самый голос, что и я? Не ждала ли она из уходящих сил последнюю минуту? Не хотела ли провести ее, глядя мне в глаза?

Всякий раз, глядя на закат, я вспоминал о той последней минуте зрительного контакта с матерью. Вот сумерки медленно опускаются на землю, начинает темнеть. Это до удивления напоминает то, когда оба глаза матери начали медленно тускнеть. Это произошло на отметке 30. Когда вечер стал достаточно темным и предметы стали трудноразличимы, я вспомнил глаза моей матери, когда счет достиг 50. В отличие от медленно наступавшего вечера, мать умерла внезапно.

Когда глаза матери закрылись, голос куда-то исчез, оставив за собой безмолвную черную дыру, только звуковую. Все звуки вокруг меня были куда-то втянуты, и свистящий шум завладел моими ушами, я оглох. Я пробовал качать головой из стороны в сторону и стучать левой рукой по столу, но ничего не слышал. Эту «дыру» разрушил голос старшего брата. Вернувшись с лекций, он обнаружил на кухне лежавшую на полу мать. Он приложил ухо к носу матери и проверил ее дыхание. Тряся мать за плечо, брат громко звал ее. При звуках его голоса я пришел в себя и внезапно разревелся. Когда я услышал собственный голос, брат, казалось, вернулся к реальности. Он вызвал по телефону скорую помощь, затем подошел и обнял меня. «Испугался? Все хорошо, все в порядке, все будет хорошо», — сказал он и похлопал меня по спине. Мне хотелось перестать плакать, но я никак не мог успокоиться. Когда приехала скорая и в нее переносили тело матери, я сидел как вкопанный за столом. Со своего места я видел потемневшее лицо матери, которую куда-то увозили. Я хорошо помню ее лицо, оно уже не было

человеческим. Еще совсем недавно ее лицо сохраняло остатки теплоты, но в одно мгновение оно превратилось в лицо другого существа, сделанное, казалось, из резины или пластика. Как только я увидел это, я перестал плакать. Странно, но мне не было грустно. Старший брат обнял меня еще раз и поехал в больницу с телом матери. Я остался дома один. Несколько раз подступала мысль: мать умерла. Но мне совсем не было грустно. Я всего лишь чувствовал, что мать теперь превратилась из живого человека в неживое существо.

После смерти матери многое изменилось. Мы с братом остались вдвоем. Он бросил университет, чтобы пойти работать. Если вдуматься, у него не было причин бросать университет. После смерти матери мы получили много денег по страховке, плюс у нее имелись кое-какие накопления. При умеренных тратах это позволяло брату завершить образование. Я думаю, что он бросил учебу из-за меня, чувствуя себя ответственным. В итоге это был неверный выбор с его стороны. Когда я размышляю об этом сейчас, я прихожу именно к такому выводу. Он определил для себя, что должен спасать меня, доказывать, что и без отца с матерью можно вполне сносно жить. Он решил, что четырнадцатилетний мальчик не заметит того факта, что так или иначе ему суждено всю жизнь прожить одному, без матери.

Возможно, именно по этой причине мне пришлось гораздо тяжелее после смерти старшего брата, чем когда умерла мать. Смысл слов «так или иначе он должен всю жизнь прожить один» после его смерти раскрылся во всей своей реальной полноте. Я остался совсем один на этом свете и мне ничего не оставалось, кроме как жить одному. Умножение чего бы то ни было на ноль дает в итоге ноль. У меня была возможность в этом убедиться.

Для меня старший брат был подобен страховке. Я полагал, что он всегда будет рядом, что бы ни случилось. Я всегда так думал. Даже когда после звонка я спешил в госпиталь, я по дороге тешил себя надеждой. Лишь приехав и увидев лицо старшего брата, я убедился: увы. Если мерить по временной шкале умирания матери, у брата уже истекли пять секунд последней минуты. Он лежал с открытыми глазами, но взгляд уже туманился. Я взял его руку, но в ней уже почти не было теплоты. Незадолго до своей смерти он ненадолго сфокусировал взгляд на мне. Я не мог понять: то ли пытался что-то сказать, то ли просто смотрел на меня в последний раз. Это длилось около трех секунд, затем зрачки расширились, повторяя точно такой

же процесс, как во время смерти матери. Лицо мертвого брата тоже стало выглядеть как пластик, как резина. Я подумал об этом, глядя на его лицо. Даже мелькнула невольная мысль: а не подменил ли кто-то мгновенно лицо брата заранее подготовленной резиновой куклой, без этого его лицо не могло так быстро измениться и стать совершенно другим. Труп человека — это не просто тело, откуда вынута человеческая жизнь, а нечто совершенно отличное от человека.

Теперь, наблюдая, как зомби медленно приближаются к дому, я вспомнил последние выражения лиц матери и старшего брата. До того, как они перешли через нулевую отметку, до того, как умерли, до того, как превратились в мертвое существо, отличавшееся от живого человека, я видел, что мать и брат все еще были людьми. Зомби внешне тоже выглядели близкими к 0. Если сказать, что последнее состояние матери и брата, которое я видел, было близко к +1, то зомби — к -1. Мать и старший брат выглядели одинаково, они были похожи на зомби. Никакой разницы, кроме того, что это были плюс и минус, не было видно. В таком случае нет никакой разницы между живыми и мертвыми, кроме того, что они симметричны относительно нуля? Не приводит ли в движении все сущее вечное стремление к равновесию двух миров: мира живых — мира плюсов, и мира мертвых — мира минусов? Однако, как бы ни пытался, я не мог представить себе мир минусов. Я не мог представить себе минус-жизнь.

Зомби не выглядели живыми людьми, но и не были чужаками. Я заметил, что внешне они сильно отличались от того первого зомби, который повстречался нам с Толстяком. У того зомби, в тело которого я вонзил отломок бейсбольной биты, было полностью разрушено лицо — он выглядел ужасающе со своим разодранным телом. Но что сказать о зомби снаружи? Уподобь их людям в последние секунды перед смертью — и в это можно было поверить. Их руки дрожали независимо от их воли, они брели, переваливаясь с ноги на ногу, их глаза, если те можно так назвать, пристально смотрели перед собой, но лица были вполне человеческими, у них присутствовали руки и ноги.

Тем временем зомби подошли к дому на расстояние до трех метров. Из-за темноты невозможно было понять, сколько их собралось у дома. Один из офицеров запросил по рации информацию о ситуации снаружи. Из динамика донесся голос,

сообщающий, что дом окружают примерно двадцать особей. Два взвода солдат находятся на подготовленных позициях и ждут приказа генерала Тяна на уничтожение зомби.

— Не двигайтесь, пока я не подам сигнал, — бросил в нашу сторону генерал Тян тихим и четким голосом.

Через окно было видно приближающихся зомби. Невозможно было понять, о чем они думают и на что смотрят. Невозможно было понять, есть ли враждебность в их взглядах, или им просто было что-то нужно.

— Генерал Тян, они на расстоянии одного метра. — Негромкий голос одного из подчиненных генерала.

— Включить прожекторы и начать операцию, — скомандовал тот.

Генеральский приказ, подобно выключателю, мгновенно привел в движение солдат. Было просто удивительно, как всего лишь одна короткая фраза произвела так много действий в одно мгновение. В глазах солдат не было сосредоточенности. Они двигались как зомби другого типа — результат постоянных тренировок.

Как только включились прожектора, зомби запаниковали. Они, вероятно, посылали друг другу какие-то сигналы, со всех сторон стали раздаваться их крики, что-то вроде «хвек, хвек». Так возбужденно хрюкают свиньи перед забоем, их крики окружили дом. Зомби в растерянности метались на залитом ярким светом пространстве, словно живые люди в кромешной тьме. Старые деревья поодаль безмолвно наблюдали за всем происходящим, словно за игрой, их тени вытянулись далеко в темноту.

— Брать живыми! — распорядился генерал Тян, чей голос вновь обрел обычную силу и уверенность. Он громко смеялся, глядя на ошалевших зомби, не знающих, куда себя девать. Хон Ян, Толстяк-130 и я смотрели, как зомби метались и кричали. Команда «Брать живыми!» была бессмысленной. Зомби не были живыми, невозможно схватить живым мертвого. Когда солдаты на крыше возле прожектора сбросили вниз сетки, зомби запутались в них и попадали на землю, издаваемые ими звуки стали громче.

— Так, похоже, операция завершена. Благодарю всех за хорошую работу. Спасибо и наблюдателям, они тоже затратили энергию, — сказал генерал Тян, поднимаясь со своего места.

— Была ли у вас причина ловить их живыми? — спросил я.

— Почему их схватили живыми? Потому что их нельзя убить.

— Что значит — нельзя убить?

— Нельзя же снова убить уже мертвого человека.
— Тогда кем был зомби, которого я убил?
— Ты не убил его. Ты его уничтожил.
— Тогда что мешает сделать это с остальными зомби?
— Нет причин.
— Почему?
— Вам не нужно этого знать. Считайте, что это военная тайна. Итак, «мусор» мы прибрали, и отбываем. Вам повезло, вы задарма посмотрели замечательное представление. Где вы еще сможете увидеть такое?

— Это не похоже на особо замечательное зрелище.

— Увидеть зомби — это все равно что лицезреть живого динозавра. Я хочу сказать, что вам повезло наблюдать «животных», которых и в прошлые эпохи было бы трудно увидеть, — с некоторой долей пафоса сказал генерал Тян.

— Мы уяснили. А теперь оставьте нас в покое, — резко прервала его Хон Ян.

Генерал Тян собрался было что-то сказать ей, но потом передумал и вышел из дома.

Мы последовали за ним. На улице было светло как днем: сила прожекторов была удивительной. Солдаты грузили в военные грузовики запутавшихся в сетках зомби, в каждой из которых было по три-четыре особи. Они не были обычными трупами, но живыми людьми не были тоже. Сейчас они скорее походили на собак или свиней. Спутанные сетями зомби дрыгали ногами и издавали свое «хвек-хвек». В ослепительном свете прожекторов их тела казались белесыми. Генерал Тян громко заметил своим:

— Под светом эти уроды так похожи на свиней, что меня на свинину потянуло. В общем, закругляемся здесь, возвращаемся в часть и закатываем вечеринку с барбекю¹ из свинины. Поторопимся.

Штабные офицеры расхохотались. Несколько солдат, таскавших зомби в грузовик, засмеялись следом. Хон Ян и Толстяк-130 хмурились. Но в чем-то генерал Тян был прав. Залитые светом прожекторов тела зомби ничем не отличались от свиных туш в лавке мясника. Белесая плоть местами была испятнана запекшейся кровью.

¹ Блюдо из говядины, свинины или другого мяса, цельным куском зажаренного на огне.

После того как все зомби были погружены, команда прожектористов выключила свет на крыше и сошла вниз. В одно мгновение яркий день превратился в глубокую ночь. Двенадцать часов дня мгновенно превратились в 12 часов ночи. Теперь яркий свет, царивший еще несколько минут тому назад, казался сном, приснившимся во мраке. Как только генерал Тянь и штабные офицеры расселись по джипам, те тронулись с места, за ними потянулись грузовики. Вскоре вдаль сначала исчезли огни колонны, затем затихли звуки моторов. Мы втроем стояли у двери и смотрели им вслед.

В доме стояла тишина, как после ушедшего шторма, но голоса зомби все еще продолжали звучать в ушах. Это были звуки, которых я никогда прежде не слышал, поэтому теперь от них нелегко было избавиться. Я закрыл ставни и запер их на засов, потом пошел и приготовил три чашки чая.

— У меня до сих пор уши горят, — объявил Толстяк-130.

— Все это не похоже на реальность. Мы в самом деле только что видели зомби? — растерянно сказала Хон Ян.

— Хотите я дам вам один совет как человек, имевший прежде дело с зомби? Не жалейте особенно, потому что они еще три-четыре раза вам приснятся.

— Черт тебя поberi, ненавижу страшные сны, — сердито буркнула Хон Ян.

— Это в любом случае лучше, чем снова увидеть зомби в реальности, — сказал Толстяк-130.

— А мне кажется, что встретить их в реальности менее страшно, — раздраженно возразила ему Хон Ян.

— Это вы, сестра, так говорите, потому что не знаете. На самом деле, столкнувшись на улице с зомби, вы, вероятно, будете так напуганы, что не сможете сделать ни шага. Знаете, что самое страшное? Невозможно понять, куда они смотрят: то ли на тебя, то ли мимо. Лично меня это больше всего страшит, — сказал Толстяк-130 с нотками испуга в голосе.

— Говоришь так, как будто встречался с зомби не меньше ста раз. Перестань болтать, лучше пей чай, — вклинился я в их разговор.

В чашки с горячим чаем я добавил молока и дополнительно размешал в них по столовой ложке меда. Нежная сладость облекла рот и проскользнула в горло. Горячий чай проник в капилляры кончиков пальцев рук и ног, все мое тело заныло от приятной боли. Когда оно расслабилось, нахлынула сонливость. Я повертел головой, снимая напряжение шейных мышц, затем

встал, подошел к бойлеру и повысил температуру, так как внутри дома было холодновато, возможно, из-за частого открывания и закрывания входной двери.

Толстяк-130 и Хон Ян, видимо, тоже наслаждались энергией горячего чая, сидя с закрытыми глазами. Было приятно, что после выпитого горячего чая кости становились теплыми. Это было похоже на принцип работы бойлера. Так же как горячая вода, постоянно вращаясь, нагревает комнату, так и горячий чай, проникая во все уголки тела, согревал кости.

Толстяк-130, допив чай, поставил чашку на стол и сказал:

— За время отсутствия я собрал кое-какие материалы, брат.

— Что за материалы?

— Материалы о том, что надо сделать, чтобы легко убить зомби.

— И что же нужно?

— То, что мы сделали, было правильно. Надо воткнуть острый предмет в голову и сердце зомби.

— И только?

— Это самый надежный способ, кроме него есть еще примерно триста приемов. Но что куда интереснее, я узнал способ нахождения самих зомби.

— Зачем их еще и искать, когда и так непонятно, как от них избавиться?

— Надо найти их и убить.

— Это жестоко.

— Книга написана одним оккультистом. Как же эта книга называется? Кажется, «Последний зомби, которого вы должны убить» или что-то вроде того. Автор пишет, что они скрываются в укромных местах, не попадаясь на глаза, но всегда поблизости от людей. По его словам, в этом мире вместе с людьми живет не менее двухсот тысяч зомби, и это число постоянно держится примерно на одном и том же уровне.

— Зомби что, размножаются?

— Размножаться они, конечно, не могут. Автор утверждает, что зомби действуют инстинктивно, чтобы поддерживать свою численность.

— Инстинкт? Он говорит, что у зомби есть инстинкты?

— Да, зомби инстинктивно приходят на могилу и уничтожают надгробный камень. Надгробный камень — это ведь та-лисман человека, который указывает, что этот человек мертв, поэтому они уничтожают его.

— Ты хочешь сказать, что они делают это умышленно?

— Нет, я же говорю — инстинктивно.

— Ну, хорошо, допустим, разрушил, и что дальше, труп снова оживает?

— Да, по его словам, труп может снова воскреснуть, — сказал Толстяк-130.

Хон Ян, держа кружку двумя руками, отрезала:

— Полная чушь.

Чай у нее, наверное, уже остыл. Но Хон Ян по-прежнему крепко держала чашку обеими руками.

— Кроме него есть много других людей, которые исследовали эту проблему и тоже пришли к выводу, что зомби существуют. Они утверждают, что зомби легко может стать тот, кто не умер должным образом, кто умер с обидой; тот, у кого остались незавершенные дела, а также тот, кого кто-то позовет, — продолжал Толстяк-130.

— Это полная чушь, — повторила Хон Ян.

— Ха-ха-ха, сестра, вы так говорите потому, что просто боитесь?

— Кто говорит, что я боюсь? Просто я не верю в такие суеверия.

— Ну и не верьте. Я просто пересказываю вам прочитанное мною.

— И что же это за способ? — поинтересовалась Хон Ян, поставив чашку.

— Тот оккультист подразделяет зомби на три вида. Первый вид — восстающие из могилы, второй — оживающие после экспериментов над мертвым телом и, наконец, третий — пополняемый за счет людей, пребывавших в состоянии «овоща».

— Б-р-р, какие они все страшные.

— И как вы полагаете, какой из этих видов зомби самый распространенный? — спросил Толстяк-130.

— Первый, — ответила Хон Ян.

— Я думаю, второй, — сказал я.

— Да, правильно — второй вид, — кивнул Толстяк-130.

— И как это поможет в обнаружении зомби? — поинтересовался я.

— У зомби второго вида есть одна особенность. Каждому из них присвоен номер. Точнее говоря, в голову всех, кто стал объектом экспериментов, внедряют чип, благодаря которому их можно отследить. А поскольку у зомби всех трех видов есть привычка собираться в общие группы, то, обнаружив зомби второго вида, можно накрыть и прочих.

— Полагаю, что человек, написавший ту статью, был не в своем уме.

— Тем не менее не кажется ли вам, что все это правда?

— Брось. Это же история для голливудского фильма. Взять хотя бы общее количество зомби.

— И это вы говорите после того, как весь день они вас изводили?

— Здесь ведь не обычное место.

— Да, это так, верно, но, с другой стороны, если вдуматься, здесь обычное место.

Ветер постукивал ставнями, позвякивал осколками разбитых стекол в рамах, свистел и гудел в щелях, которые я не успел заполнить герметиком.

Вдруг что-то ударилось в ставни. Так ослепшая птица ударяется в лобовое стекло. В звуке угадывался хруст сломанной кости. Мы переглянулись. Удар повторился. На этот раз он шел от ставни окна на кухне. Послышалось громкое «ттак, ттак, ттак». Звуки шли со второго этажа. Я достал мобильный телефон, но связи по-прежнему не было.

Я поднял обломок биты, лежащий возле лестницы, ведущей на второй этаж. Это был тот самый обломок, который я вогнал в голову самого первого зомби.

— Брат, вы собираетесь выйти? — В глазах Толстяка-130 был страх.

— Чжихун, не ходите, — с тревогой в голосе сказала Хон Ян.

— Ничего страшного не случится. Черт подери, надо же в конце концов узнать, что происходит снаружи.

Открывать дверь было опасно, но делать было нечего — ставни, доски и гвозди рано или поздно поддадутся. Я вспомнил название одной песни из второго альбома «Stone Flower» — «Нужно действовать, чтобы получить ответ». Это определенно правильные слова. Нужно действовать, чтобы получить ответ. Машинально я начал про себя напевать. Если сидеть тихо, никакого ответа не получишь. Только войдя в центр шторма, можно узнать направление ветра. Нет хуже, чем сидеть и гадать. Сжимая обломок биты, я левой рукой осторожно открыл дверь.

Человеческие лица могут меняться в одночасье. Если вы пройдете через трудное испытание, это обязательно оставит отпечаток на вашем лице. На лицах у тех, кто был на грани

смерти, отпечатываются оставленные ею шрамы. Обычно вы можете угадать возраст человека по его лицу, время оставляет следы. Но когда, открыв дверь, я увидел внезапно возникшее перед собой лицо, то на несколько секунд я остоленел от испуга. И не потому, что оно внезапно появилось передо мной, а из-за того, что лицо стоящего передо мной человека было слишком страшным: на нем не было следов времени. Глаза прятались глубоко в глазницах, а скулы выступали так, словно хотели проткнуть кожу лица и выйти наружу. Что касается волос, они росли как попало и соприкасались с усами вокруг рта, но было не различить, где были волосы, а где усы. На нем были износившиеся спортивные штаны и тонкий бежевый джемпер, но это была одежда явно не по сезону. Лишь после долгого всматривания в его лицо я понял, что знаю этого человека.

— Господин Ли Кёнму?

— Слава Богу, я вижу, вы узнали меня.

— Что с вами случилось? В такое время здесь...

— Я тоже не планировал встречаться снова таким вот образом.

— Вы в порядке?

— Если вы спрашиваете, глядя на мою внешность или одежду, значит, все в порядке. Ведь между тем, что видишь, и правдой на самом деле есть большой «бассейн».

— Бассейн?

— Я имею в виду, что по воде не пройдешь, но под водой скрыто многое.

— В любом случае, раз вы говорите, что вы в порядке, я рад.

— То, что я выгляжу вызывающим беспокойство — нормально, но то, что ты не видишь, не обязательно в порядке.

— Например?

— Например, ваше тело здоровое, но у вас может быть много проблем с головой.

— Вы говорите, что у вас могут быть проблемы с головой?

— Это я образно. Например, наша душа не видна глазу, но она может болеть. Могу ли я войти ненадолго?

— Вы случайно не знаете, что за шум был некоторое время назад?

— Вы об этом звуке?

Ли Кёнму повернул голову вправо и посмотрел в темноту, откуда снова послышался звук «ттак». Звук быстро рассеялся в темноте, скрывая свое местонахождение. Невозможно было догадаться, откуда он доносится.

- Да, тот самый звук.
- Это мои друзья.
- Что вы имеете в виду?
- Я говорю, что это мои друзья издают такой звук.
- Какие еще друзья?
- Могу ли я войти и поговорить?
- Кто эти ваши друзья?
- Мои друзья любят тьму.

Я отступил и позволил Ли Кёнму войти. Когда он прошел рядом со мной, сильный неприятный запах резко ударил в нос. Это был ужасный смрад, похожий на смесь примерно тридцати видов неприятных запахов. Несмотря на это в нем не чувствовалось влажности, обычно связанной с разложением. Запах, исходящий от тела Ли Кёнму, был сухим.

Я представил его Хон Ян и Толстяку-130, хотя, честно говоря, я ничего не знал об этом человеке. Затем представил их ему, хотя и там нечего было говорить кроме слов, что они — мои друзья. Ли Кёнму отошел от нас и уселся на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Я из вежливости хотел уступить ему диван, но он, замахав руками, категорически отказался.

— Я тоже знаю, какой запах исходит от моего тела, поэтому не могу заставлять страдать неповинных людей. Если этот запах попадет на диван, его уже ничем не вывести.

- Какой запах?
- Запах мертвецов.
- Запах мертвецов? — переспросил я.

— Не волнуйтесь. Его недостатком является то, что он отвратителен, а преимущество заключается в том, что он не распространяется далеко. Если не приближаться слишком близко ко мне, то вполне терпимо. Этот запах в какой-то мере служит мне защитой.

Толстяк-130 и Хон Ян явно были испуганы внезапным визитом странного гостя. Честно говоря, я тоже был в замешательстве, как и при первой встрече с Ли Кёнму. Менее всего я ожидал увидеть его на пороге и с трудом вспомнил его имя. Все сидели и молчали. Хон Ян и Толстяк-130 смотрели в пол. Наконец Ли Кёнму притворно кашлянул и сказал:

- Можно выпить что-нибудь горячее?
- Хотите чаю?

— Неважно что, лишь бы горячее было. Мне просто нужно согреть замерзшую здесь «трубу», — сказал Ли Кёнму, указывая пальцем на горло.

Я вскипятил воду и сделал ему чай. Он обхватил горячую чашку обеими руками.

— Прошу извинить меня. Я не такой наглец, чтобы по ночам колотить в дверь, но так сложились обстоятельства.

— Что вы делали все это время? — спросил я.

— Как вы думаете, чем я мог заниматься? — сказал Ли Кёнму и, поставив чашку на ступеньку, встал и раскрыл руки.

Я задался вопросом про себя: не выглядел ли так Иисус перед тем, как его распяли на кресте, прибив гвоздями. Снаружи по-прежнему доносилось: «ттак, ттак, ттак», разве что промежутки между стуками стали длиннее. Ли Кёнму упредил мой ответ:

— Нет, не надо. Не представляйте. Потому что вы можете нафантазировать себе что-нибудь такое страшное-ужасное. Проблема человеческого воображения, Че Чжихун, в том, что, если его не ограничивать, оно уйдет в бесконечность. Если бы человек мог преобразовать силу воображения в энергию, он, вероятно, давно бы доминировал во всей Вселенной. Конечно, от вашего воображения не сойдешь с ума, но, вероятно, от него ужасные события происходили ранее одно за другим. Если бы они произошли одновременно, возможно, это было бы легче пережить, тогда мелкие проблемы можно было бы легче решить. Но проблема в том, что все события происходят последовательно одно за другим. Они ждут, получив билет ожидания, и, постучавшись по порядку, приходят в мой мир по очереди друг за другом.

— Компанию вы тоже оставили по этой причине?

— Проклятье, да, это все из-за тех сотовых вышек. Чертовы вышки!

Мы смотрели на него. Ли Кёнму сейчас напоминал актера на сцене. Не знаю, что произошло за это время, но он совершенно не походил на того Ли Кёнму, которого я когда-то впервые встретил.

— Че Чжихун, вы никогда не меняли настройки устройства приема сигналов вышек?

— Нет, я даже не догадывался, что их можно изменять.

— Большинство не знает. Люди пользуются устройством и не стремятся понять, как оно работает. Однако очень многое изменится, если чуть-чуть изменить настройки. Вы можете увидеть секреты мира с помощью одного маленького переключателя. Вы начинаете видеть то, о чем и не подозревали. Конечно, в тот момент, когда я увидел эти секреты, моя жизнь в корне изме-

нилась... Но я ничего не мог поделать. Вы должны заплатить цену за то, чтобы увидеть секрет.

— И что можно увидеть, меняя настройки?

— Вы увидите много, очень много разных вещей. Вещи, которые не могли увидеть раньше.

— Что вы имеете в виду, говоря о вещах, которые мы не могли увидеть раньше?

— У меня была проблема с глазами, когда я работал в контрольно-измерительной группе. Естественно, никаких доказательств нет, что она возникла из-за работы с вышками, но я уверен, что из-за них. Вы слышали о такой болезни, как односторонняя слепота? Это редкое заболевание. Сначала оно начинается с мигрени, когда одна половина головы болит так, как будто ты умираешь, а другая — до удивления ясная. В какой-то момент зрение с одной стороны полностью исчезает. Это все равно что потерять половину мира. Если я спокойно стою на месте, видна только правая сторона, а левая — не видна. Вот почему я ушел из группы.

— Сейчас ваш левый глаз не видит?

— Да, не видит. Впрочем, говорят, что нет худа без добра. Для того чтобы стрелять, невидящий левый глаз — это очень хорошо, — пошутил Ли Кёнму, но никто не рассмеялся.

Не дождавшись нашей реакции, Ли Кёнму продолжил:

— Поскольку я перестал видеть левым глазом, мне начало видаться что-то новое. Сколько бы я ни смотрел на трехмерный пейзаж, для меня он просто плоская картина. Для меня все на свете картинка, нарисованная на бумаге. Когда я начал видеть мир плоским, я смог более отчетливо видеть движущиеся вдаль объекты. Я стал инвалидом, но взамен я получил сверхспособность. Другими словами, я потерял одно, но получил другое.

С какого-то времени стуки снаружи смолкли. Увлеченные рассказом Ли Кёнму, мы не сразу осознали, что они прекратились. Вокруг было тихо. Ли Кёнму попросил еще чая. Я сходил и принес ему.

— Взамен потери левого глаза я нашел друзей, стоящих сейчас на улице.

— Друзей?

— Я хочу кое-что сказать вам, прежде чем представлю их. Госпожа Хон Ян, вы знаете, как умерла ваша мать?

— Вы знали мою маму?

— Я хорошо ее знал. Мы были знакомы с госпожой Хон Хечжон с давних пор.

— Как вы узнали, что я ее дочь?

— Я видел фотографию.

— Где?

— Госпожа Хон Хечжон как-то показывала мне фотоальбом. Я никогда не забываю увиденные однажды лица. К тому же я должен сказать, что вы очень похожи на нее.

— Насколько похожа?

— Очень. Особенно когда хмуритесь, вы один в один она.

— Мне не очень нравятся такие разговоры.

— Я так и думал. Извините.

— Не стоит извиняться. Когда и как вы встретили маму?

— Я познакомился с ней во время работы в контрольно-измерительной группе. Тогда госпожа Хон Хечжон мне здорово помогла. Если бы не она, я бы не осознал способ жить в этом мире, используя один глаз, и давным-давно бы умер. Госпожа Хон Хечжон, по сути, спасла меня.

— Вы не слишком восхваляете ее? Мама — не такой человек, чтобы помочь кому-то осознать смысл жить.

— Вы говорите так, потому что не вполне ее знали.

— Послушайте, я дочь госпожи Хон Хечжон. Вы не забыли, она — моя мать. Почему все твердят мне, что я ее не знала? Не делайте вид, что вы хорошо знаете ее.

— Я не притворяюсь, что знаю ее. Я говорю вам правду.

— Если так, я не хочу слышать такую правду.

— Когда госпожа Хон Хечжон впервые встретила со мной, она мне кое-что рассказала. Истина — она похожа на утопию. Мы никогда не сможем добраться до нее, но обязаны подбаться как можно ближе. Человеческая жизнь начинается на ступеньках, ведущих к истине, и заканчивается на них же.

— Это похоже на мать. Она знала много таких нудных, отживших своей век афоризмов.

Ли Кёнму встал с лестницы. Когда он задвигался, воздух вокруг него пришел в движение и в комнате едва заметно распространилось зловоние. В мешковатых штанах угадывались его тонкие ноги. В штанинах чувствовалось столько пустого пространства, что мне невольно подумалось, что вместо ног у него могут быть палки.

— Я хочу показать вам кое-что, идемте вместе со мной, — сказал Ли Кёнму.

— Куда? — спросила Хон Ян.

— Хочу показать вам образ матери, которую вы, госпожа Хон Ян, не знаете.

— Я не хочу знать об этом.

— Нет, вы обязательно должны знать.

— Почему я должна знать?

— Потому что этот образ наиболее близок к правде.

— Правда, правда, правда. Я сколько раз слышала это слово, что теперь уже и не знаю, что оно означает. Это слово подходит для человека, который не лжет, верно?

— Госпожа Хон Хечжон считала сбор материалов важным при переводе. Она без конца собирала материалы, но был момент, когда она внезапно прекратила их сбор. Она сделала это, когда поняла, что материалы ей больше не нужны, когда почувствовала, что максимально приблизилась к правде, которую могли достичь люди. Все, что она узнала позже, случилось благодаря интуиции. То, что я покажу вам, поможет наконец узнать, кем в действительности являлась ваша мать.

— Приблизилась к правде? Не смешите меня.

Я и Толстяк-130 уже знали, как собирает материалы Хон Хечжон. Когда мы слышали его слова о сборе материала, нам стало ясно, что Ли Кёнму и Хон Хечжон были и впрямь близкими друзьями.

Я был заинтригован. Сначала я думал, что хорошо знаю ее, но после рассказа Ли Кёнму постепенно уверенность в этом исчезла. Она даже после смерти постоянно менялась. Известный мне образ Хон Хечжон исчез, та Хон Хечжон, которую, как оказалось, я не знал, исчезла тоже. И вот снова появилась в новом виде. Она умерла, но не казалась мертвой. Мне захотелось услышать, как и отчего она умерла. Если кто-то убил ее, я хотел обязательно узнать, кем он был.

— Госпожа Ян, а я хочу узнать, — сказал я.

— Че Чжихун, если вы так хотите знать, идите один.

— Ли Кёнму прав. У нас есть обязанность максимально близко приблизиться к правде. Мы должны поступить так, чтобы не ошибаться, ради знания правды.

— Что это за манера изъясняться? У вас есть обязанность максимально приблизиться к правде? Говорите людским языком.

— Вы пойдете или нет?

— Да пойду я, пойду, иначе вы будете мучить меня всю ночь.

— Брат, это как понять? У вас что, такие отношения, что по ночам мучаете друг друга?

— Эй, Сто Тридцатый, если не угомонишься, я буду мучить тебя всю ночь, ты этого хочешь?

— Я буду рад этому.

— Хорошо, сегодня я тебя измучаю.

— Брат Чжихун, как вы будете мучить меня всю ночь?

— Не могу объяснить словами. Испытаешь — поймешь.

Мы трое рассмеялись одновременно. Смеясь, я вспомнил Хон Хечжон. У нас была хорошая команда из трех человек: когда смеялся один, двое смеялись вслед за ним, если кто-то не смеялся, то другие два человека делали все, чтобы рассмешить его. Кажется, Хон Ян заменила ее.

Ли Кёнму посмотрел на нас троих. Казалось, его лицо говорило: мне никогда не понять взаимоотношений этой троицы. Я надел зимнюю куртку с теплой подкладкой и, накинув невидимую защитную пленку на душу, последовал за ним. В тот момент, когда я открыл входную дверь, то вспомнил о друзьях Ли Кёнму, которым нравилась темнота и которые, стуча по деревянным доскам ставни, выбивали из них звуки «ттак, ттак, ттак».

Ли Кёнму достал какое-то устройство из кармана. Оно было размером с мобильный телефон. На устройстве находились достаточно крупные по размеру шесть кнопок. Когда Ли Кёнму нажал на одну из них, находившиеся вокруг дома его друзья стали медленно собираться вокруг нас.

— Брат, зомби! — испуганно вскрикнул Толстяк-130, отступая назад.

— Все нормально. Не беспокойтесь, они совсем не опасны, — сказал Ли Кёнму.

— Они же зомби.

— Этим возможно контролировать их, — Ли Кёнму продемонстрировал устройство, подняв его над головой.

Оно больше походило на пульт дистанционного управления, чем на мобильный телефон. Как оказалось, это действительно был пульт дистанционного контроля зомби.

— Как вы управляете зомби с помощью этого устройства?

— Если в организм зомби ввести особый препарат, то с помощью этого пульта можно управлять их мышцами. Конечно, контроль не полный, но не беспокойтесь, на близком расстоянии устройство работает вполне надежно.

Ли Кёнму пошел впереди. Несмотря на мрак, он уверенно шагнул вперед, словно ему была хорошо видна дорога. Поспевать за быстро шагающим Ли Кёнму было трудно, хотя мы и прихватили фонарики. Он шел первым, а Толстяк-130, Хон Ян и я, держась за руки, гуськом следовали за ним. Сзади, поотстав, двигались зомби. Я не мог сказать, сколько их следовало за нами, потому что когда оглядывался назад, то в темноте не мог ничего разглядеть, лишь слышал издаваемый ими шум, подстегивающий нас идти быстрее.

Когда ничего не видно, слух обостряется. Слышалось дыхание Толстяка-130 и Хон Ян. Также я слышал свое дыхание.

— Брат, мне страшно. Слишком уж темно, — тихо пожаловался Толстяк.

— При свете могло бы быть страшнее, потому что ты видел бы зомби, идущих следом, — отозвался я.

— Эй, Сто Тридцатый, если ты не умолкнешь, пойдешь позади меня, — встряла Хон Ян.

Толстяк-130 больше не проронил ни слова. Чем дальше мы шли, тем больше мне казалось, что мир сжимается вокруг меня. Вся бесконечно огромная Вселенная стянулась для меня в маленький круг света от фонарика. Оставалось лишь бездумно шагать в этом круге, следуя за Ли Кёнму.

Я не знаю, когда мы вошли в деревню Корио в непроглядной темноте. Нигде не было ни огонька. Должно быть, освещение было отключено военными. Я полностью утратил ощущение пространства и времени.

Наконец, когда я в очередной раз поднял глаза от дороги, впереди замаячило несколько огоньков. Невозможно было определить, насколько далеко они находились, в темноте чувство расстояния притупляется. Благодаря этому даже бесконечно далекие звезды Вселенной видятся такими близкими и четкими. Не иначе, как страх души во мраке заставляет их свет сиять ярче. Но успокоение душе это не дарит. С какого-то момента я перестал доверять свету, мнящемуся близким, он всегда оказывался дальше, чем я полагал. Мне не хотелось больше разочаровываться в чем-либо из-за света.

— Пришли, — объявил в темноте Ли Кёнму.

Как вообще он находит дорогу? Это потому, что все ландшафты видятся ему плоскими, или же после привыкания к темноте он превращается в зомби? Я поднял фонарик. Показалась стена. Ясно, что мы пришли к какому-то дому. Поводив лучом по стене, я увидел, что это был дом Хон Хечжон.

Ли Кёнму положил обе ладони на столешницу и некоторое время молчал, словно пытаясь найти остатки тепла Хон Хечжон. Но о каком тепле могла быть речь — ведь прошел почти месяц после ее смерти. Сидя за знакомым столом, я ощутил, что вернулся к исходной точке. Это напоминало круг марафонского бега на стадионе: то же самое место, откуда отправился, но время уже другое. И за это время очень многое изменилось.

— О многом у нас с ней было переговорено, сидя за этим столом. — Ли Кёнму сцепил руки.

— У нас тут тоже... много съедено. Интересно, этот стол все еще работает? — Толстяк-130 нажал кнопку на столе.

На столешнице появилось изображение меню. Ничего не изменилось.

— Он заряжается и работает от солнечной энергии, никогда не выключается.

— Правда? Я не знал, — удивился Толстяк-130.

— Вы еще много чего не знаете. А теперь я покажу вам, что мы попытались сделать с госпожой Хон Хечжон. Пожалуйста, просто смотрите, не вынося никаких оценок, я не знаю, как вы среагируете на то, что увидите. Это может быть неприятным, но я ничего не могу поделать. Я не могу смотреть, как вы создаете себе в корне неправильный образ госпожи Хон Хечжон, приписывая ей ложные намерения, имея в руках всего лишь несколько разрозненных обрывков истинной картины, — вкратце сказал Ли Кёнму.

— Слишком долгое предисловие, — проворчала Хон Ян.

Ли Кёнму, мельком глянув на нее, начал нажимать на кнопки меню, высветившиеся на поверхности стола. На тех были картинки: кофе, чай, бублики, — но он нажимал на них так, словно это были буквы.

— Что вы сейчас делаете? — спросил Толстяк-130.

— Подождите, пожалуйста. Я ввожу пароль.

— Что еще за пароль?

Ли Кёнму не ответил, продолжая свое занятие. Если то, что он вводит, является паролем, как он запомнил его наизусть? Эспрессо — Зеленый чай — Латте — Капучино — Сэндвичи — Эспрессо — Капучино... Может быть, он таким способом заучил пароль или тот образуют первые буквы слов на кнопках? Ли Кёнму щелкнул по клавиатуре примерно тридцать раз, а затем, посмотрев на нас, сказал:

— Готово.

Он нажал «Завершение». Откуда-то послышался скрежет, будто где-то сдвигали огромный камень, впервые потревоженный с начала времен. Когда раздался металлический звук, все замолчали. Мы не могли понять, откуда он идет. Он был слышен отовсюду: от стены, пола, потолка. Стулья, на которых мы сидели, задрожали. Стол тоже затрясся. Мы схватились за него руками. Весь дом ходил ходуном, словно при землетрясении. Стекла в окне задребезжали.

— Брат, стол едет, — испуганно проговорил Толстяк-130.

Стол на самом деле начал медленно смещаться в сторону, приоткрывая контуры серой двери. Вернее, я не сразу разглядел контуры, поскольку дверь сливалась с серым же полом. По всей ее поверхности виднелось бесчисленное множество мелких царапин, напоминающих морщинки на лице пожилого человека. Открыв дверь полностью, стол со звонким щелчком остановился. Со стороны наша троица, сидящая с испуганными лицами, наверняка выглядела забавной.

— Следуйте за мной, — велел Ли Кёнму.

Когда он приоткрыл дверь, оттуда выплеснулся мрак и стал всасывать свет, словно черная дыра. Казалось, стоило зазеваться, как там подстерегает нечто страшное, готовое вас схватить.

Хон Ян смело заглянула в проем и стала всматриваться в темноту.

— Сестра, будьте осторожны, — тихо проговорил Толстяк-130 с нотками страха и беспокойства.

— Ничего не видно, — сказала она. — Да и что в такой темени разглядишь?

Я вслед за ней, просунув голову, посмотрел вниз в черноту. Казалось, можно было бесконечно падать в этот мрак. Не такова ли смерть?

Ли Кёнму начал спускаться вниз по имеющейся там лестнице, погружаясь в эту пугающую темноту. Постепенно в ней исчезли его лодыжки, бедра, поясница, грудь, шея, наконец он ушел в нее с головой. Прошло около трех секунд, когда вместе со скрипящим звуком внизу появился свет. Ли Кёнму крикнул из темноты:

— Спускайтесь вслед за мной.

Я полез первым, за мной последовали Хон Ян и Толстяк-130.

— Почему здесь так узко? Брат, я не застряну?

— Хочешь — оставайся, поиграй пока с зомби.

Внезапно узкая и крутая лестница закончилась площадкой, потом повернула и продолжилась более узким и крутым пролетом. Боясь оступиться, я стал спускаться боком. Ли Кёнму спускался уверенно, явно проделывая это далеко не первый раз. Все происходило в молчании, потому что все внимание было сосредоточено на том, чтобы попасть ногой на очередную ступеньку.

Наконец лестница осталась позади, мы собрались перед железной дверью. Ли Кёнму явно колебался, затем, должно быть, принял решение и повернул ручку.

Судя по всему, звукоизоляция тут была хорошая. Стоило двери открыться, как в тишину ворвалась мешанина различных звуков. Когда Ли Кёнму нашарил выключатель, снова воцарилась тишина.

На нас «смотрело» несколько десятков зомби. На миг мне показалось, что время остановилось. Мы стояли остолбенев, не в силах произнести ни слова. Зомби тоже стояли как вкопанные. Они выглядели слишком человеческими, чтобы называться зомби. Конечно, у одних не было руки или ноги, у других — глаз, у третьих была глубокая рана на теле или кровь на губах, но они не выглядели страшными. Все зомби были нереально спокойными, они больше выглядели получившими тяжелые раны молчаливыми людьми, чем чудовищами. Они казались существами, находящимися между зомби и людьми.

Десятки мыслей, беспорядочно мелькая, смешались в моей голове. В конце концов, каковы размеры этого подвала, почему зомби не нападают, а невидяще уставились на нас?

Должно быть, чтобы успокоить нас, Ли Кёнму встал перед нами, держа палец на кнопке своего пульта.

— Посмотрите туда — на того зомби. Он же готов ринуться в нашу сторону, — испуганно сказал Толстяк-130 и собрался сделать шаг назад.

— Он не сможет атаковать, — сказал Ли Кёнму. — Не бойтесь. Я собираюсь показать вам то, что мы с Хон Хечжон пытались сделать.

— Вы что, создали пункт по сбору зомби? — сказал я, напрыгивая.

— Хон Хечжон и я пытались дать им свободу.

— О чем вы говорите? Зачем зомби свобода? — Я был в недоумении.

— Находящиеся здесь зомби и друзья, ожидающие сверху, — все они совершили побег из воинской части. Хотя нет,

если быть точным, это ребята, которых мы с Хон Хечжон заставили сбежать. Мы дали им свободу.

— Вы хотите сказать, что ранее они не были свободны?

— Да, верно. Они не могли быть свободными.

— Эти ребята выглядят весьма свободными, — съязвила Хон Ян и кивнула на зомби.

Те по-прежнему безмолвно смотрели на нас. Вернее, их лица были повернуты в нашу сторону. Так железные опилки поворачиваются к магниту. На свободное поведение как-то мало похоже. Я попробовал посчитать зомби. Всего их было двадцать пять «человек», хотя называть их «людьми» было неправильно.

— Конечно, я понимаю ваше сомнение, но понятие свободы вещь относительная. Вопрос, с какой стороны подходить.

— Значит, вы хотите сказать, что мы не сможем чувствовать свободу зомби?

— Да, именно так, — уверенно сказал Ли Кёнму.

— Следовательно, Хон Хечжон было мучительно больно, когда она пыталась своим телом понять свободу зомби. Она чувствовала их боль от людей, силу угнетения от них, разочарование. Итак, если следовать вашим словам, моя мама Хон Хечжон умерла, мучаясь, — сказала Хон Ян.

— Это не повод для иронии.

— Я не иронизирую. Я говорю искренне. Госпожа Хон Хечжон всегда любила болезненные вещи. Она, видимо, поступала так, чтобы почувствовать свободу таких чудовищ, как зомби. Возможно, именно по этой причине она подняла уровень угнетения в отношении меня.

— Ян, прекратите, — сказал я, пытаясь предупредить грозу.

— Что значит «прекратите»? — резко сказала Хон Ян. — Этот человек все время говорит странные вещи.

— Ли Кёнму, что вы имеете в виду, когда говорите, что вы заставили сбежать зомби? Вы же незадолго до этого сказали, что вместе с Хон Хечжон заставили зомби сбежать из воинской части.

— Да, именно так.

Ли Кёнму собрался было что-то сказать, но прикусил нижнюю губу. Скрывавшая лицо лохматая борода нервно подергивалась.

— Работая в контрольно-измерительной группе, я случайно узнал о существовании зомби и о том, что в воинской части управляют ими. Я захотел узнать об этом подробнее. Сначала я начал интересоваться зомби из-за простого любопытства,

но постепенно «снежный комочек правды» стал увеличиваться, собирая маленькие факты, пока не достиг такого размера, с которым я не мог совладать. Узнав правду, о которой лучше бы вообще ничего не знать, я пребывал в растерянности. Тогда-то я и встретил госпожу Хон Хечжон. Она тоже тогда металась в поисках следов зомби.

— Вы хотите сказать, что мать знала о существовании зомби?

— Да, она намного раньше меня узнала об их существовании в воинской части. Как — не имею представления. В общем, мы с ней обменялись накопленными сведениями. Госпожа Хон Хечжон дала мне информацию о зомби, которую она собрала к тому времени: сколько зомби находится в воинской части, где они используются, откуда их постоянно приводят... Предположений было много, в основном они не подтвердились.

— Что вы дали ей взамен, Ли Кёнму?

— Я предоставил ей в аренду устройство, которое позволяло обнаружить зомби.

— У вас есть такое устройство?

— Если изменить настройки в детекторе сигналов от вышек сотовой связи, можно обнаружить сигналы зомби. Об этой возможности я узнал, когда, пытаясь починить детектор, пробовал менять настройки.

— И какой же сигнал выдают зомби?

— Я говорил об этом чуть раньше. Если изменить настройки, вы заметите много вещей, о которых раньше не подозревали. Зомби издают не только слышимые звуки, но и взаимодействуют на частотах, близких к частотам мобильной связи. Таким образом, можно выяснить их местоположение.

— Вы знаете, что делают с ними в армии? — спросил я.

— Пока еще точно не знаю.

— Как, не зная этого, вы заставили их совершить побег?

— В общих чертах я догадываюсь, но точнее об этом сказать не могу. В последнее время в воинской части творится что-то странное. Внезапно была усилена охрана, сигналы от зомби больше не обнаруживаются, такое ощущение, словно их экранируют. Поэтому для начала мы заставили зомби совершить побег. В процессе выполнения этого дела госпожа Хон Хечжон и я, кажется, обратили на себя внимание военных.

— Вы хотите сказать, что кто-то убил мою мать?

Возглас Хон Ян заметался по звукоизолированному подвалу, кажется, напугав даже зомби, наблюдавших за нами своими пустыми глазами.

— Я тоже хочу это выяснить, — сказал Ли Кёнму тихим и ясным, но решительным голосом.

— А что за зомби, ну, я имею в виду тех, кто сейчас находится на улице?

— Это зомби, кто недавно сбежал из воинской части, но пространства для их сохранения пока нет.

В подвале не было никакого оборудования, кроме двух длинных столов. Странно, но здесь было тепло. Из тридцати особей, находящихся сейчас в подвале, к двадцати пяти неприменимо понятие теплотокровности. Запах в помещении стоял невыносимый. Он был похож на тот, который издавали бы фрукты и мясо, месяц гнившие в одной емкости. Это был густовато-сладковатый и зловонный запах.

Мне хотелось как можно быстрее выйти из подвала хотя бы из-за смрада. Странно, но другие почему-то не проявляли никакой реакции на него. Даже такой чувствительный к запахам Толстяк-130 тихо стоял, никак не проявляя неудовольствия.

Вдалеке послышался звук, похожий на урчание гигантского кота. Мы переглянулись.

— Что это за звук, брат? — спросил у меня Толстяк-130, прислушиваясь.

— Откуда я знаю, — буркнул я, тоже напрягая слух.

— Это звук двигателя грузовика, — сказал Ли Кёнму.

— Кто сейчас в такое время может прийти?

— Я не знаю, но, скорее всего, солдаты. Так, для начала нам надо закрыть проход под столом, чтобы они не обнаружили потайной вход сюда, — бросил Ли Кёнму и быстро стал подниматься вверх по лестнице.

Когда он нажал на выключатель на лестничной площадке, проход, по которому мы спустились, исчез вместе со скрипом «киик», который в этот раз был тише, чем когда мы открывали дверь в подвал. Когда проход закрылся, вокруг стало темно, но из-за тусклого света в подвале мы все же, хоть с трудом, могли различать предметы. Ли Кёнму, закрыв дверь на полу, прислонил к ней ухо. Звуков не было слышно, но, если кто-то пришел, можно было почувствовать вибрацию. Видимо, все обошлось, Ли Кёнму снова спустился в подвал и сказал:

— Судя по большому количеству людей, это, кажется, солдаты из воинской части.

— Почему они пришли сюда в столь позднее время?

— Вполне возможно, что они ищут меня, — предположил я.

— Что случилось? Почему вы так думаете? — спросил Ли Кёнму.

— Я думаю, что это все из-за зомби, — ответил я.

— Давайте для начала ненадолго подождем здесь. Через проход может просочиться звук, пока лучше оставаться в подвале.

— А что будет с зомби, находящимися на улице?

— Скорее всего, они уже пойманы. Если им повезло, они смогли убежать.

Мы закрыли дверь подвала. Неприятный запах тут же усилился. В закрытом подвале не было места, где можно было его избежать. Почему я не почувствовал его, когда мы впервые открыли дверь? Может быть, из-за того, что я был настолько шокирован, что мое обоняние было временно парализовано. Я мучился, не зная, рассказать или нет остальным о неприятном запахе. Если они начнут думать о запахе, все будут мучиться сильнее. Мне было интересно: только я чувствую этот запах или нет, я не мог сдержаться.

— Ты не чувствуешь запах? — тихо спросил я Толстяка-130.

— Какой запах? — Он недоуменно посмотрел на меня и потянул носом.

— Ну, такой, когда пахнет какой-то гнилью и тухлятиной. Ян, вы тоже не чувствуете?

— Да, кажется, чем-то неприятным слегка припахивает, но я не знаю, это запах гниения или нет.

— Неужели я один его чувствую?

— Брат, у вас, видимо, идеальный нюх. Интересно, в прошлой жизни вы случайно не были собакой, натасканной на запах зомби? — заметил Толстяк-130 с иронией.

— Ли Кёнму, а вы тоже ничего не чувствуете? — спросил я, не обращая внимания на его шутку.

— Я привык находиться с зомби, поэтому...

— Брат, вот вы сказали об этом, и, кажется, в ваших словах есть что-то, — сказал Толстяк-130, поводя носом.

— Стоило вам, Чжихун, обратить на это внимание, и запах вроде стал неприятнее, — подтвердила Хон Ян.

— Хорошо, тогда давайте не думать об этом. Будем считать, что здесь нет никакого запаха, — сказал я, недоумеая, как это они не чувствуют этого смрада.

Мы сели на пол. Внизу вонь стала еще ужаснее. У меня было такое ощущение, что все витающие над полом миазмы стали подниматься по моему телу и, охватив мои ягодицы и бедра, постепенно карабкались вверх, обвивали живот, спину и шею

и наконец заползли в нос. Не выдержав, я снова встал, но решил больше не упоминать о запахе, раз остальные не обращают на него никакого внимания. Что касается зомби, они по-прежнему не двигались. Мы тихо ждали, когда все, неважно что, пройдет мимо: будь то время, солдаты, судьба или еще что-то. Я стоял как можно дальше от зомби — ближе к двери. Когда я прислонил лицо к стене, холодная надежность бетона передалась скуле и подбородку. От бетона не исходило никакого запаха.

Наверху слышались голоса. Было слышно, как несколько человек ходили по дому. Звуки их шагов доносились со всех сторон. Несколько шагов прозвучали так, словно наверху отбили чечетку: ритмично и четко. Я прижался ухом к бетону. Сначала я не мог различить звуки, но когда я всецело сконцентрировался на слухе, то начал отчетливо слышать доносившиеся с первого этажа звуки, словно поймал радиочастоту.

— На кухне ничего не слышно?

— Ничего не слышно.

— Они определенно где-то здесь. Ищи хорошенько.

Шаги то удалялись, то приближались, затем снова отдалялись и опять приближались. Если закрыть глаза, то можно даже представить, как перемещаются военные наверху.

— Брат, вы что-нибудь слышите? — спросил Толстяк-130.

— Да.

— О чем они сейчас говорят?

— Похоже, ищут нас.

— Им ни за что не найти подвал. Не беспокойтесь, — уверенно сказал Ли Кёнму.

— Брат, вы не проголодались? Я тут подумал: какая досада, прямо над нами находится лучший в мире обеденный стол, но мы не можем им воспользоваться.

— Если тебе так невтерпёж, поднимись, съешь бублик и возвращайся.

— Съесть бублик и умереть?

— Ты уж выбирай.

— Я за жизнь. Сытную... Надеюсь, наверху нас не слышат? Ведь звук вроде бы распространяется сверху вниз? Брат, как вы думаете, если они прижмут ухо к стене, то смогут слышать наши разговоры? Со стороны это выглядело бы смешно. Двое — на первом этаже и в подвале — стоят, прислоняя ухом...

— Тсс, помолчи немного. Наверху о чем-то говорят, — шикнул я, напряженно вслушиваясь. К уху я добавил ладони, ловя малейшие вибрации, доносящиеся сверху.

— Брат, о чем они говорят? Что слышно? Они ищут этот подвал?

— Они говорят, что идет снег.

— Правда?

— Точно не разобрать, но одно ясно — речь идет о том, что на улице снегопад.

— Правда идет снег? — снова переспросил Толстяк-130 и пожегся, словно от снега за шиворотом.

Хон Ян и Ли Кёнму, глядя на него, непроизвольно повторили его движение. Толстяк-130 подошел ко мне и тоже прижался ухом к бетону.

— Брат, я ничего не слышу.

— Наверное, они все вышли смотреть на снегопад.

На первом этаже не было слышно ни звука. Никаких голов, шагов, простукивания стен. Видимо, и в самом деле все ушли. Интересно, это просто снегопад или метель? Насколько велики снежинки?

— Брат, вы давно не видели снегопад?

— Да, кажется, давно. Ян, а вы любите смотреть, как идет снег?

— Разве есть человек, который не любит смотреть, как идет снег?

— Когда выпадает снег, становится грязно, — сказал я.

— Это же не из-за того, что он грязный. Это земля грязная. Чжихун, а вам все равно, идет снег или нет?

— Нет, мне нравится, когда идет снег.

— Я хочу увидеть, как падают снежинки.

— Сестра, я тоже, — сказал Толстяк-130.

Зомби никак не реагировали, по-прежнему незряче глядя на нас. Интересно, как они среагируют на падающий снег? Представилась картинка: зомби радостно прыгают, словно собаки, ловя снежинки. Умилительно.

— Зомби любят, когда идет снег? — спросил я Ли Кёнму.

Ли Кёнму, сидевший прислонясь спиной к подвальной стене, снисходительно усмехнулся.

— Им это очень нравится. Желая поймать падающие с неба снежинки, они протягивают руки. В такие минуты они похожи на маленьких детей.

— Даже когда слушаешь, становится страшно. Вам кажется милым, когда они тянут руки? — Толстяк-130 опасливо покопился на зомби.

— Строго говоря, это не означает, конечно, что им нравится. Они протягивают руки и пытаются ухватить снежинки как не-

что, мельтешащее перед глазами. Тем не менее, когда в такие минуты смотришь на них, думаешь, что это выглядит мило. Когда я со стороны смотрю на этих ребят с искривленными лицами, с дырками во всем теле, с покалеченными ногами, неуклюже переступающих с ноги на ногу, чтобы поймать снежинки, то завидую им: они беспечно, как малые дети, гоняются за снежинками.

— Нашли чему завидовать, — сказала Хон Ян с сарказмом.

— А вы знаете, что у всех этих парней есть имена? — неожиданно осведомился Ли Кёнму.

Она посмотрела на него с вызовом:

— Наверняка у них есть имена. Ведь все они одно время были людьми.

— Нет, не человеческие имена, когда они были людьми, а те, которые получили, став зомби.

— Вы хотите сказать, что они, превратившись в зомби, сами выбрали себе имена?

— Нет, им их дали мы с госпожой Хон Хечжон.

— Тогда это не настоящее имя. Зачем они им нужны?

— Они нужны, когда надо их позвать.

— Разве есть случаи, когда надо звать зомби? В любом случае они даже не поняли бы, что их зовут.

— Вы знаете, иногда, кажется, они понимают.

— Вы же хорошо знаете, что они не могут понимать.

— Я знаю это, но приходится звать по имени. Если постоянно звать зомби, глядя на него, однажды он поймет, что это именно его зовут.

— Присвоили бы им номера: Первый, Второй, Третий...

— Людям нельзя давать такие имена.

— У вас все с головой в порядке, господин Ли Кёнму? Вон то чудище с широко открытым ртом, у кого болтается глаз, по-вашему, выглядит человеком? Скажите мне его имя. Я попробую его позвать независимо от того, смотрит он сюда или нет.

— Его зовут Разноглазый.

— Как вы сказали?

— Я сказал, что его зовут Разноглазый.

— Человека так не могут звать.

— Он же не человек. Хон Хечжон и я любим кошек, поэтому я ему дал кошачье имя.

Зомби, которого Ли Кёнму называл Разноглазым, имел глаза разного цвета. Один глаз виднелся плохо, но второй был синим.

— Тогда как зовут вон того «парня»? — Хон Ян указала на стоящего в стороне зомби.

— Его зовут Сиамец.

— Вы хотите сказать, что он похож на сиамского кота?

— Похож. У него тонкое и стройное тело, как у кота. Этого зовут Абиссинец, вон того — Мейн-кун¹, а того, что справа — Шиншилла²...

Ли Кёнму сыпал именами-прозвищами зомби. Я не особо разбираюсь в породах кошек, однако Толстяк-130, у которого несколько лет назад жила кошка, сопровождал это репликами, подтверждающими сходство.

Наверху послушался звук закрываемой двери. Нельзя было точно сказать, то ли солдаты зашли в дом, налюбовавшись снегопадом, то ли вышли. Я снова стал вслушиваться, прижав ухо к стене. Единственно потрескивал тающий лед внутри трубы.

Все молчали, выжидая. Это было время абсолютной тишины. Зомби тоже молчали, разве что порой раздавались короткие стоны, но стоило Ли Кёнму нажать кнопку на пульте дистанционного управления, как они тут же стихали. Сколько времени мы прождали так, я не знаю. Может, где-то с полчаса, а может, всего минут пять. Течение времени не ощущалось.

— Кажется, ушли, — сказал я.

— Брат, это не ловушка? А если они поджидают нас на улице?

— Даже если это так, мы же не можем все время находиться здесь.

— Мне кажется, что они ждут нас на улице. Если мы выйдем, они, возможно, откроют огонь.

— Мы что, зомби, зачем им стрелять в нас?

— С первого взгляда и не скажешь, кто мы. Я долго наблюдал за вами. И знаете, брат, вы сейчас мало чем отличаетесь от зомби.

— Хорошо, тогда ты незаметно выйди посмотреть, нет ли там солдат.

— Я? Почему я?

— Ты с первого взгляда, как ты выражаешься, точно не похож на зомби. Ты слишком толстый, чтобы быть зомби.

— Брат, толстые зомби тоже есть. Посмотрите хоть вон на того «парня» — тоже довольно толстый. Кроме того, из-за тол-

¹ Названия пород кошек.

² Животное, похожее на кролика, с мягким серебристо-серым мехом. Также — название окраса у кошек.

щины я довольно приметен, разве не так? Поэтому лучше пусть тот человек, — Толстяк-130 указал глазами на Ли Кёнму, — отвечающий за зомби, выйдет и посмотрит?

Хон Ян поднялась на ноги и сказала:

— Чжихун, я схожу. Здесь слишком душно. Даже если меня обнаружат, у меня есть объяснение — ведь это дом моей матери.

— Нет, я не могу вас отправить. Я сам пойду погляжу.

— Тогда пойдемте вместе, — пресекла спор Хон Ян.

Я пошел первым, она следом.

— Я буду контролировать зомби, чтобы они не двигались. И еще, если открыть дверь вручную, не нажимая кнопку, она не будет скрипеть, — сказал Ли Кёнму.

Я осторожно, чтобы не выдать себя шумом, тихо открыл дверь подвала и стал подниматься по лестнице. В темноте Хон Ян крепко ухватилась за низ моей зимней куртки. Мне было приятно от мысли, что я увлекаю ее за собой. Когда я миновал лестничную площадку и подошел к двери, она потянула меня назад, будто не позволяя совершить необдуманный шаг. Снаружи было тихо.

— А-а-а! — внезапно громкий и резкий вопль разорвал тишину.

Я и Хон Ян инстинктивно присели. В первое мгновение невозможно было понять, откуда шел этот крик.

— Это, случаем, не Сто Тридцатый? — В голосе Хон Ян была тревога.

Мы кинулись вниз, рискуя оступиться и сверзиться вниз. Когда я открыл дверь подвала, первым, что бросилось в глаза, была кровь.

— Брат, вон тот мерзавец укусил меня. За шею.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю, что меня укусил зомби. Этот мерзавец меня укусил.

Толстяк-130 двумя руками нажимал на правую часть шеи. Красная кровь просачивалась сквозь его пальцы. Ли Кёнму, держа направленный на зомби пульт дистанционного управления, все время нажимал на одну из кнопок. Зомби были взбудоражены, они стояли, вытянув вперед руки, словно готовясь схватить добычу, но не могли сдвинуться с места. Скорее всего, их сдерживал сигнал, транслируемый устройством в руках Ли Кёнму.

— Как это могло произойти? — крикнул я.

— Я ненадолго отвлекся... — сказал Ли Кёнму. — Никогда раньше не случалось подобного, может быть, с пультом что-то не так, я не знаю.

— Толстяка укусили? — уточнил я, все еще не веря в происходящее.

— Да, это случилось, когда я ненадолго отвлекся, — сказал Ли Кёнму виновато.

— Черт побери, с самого начала это было как-то неправильно. Брат, я же говорил: не верю ему. С самого начала мне он казался подозрительным.

Хон Ян, войдя в подвал чуть позже меня, увидев Толстяка-130 в крови, вскрикнула и зажала рот. Я спросил у Ли Кёнму:

— Что теперь делать?

— Для начала, если сделать инъекцию, мы сможем замедлить время трансформации.

— Трансформации?

— Раз он укушен зомби, теперь сразу начнется трансформация.

— Брат, что делать? Я теперь умру?

— Не волнуйся. Что-нибудь придумаем.

— Меня ведь укусил зомби, какое тут может быть «придумаем»?

Ли Кёнму достал из кармана шприц. Внутри него находилась голубоватого цвета жидкость. Он протянул шприц мне.

— Если вколоть это, трансформация замедлится.

— Надолго?

— Я думаю, примерно на день.

— А потом?

— Есть один способ, — ответил Ли Кёнму.

— Брат, я не верю ему. Может быть, это яд.

Времени на раздумья не было. Я вколол иглу в плечо Толстяка и нажал на поршень до упора. Толстяк-130 не сопротивлялся, лишь на миг его лицо исказилось гримасой. Он смотрел мне в глаза, пока я вводил препарат. Судя по его глазам, он был согласен с моим решением. Оставалось лишь уповать на то, что средство сработает. Я быстро глянул на Ли Кёнму. Его лицо ничего не выражало, взгляд был отрешенным. По выражению его лица ничего нельзя было понять. После появления этого человека все переменялось. Пока это было все, что я знал.

Кровь унялась, но возбуждение у Толстяка-130 никак не проходило. Когда мы, убедившись, что все солдаты ушли, поднялись на первый этаж, он не мог спокойно сидеть на одном месте, а бродил по гостиной, вскрикивая и сильно ударяя себя по голове. С того момента, как его укусил зомби и он был обречен, Толстяк не был в себе. Он ругался, в сердцах отшвырнул диванную подушку и бросил пульт от телевизора. Невозможно было понять, на кого он злится и кого винит в случившемся. Мне было нечего сказать ему. Все, что оставалось, это молча следить за ним, лихорадочно ища выход из создавшегося положения. За окном по-прежнему было темно и спокойно, снегопад уже прекратился.

— Брат, ну скажи хоть что-нибудь! Я что, вот так и умру?

— Для начала давай немного подумаем.

— Что тут думать? После того как я превращусь в зомби, что вы собираетесь сделать со мной? Впрочем, что тут раздумывать, засунете в подвал к остальным зомби, и дело с концом. И буду я гнить вместе с прочими, что сейчас находятся в подвале.

— Не говори так. Пока еще есть время.

— Время? Брат, о чем вы? Времени нет. Ладно, допустим, что оно есть. Вы что, собираетесь идти в лабораторию, о которой толкует этот негодяй Ли Кёнму? Чтобы получить вакцину, вы собираетесь прыгнуть в огненную яму? Кроме того, возможно, та вакцина тоже еще не проверена. Нет, вы все сошли с ума. Зачем умирать и вам? Достаточно умереть одному мне. Если умру только я, на этом все закончится, почему вы все стоите с перекошенными лицами? Что вы можете сделать, даже если время есть? Э, да что там говорить, можно сказать, что я уже умер.

— С чего тебе умирать? Не волнуйся, ты ни за что не умрешь. — Я не знал, как успокоить его.

— Вы советуете не волноваться? Брат, вы не видите? Не видите эту рану? Брат, честно говоря, я готов укусить этого негодяя Ли Кёнму.

— Перестань. Здесь нет его вины, он же не нарочно это сделал.

— А кто его знает, может, и нарочно.

Хон Ян и Ли Кёнму подавленно молчали, уставившись в пол, она на диване, он — в низком кресле в углу гостиной. А что тут

скажешь обреченному умереть? Мое «С чего тебе умирать?» прозвучало нелепо. Я мысленно пожелал Толстяку отправиться в хорошее место, но ведь он пока еще был жив. Я обещал быть с ним до конца, но смогу ли выполнить это? Вскоре тело Толстяка-130 начнет трансформироваться, он станет харкать кровью, у него начнут выпадать волосы, он потеряет свои глазные яблоки, исчезнет разум, душа, кости сломаются или искривятся, язык выпадет изо рта, плоть начнет разлагаться, и он превратится в зомби. Смогу ли я быть вместе с ним до конца? Я не был в этом уверен.

Мы так и сидели, молча и неподвижно. Близился рассвет. С восходом солнца за окном Толстяк-130 прекратил бесцельное хождение по гостиной, тоже уселся на диван и притих. Молчание заполнило помещение. У каждого было что сказать, но никто не решался заговорить. Я не знал, что должен сказать, хотя мысли переполняли меня. Я понимал, что стоит неправильно начать, и все дальнейшие слова могут стать бесполезными.

— Брат, я иногда пытался вообразить свою смерть, — первым нарушил тишину Толстяк-130.

— Разве можно это вообразить? — мрачно отозвалась Хон Ян.

— Это трудно вообразить, но в моем воображении смерть — это абсолютно темная ночь, в которой ничего не видно. В ней так темно, что даже тени нет, просто абсолютная темнота. Ты не видишь даже собственных рук, и когда касаешься себя, то не можешь сказать, реален ли ты или нет. Из-за того, что в таком мраке ничего не видно, чувство осязания исчезает и, когда дотрагиваешься до своей руки, возникает смутное чувство, словно касаешься далекой-предалекой звезды. Когда представляю смерть, из той абсолютной темноты доносится какой-то звук.

— Поешь лучше, — сказала Хон Ян, видимо, пытаясь отвлечь его от мрачных мыслей.

— Сестра, я не шучу, — серьезно сказал Толстяк-130.

— Я говорю так, потому что ты слишком нагнетаешь атмосферу. Хорошо, что за звук слышится?

— Слабый звук барабана.

— Звук барабана?

— Ну, знаете, обычные барабаны, под которые маршируют? Удары барабана приходят из мрака через равные промежутки времени. И я иду в абсолютной темноте, вытянув вперед руки, туда, где бьет барабан.

— И как это связано со смертью?

— Я так представляю себе свою смерть.

— Эй, если бы смерть была такой, я бы умерла более ста раз. Мне до сих пор слышатся звуки барабанов в ушах.

— Сестра, я не это имею в виду.

— Что значит не это имеешь в виду? Все люди думают, что их смерть — нечто особенное. Но дело в том, что в мире нет особенных смертей. Знаешь почему? Когда ты умираешь, на этом все прекращается. Всё. Когда ты умрешь, тебя все забудут, когда это произойдет, все исчезает для тебя, ты никого не сможешь вспомнить.

— Сестра, и это слова утешения для человека, который вскоре умрет?

— Почему это ты умрешь?

— Так я не умру?

— Не думай, что умрешь. Ты будешь жить. Не волнуйся, ты точно будешь жить.

Толстяк-130 и Хон Ян снова замолчали. Она уткнулась лицом в колени и дергала себя за волосы. Это вынуждало Толстяка-130 тревожиться сильнее. Странно, но после этого диалога я успокоился. Ее слова все время эхом отзывались в ушах.

Хон Ян права: особенной смерти нет. Люди, думая о том, что, возможно, для каждого приуготовлена какая-то особенная смерть, одновременно жаждут ее и боятся. Но в мире нет особенной смерти. Смерть — это просто исчезновение, превращение в ноль. Смерть матери, смерть брата и смерть Хон Хечжон, возможно, были чем-то отличными для меня, но для них она не была особенной. Я тоже скоро сживусь с этими смертями, они станут обычным делом и уйдут на задний план. Я же должен как-то жить дальше. Выжить, а не обнулиться и исчезнуть. Я не желал отпускать Толстяка-130 на смерть. Я слишком легко отпустил в тот день мать, когда смотрел ей в глаза и ничего не сделал для предотвращения смерти. Мне не хотелось снова поступать так. Я подумал, что Хон Ян именно это и стремилась донести до Толстяка-130.

— Утро, пора что-то делать, — решительно сказал я Ли Кёнму.

Хон Ян подняла голову. Пробраться в лабораторию, о которой говорил Ли Кёнму, забрать оттуда вакцину и ввести ее Толстяку — сейчас единственный способ его спасти. Но проблема в том, что мы не знаем, где находится лаборатория. И даже если узнаем, заполучить вакцину будет нелегко. К тому же неизвестно, спасет ли вакцина Толстяка-130 или нет.

— Найти местоположение лаборатории несложно, — сказал Ли Кёнму.

— Как?

— В машине Че Чжихуна до сих пор стоит детектор сигналов. Если его перенастроить, мы сможем легко обнаружить сигналы зомби. Поймать их несложно, так как в лаборатории множество зомби. Самая сложная проблема состоит в том, как добыть вакцину и привезти ее сюда.

— Какие эксперименты ставят над зомби?

— Хон Хечжон и я пытались найти ответ именно на этот вопрос.

— И не нашли?

— Стоял бы я сейчас здесь, если бы нашел его. Но я знаю точно: чтобы наш друг не превратился в зомби, нам нужна вакцина.

— Ладно, об остальном подумаем позже. Я поехал за детектором, — подытожил я. — Сколько времени потребуется, чтобы изменить настройку?

— Минут десять, не больше.

Когда я вышел наружу, ветер обдал меня холодом. Если верить Ли Кёнму и если в воинской части проводятся какие-то эксперименты над зомби, вакцина у них наверняка есть, но даже если это так, легко ее не отдадут. Но я чувствовал, что выполнение тяжелой работы, которую нельзя избежать, иногда легче, чем выбор дороги на распутье. Когда в голове все уложилось, чувства стали ясными, словно я знал ответы на все вопросы. Толстяк-130 вышел вслед за мной и, придерживая меня за плечо, сказал:

— Брат, о чем ты говоришь? Ты действительно собрался туда? — Толстяк-130 неожиданно перешел на «ты».

— Не волнуйся, малыш. Я пойду и достану много вакцины, не плачь, поиграй пока с сестрой, ты понял меня? Если вам станет слишком скучно, в подвале есть зомби, можешь поиграть с ними.

— Что за ерунду ты городишь? Брат, куда ты собрался? Нет необходимости делать это из-за меня. Я действительно в порядке. Должен быть иной путь. Может, Кегель что-то знает? Он же сказал, что, если будут какие-то проблемы или возникнет вопрос, найти его. Кто знает, быть может, он знает ответ.

— Что в порядке-то, что? Ты только что сходил с ума, утверждая, что умираешь... И потом, это не из-за тебя.

— Если не из-за меня, зачем туда едешь?

- Я еду потому, что мне это нужно.
- Тебе?
- Мне нужно кое-что проверить.
- Что именно?
- Мне нужно посмотреть, где кончается зона нулевого до-
ступа.
- О чем ты говоришь?
- Я шел через «мертвую зону», куда не доходят сигналы,
и не находил выхода. Но, кажется, он все-таки там есть.
- Ложь.
- Почему ложь?
- Ну ведь это ложь.
- Нет.
- Там действительно есть выход?
- Наверняка. Вот съезжу и узнаю.
- Брат, а ты сильно изменился, знаешь?
- Я?
- Да, ты слишком сильно изменился. В эти дни ты до
странности светлый. Когда впервые мы встретились, ты был
настолько мрачным, что лицо сливалось с ночью, а сейчас ты
прямо-таки сияешь, никакой тени.
- Я просто поправился.
- Какое это имеет отношение к увеличению веса?
- Когда ты толстееешь, контур лица становится размытым,
тень исчезает. Посмотри на меня, я потолстел, поэтому нет ее.
- Нет, вы посмотрите на него. В эти дни ты так много
шутишь.
- Я всегда хорошо шутил. Просто я немного отдохнул.
- Брат.
- Что?
- Не уходи. Если что-то случится с тобой из-за меня, я всю
жизнь буду мучиться.
- Дурачок, я же сказал уже, что делаю это ради себя самого.
Разве ты не знаешь, какой я эгоист? Я настолько эгоистичный
человек, что ты даже представить себе не можешь. В моем теле
живут только страстные желания. Именно они заставляют меня
жить каждый день. Хочешь знать какие? Я хочу иметь ту вещь.
Я хочу обладать тем человеком. Я хочу иметь всё. Случилось
так, что я утратил желания, но, когда я встретил тебя и госпожу
Хон Хечжон, они снова вернулись ко мне. Я снова вспомнил,
что такое страстное желание. Теперь во мне живет лишь эгоис-
тичное страстное желание, понял? Так что я ни за что не умру.

Я не могу умереть. У меня никогда еще не было такого желания жить.

Толстяк-130 замолчал. Кажется, он понял, что я хотел сказать.

Конечно, я немного преувеличил. Но это была правда: после знакомства с Хон Хечжон, Толстяком-130 и Хон Ян я вновь обрел потерянное — страстные желания. После смерти старшего брата я перестал чего-либо хотеть. По правде говоря, в то время я был ничем не лучше зомби. Критерием, определяющим, жив человек или мертв, не обязательно является сердцебиение. На мой взгляд, этим критерием может быть наличие желаний.

За ночь действительно многое переменялось. В деревне Корио было так тихо, словно ничего не случилось и в будущем ничего не произойдет. Мы с Ли Кёнму направлялись к моему жилищу по ту сторону от деревни. При свете дня мой спутник казался живым трупом. Вокруг не было видно ни души. Было ясно одно: вокруг меня что-то происходит, и это что-то кардинально меняет все вокруг меня.

Пока Ли Кёнму перенастраивал детектор в минивэне, я вошел в дом и начал собирать вещи. Я не представлял, что мне понадобится. Что мне необходимо? Скорее всего, времени на ведение дневника не будет, поэтому необходимости брать с собой блокноты нет, как ни к чему смена нижнего белья и упаковки продуктов. Я встал посреди гостиной и огляделся, но ничего подходящего не просматривалось. Сходил на кухню, взял столовый нож, критически осмотрел: нет, не то. Тут я вспомнил про сломанную бейсбольную битку под лестницей. Я взял ее в руку и помахал туда-сюда. Сойдет. Конечно, выступить против вооруженных солдат с обломком бейсбольной биты — странная идея, но это всё лучше, чем ничего. Все равно ничего другого, подходящего на роль оружия, в доме нет.

— Я все настроил.

— Так быстро?

— Я же сказал, это простая работа. Ну что, трогаемся.

— Что значит «трогаемся»? Вы разве едете со мной?

— А вы что, думали, что я отправлю вас одного?

— Нет такой необходимости.

— Я поеду не из-за вас, Че Чжихун, а из-за Хон Хечжон. Я собираюсь сдержать обещание, данное ей.

— Что за обещание?

— Давайте по пути поговорим. Я пойду заведу мотор, — сказал Ли Кёнму и вышел на улицу.

Я поднялся на второй этаж. Пришла мысль: возможно, я уже никогда не вернусь сюда снова. И стоило лишь так подумать, как все предметы в доме внезапно стали ощущаться как живые существа. В глаза бросилась цифровая камера Хон Ян, лежавшая на столе. Я включил ее и стал бегло просматривать фотографии. На них постоянно повторялись могилы, кресты, мерзлая земля и серое небо. Если свести их в альбом, то ему подошло бы название «Конец человечества».

Единственной вещью, которую я взял из своей комнаты, был блокнот Хон Хечжон. Я снял тесьму-закладку и бегло пролистал несколько страниц блокнота. Рисунки, чертежи, которые иногда повторялись, наброски. Некоторое время я колебался, взять ли его с собой или оставить, потом решил все-таки забрать его. Изучу в более спокойной обстановке, а там уж и решу, отдать ли его Хон Ян или выбросить.

В конце блокнота к нескольким страницам были прикреплены фотографии, отчего тот казался толще, чем был на самом деле. На первой была девушка. Она смотрела в объектив, всем своим видом выказывая подчеркнутое безразличие к снимающему. Похоже, это была Хон Хечжон в молодости. Я перелистнул страницу, собирался посмотреть на вторую фотографию, когда внезапно скрипнула дверь. Я торопливо захлопнул блокнот, буд-то застигнутый за подсматриванием чужих тайн.

— Ты чего испугался? — спросил вошедший Кегель.

Я сунул блокнот в карман и отвернулся.

— В чем дело?

— К чему здесь это? — резко спросил Кегель, указав на биты, лежавшую на столе. Видимо, он ее узнал.

Я промолчал.

— Еще раз спрашиваю: что означает эта бейсбольная бита?

— Вы здесь по какому делу? — ответил я встречным вопросом.

— Для чего тут бита? Ты и меня собираешься ею проткнуть?

— Повторяю: по какому делу вы пришли? — сказал я, по-прежнему игнорируя его вопрос.

— Черт! Вот упрямый. Вчера что-то произошло, верно?

— Вы о чем?

— Лучше не юли, меня не проведешь.

— В таком случае вы и сами можете догадаться, что случилось.

— Решил в угадайку со мной поиграть?
— И мысли не было. У меня на это нет времени.
— Почему, торопишься куда-то?
— Я еще раз спрашиваю: что вас привело ко мне?
— Зеро исчез.
— Кто?
— Ну, Зеро, ты же знаешь его. Друг, который всегда ходил со мной.

— Но почему вы пришли ко мне? Я что, выгляжу человеком, который его прячет?

— Вчера Зеро исчез после появления солдат. Где я только его не искал.

— Вы говорите так, словно потеряли собаку, которую вырастили из щенка.

— Зеро — человек, который никогда не покидал меня раньше. Он без меня пропадет.

— Он все-таки взрослый человек, наверняка скоро вернется. Вы связывались с военными?

— Конечно, я связывался, но они сказали, что ничего не знают.

— Вы уверены?

— Ты на что намекаешь?

— Вы уверены, что военные не имеют отношения к исчезновению?

— Ты думаешь, что есть какая-то связь?

— Я просто спросил.

— Тебе что-то известно?

— Не знаю.

— Что еще за недомолвки? Если что-то знаешь, расскажи.

С первого этажа послышался голос Ли Кёнму:

— Чжихун, пора ехать. Что ты там возишься?

Не отвечая Кегелю, я спустился на первый этаж. Ли Кёнму, кажется, сразу же узнал Кегеля. Тот же удивленно уставился на него, явно не узнавая. Неудивительно: глядя на нынешний облик Ли Кёнму, нелегко было вспомнить его прежнего.

— Где-то я видел ваше лицо. И не раз.

— Это я, Ли Кёнму. Вы меня не узнаете?

— Кто?

— Меня зовут Ли Кёнму.

— И впрямь Ли Кёнму. А ты что здесь делаешь?

Кегель, явно с большим трудом признав того, протянул ему руку.

— Как вы жили все это время? — спросил Ли Кёнму, неловко улыбаясь и, видимо, стесняясь своего вида.

— Я? Как я жил? Не скажу, что очень хорошо. Но, глядя на тебя, думаю, у меня дела идут лучше, чем у тебя.

— Ха-ха-ха, узнаю эту манеру разговора.

— И какова она?

— С подначкой. И забавная.

— Перед похоронами Хон Ёк я звонил в вашу компанию, но никто не знал твой контактный телефон. Хон Ёк наверняка была расстроена, вы же так сильно дружили. Ты же в курсе, что она умерла?

— Да, знаю.

— А что вы подразумеваете под словами «пора ехать»? Вы куда-то собрались?

— Да, есть дела.

— Вы, стало быть, знакомы друг с другом? И куда вы дружно направляетесь?

Кегель был таким человеком, что дай ему волю — и он будет задавать вопросы до самого заката. У меня не было времени играть с ним в «сымукогя»¹. Было видно, что Ли Кёнму не может вести себя с ним так же бесцеремонно, как я. Отношения — такая вещь, когда установишь их один раз, их трудно изменить. У Ли Кёнму и Кегеля также, видимо, были именно такие установившиеся отношения. Неизвестно отчего, но он робел перед Кегелем, а того явно обескураживал непривычный облик старого знакомого.

— Извините, я тороплюсь. Что касается Зеро, он вернется, не волнуйтесь, — сказал я.

— Откуда тебе это известно? Если что-то узнаешь, скажи мне. Кстати, ты еще не ответил на мой вопрос.

— Я ничего не знаю.

— А мне кажется, что ты что-то недоговариваешь.

— Нет, действительно ничего не знаю. Господин Ли Кёнму, поехали.

Оставив Кегеля, мы с Ли Кёнму пошли к минивэну, оставленному за домом. После встречи с Кегелем лицо Ли Кёнму стало твердым, словно жесткая бумага. Казалось, что он многое вспомнил и о чем-то крепко задумался. Мне было интересно,

¹Игра, целью которой является нахождение правильного ответа, используя 20 наводящих вопросов.

что случилось раньше между этими двумя и о чем Ли Кёнму думает сейчас, но я не стал спрашивать. Тот заговорил первым:

— Чжихун, как вы насчет того, чтобы прихватить Кегеля?

— Отправиться в воинскую часть вместе с ним, вы это хотите сказать?

— Да.

— Почему?

— У него есть разрешение на вход на территорию части. С ним нам будет гораздо легче туда проникнуть.

— Все верно, но мы ведь не можем ему сказать, зачем мы туда едем.

— Придумаем что-нибудь.

— Например?

— Я скажу, что мы из контрольно-измерительной группы мобильного оператора и производим замеры уровня сигналов от сотовых вышек. С этой целью нам нужно снять показания на территории части. Предложу подвезти его, но перед этим заехать к военным.

— Но ведь к ним невозможно просто взять и войти.

— Будем вести себя так, словно у нас есть разрешение.

— У нас же его нет.

— Кегель может уговорить пропустить нас под его ответственность. Если потребуют письменное разрешение, сделаем вид, что ищем и, мол, ума не приложим, куда мы его впопыхах засунули. Если не сработает, подумаем на месте, как быть дальше.

— Кегель согласится поехать?

— Вполне возможно, там он сможет попробовать поискать следы Зеро. Да и любопытен он сверх меры и любит вмешиваться в дела других. Такой у него характер. Думаю, он не откажется.

— Вы пойдете вместе со мной?

— Нет, я не могу там показаться. Я сойду по дороге, но вы сможете связаться со мной через это устройство. — Ли Кёнму протянул его мне.

Устройство выглядело как самые обычные наручные часы. Черный кожаный ремешок, серебристый корпус, слегка выступающая рамка, крупные деления, голубой циферблат — такие можно увидеть где угодно.

— В случае чрезвычайной ситуации нажмите кнопку внизу справа. Я буду проверять ваше местоположение, если смогу помочь, помогу.

— Наверно, будет много ситуаций, когда мне никто не сможет помочь?

— Вероятность успеха, прямо скажу, невелика.
— И как быть?
— Есть такое понятие — везение. Чжихун, вы везучий человек?

— Если судить по последним дням, то, пожалуй, да, раз я еще жив.

— Верно. Только удачливые люди доживают до конца.
— У меня нет уверенности, что я доживу до конца. К тому же вопрос, что считать концом.

— Когда умрете, тогда и узнаете, Чжихун, границы вашей удачливости. Вы выживете, не беспокойтесь. Потому что удачливость прямо связана с продолжительностью жизни.

Предположения оказались верными. Едва мы предложили Кегелю поехать с нами, как он ни слова не говоря полез в машину. Ехать с ним было еще то удовольствие, но в нынешней ситуации не стоило пренебрегать ни малейшим шансом.

Я сел за руль, а Ли Кёнму занял переднее пассажирское место, на которое было нацелился Кегель. Я велел ему пересесть назад. Не хотелось слушать его бесконечные придирки и советы. Выяснилось, что я успел отвыкнуть от водительского сиденья минивэна, все оборудование казалось каким-то чужим. Так, акселератор, казалось, сместился немного вправо, а расстояние до педали тормоза было слишком коротким. Я сидел и, нажимая поочередно на тормоза и акселератор, восстанавливал свои прежние навыки.

— Почему не едем? — осведомился Кегель, просунув голову между мной и Ли Кёнму.

— Сейчас поедem, — ответил я.

— Что, что-то не так? Машина сломана?

— Нет, все нормально, не беспокойтесь.

Я поправил боковое зеркало и отодвинул сиденье немного назад, но все равно было как-то неудобно. Когда я посмотрел в салонное зеркало, чтобы его отрегулировать, то встретился взглядом с Кегелем, сидевшим по центру заднего сиденья.

— Пожалуйста, сместитесь вправо или влево. Вы загораживаете задний обзор.

— Что ты будешь делать, глядя назад? Просто смотри вперед и езжай.

— Вам обязательно нужно сидеть именно там?

— Я смотрю только вперед, когда еду в машине. Иначе мне не по себе, когда передний обзор закрыт. Если тебе не нравится, пересади меня вперед.

— Для выполнения нашей работы нужны двое специалистов, поэтому Ли Кёнму не просто так тут сидит.

— Раньше он справлялся с этим в одиночку. Разве не так? Почему это надо делать вдвоем?

— Ладно, сидите как хотите.

— И не делай мне одолжения. Похоже, тебя не научили уважать старших.

— Все люди высокого положения сидят на заднем сиденье.

— О чем ты говоришь, люди высокого положения сидят там, где хотят.

— Значит, я был неправ... Трогаемся.

Лицо Кегеля полностью заполнило зеркало, загородив задний вид. На мгновение мне захотелось избавиться от салонного зеркала. Уж лучше ехать без него, чем всю дорогу глядеть на Кегеля. Я включил зажигание и питание детектора сигналов. Впервые за долгое время на дисплее высветился логотип компании. Логотип должен сменить фрагмент карты навигатора с нашим текущим местоположением, но неожиданно вместо него на экране появились сменяющиеся числа: 10, 20, 30, 40... На отметке 100 карта появилась, но в черно-белом негативном режиме.

— Теперь режим изменился, — тихим голосом, чтобы Кегель не услышал, объяснил Ли Кёнму.

Он нажал кнопку с правой стороны детектора, в нижней части экрана появилось слово «Сканирование», а под ним полоса индикатора выполнения.

— Сейчас мы сканируем закрытые частоты.

После сканирования на экране высыпали маленькие черные точки. Они аккуратно собрались на небольшой площади.

— Вы, надеюсь, знаете, что означают эти точки? Ну что, трогаемся? — сказал Ли Кёнму, пристегиваясь ремнем безопасности.

Я отпустил тормоз и нажал на педаль газа. Мы выехали, чтобы найти, как говорил Ли Кёнму, «девушку со множеством веснушек». Я понял, что под «девушкой» он имел в виду район, где находились зомби. На первый взгляд расстояние между той точкой, где я находился, и «девушкой с веснушками» казалось недалеким.

Я вырулил на деревенскую дорогу и проехал около пятидесяти метров, когда я заметил сзади бегущего человека. Даже издали мне стало ясно, кто это. Волосы бегущего живописно разлетелись в стороны. Я затормозил и заворуженно следил за Хон Ян.

Лишь когда она почти поравнялась с минивэном, я стряхнул оцепенение. Выйдя, я подошел к ней. Кончик ее носа был красным.

— Что случилось? — спросил я.

Она какое-то время не отвечала, согнувшись пополам, одной рукой схватившись за мою кисть и жадно хватая воздух. Я терпеливо ждал, когда она отдышится.

— Уф, я боялась... что вы уже уехали... беспокоилась, не знаю, — сказала она, все еще с трудом переводя дыхание.

— Что случилось?

— Вместе... Едем вместе.

— Куда вы собрались ехать? А как насчет Толстяка?

— Сто Тридцатый? Он, наверно, поспешает следом. Я бежала как сумасшедшая. А теперь, кажется, жить буду, — сказала она, наконец отдышавшись. — А оказывается, приятно побегать после долгого перерыва.

— Что значит «едем вместе»?

— Я чувствовала себя некомфортно, зная про зомби в подвале. К тому же Сто Тридцатый слишком нервничал. Я опасалась, что в какой-то момент он укусит меня.

Пока мы разговаривали, вдалеке показался бегущий Толстяк-130. Конечно, бегом это можно было назвать лишь с большой натяжкой, скорее быстрая ходьба, чем бег. Понятно, что, с точки зрения Толстяка, он перемещался со всей возможной скоростью, но, казалось, расстояние между нами ничуть не сокращалось. По мере его приближения стал виден белый бинт на шее, это делало его образ еще более комичным. Он был похож на перевязанный бинтом подарок от Санта-Клауса.

— Брат... Я... — начал было он.

— Не говори, я все уже знаю. Сначала переведи дыхание.

Толстяк-130 грузно сел на землю, тяжело дыша. Повязка, видимо, была наложена слишком туго. Он ослабил ее, отдуваясь. Временами он поглядывал на меня, словно желая что-то сказать, но еще не в силах был говорить. Кегель окликнул из минивэна: когда же наконец поедет?

— А этот дед что тут делает? — недоуменно поинтересовалась Хон Ян.

— Думаю, он поможет нам войти в воинскую часть. Рассматривайте его как карточку доступа. Это идея Ли Кёнму.

— Если бы эта карточка еще и молчала.

— Увы. А если заткнуть ему рот кляпом, пока едем?

— Неудачная шутка. Неужели вы, Чжихун, можете так поступить?

— А что тут такого? Хон Ян, вы действительно настаиваете ехать с нами? Мне было бы куда спокойнее, если бы вы просто ждали дома.

— Я тут вот что подумала: если Сто Тридцатый поедет с нами, он сможет, пусть ненамного, но раньше получить вакцину.

— Да, это, конечно, так.

— Брат, я не мог оставаться в доме один.

— Так оставайся прямо здесь.

— Такое «рыцарство» не соответствует вам, Чжихун.

— Хорошо. Поступим иначе: я возьму с собой только Сто Тридцатого, а вы, Ян, останетесь здесь сторожить дом.

— Послушайте меня, Че Чжихун, недавно вы много толковали о страстных желаниях, верно? Я слышала ваш разговор. Не притворяйтесь, будто вы один тут такой замечательный. Вы знаете, что такое надежда? Когда все вокруг тебя умирают и исчезают, когда ты не знаешь, что рядом с тобой, ждущей, может быть, не останется никого, но все равно хочется жить. Когда хочется выжить любой ценой, вот что называется надеждой. Вы хотите, чтобы только я осталась здесь одна? Вы хотите, чтобы я рассказывала историю о том, как Чжихун и Сто Тридцатый умерли и как исчезли из этого мира? Рассказывать о смерти людей у меня теперь вызывает отвращение. Даже если умрете, то умрите на моих глазах.

— Почему это я умру?

— Ну, значит, не умирайте. Идемте, и вместе будем жить. Разговор окончен?

— Хорошо, едем вместе.

Толстяк-130 сидел на земле и слушал наш разговор. Я заметил, что он хотел что-то сказать, но, выслушав страстную тираду Хон Ян, тихо встал и молча подошел к машине.

— Брат, а мы тут все вместе поместимся? Знай заранее, я бы на диету сел, — проворчал он, а я улыбнулся.

Из-за появления двух новых пассажиров потребовалось небольшое изменение в схеме размещения. Я решил отправить Кегеля на переднее пассажирское сиденье. Было очевидно, что он все время будет допытываться, отчего Хон Ян и Толстяк-130 должны ехать вместе с нами, поэтому я решил отправить его вперед — для отвлечения, так сказать, внимания. Сначала я думал было посадить рядом с собой Толстяка-130, но мне не хотелось, чтобы Хон Ян и Кегель находились рядом.

Перебравшись на новое место, Кегель придвинул сиденье вперед. Это была, надо полагать, его забота о тех, кто сидел сзади. Перед самым отправлением, после того как все расселись по местам, я включил проигрыватель «Hug Shock», который ржал в багажнике. Я поставил альбом «Stone Flower», чтобы таким «кляпом» заткнуть рот Кегеля. Когда минивэн тронулся, из динамиков полилась громкая музыка, звук барабанов стучал по моему сердцу. Сначала Кегель просил уменьшить звук, но потом, увидев, как я, Толстяк-130 и Хон Ян подпеваем вслед за музыкой, умолк и молча уставился на дорогу впереди. Но в отражении стекла он, кажется, украдкой улыбался, вероятно, разгадав мою уловку заставить его молчать.

«Хорошо, если никто не пострадает. Ты должен идти своим путем, я буду делать то, что должен сделать, и, если жить так, что никто не пострадает, однажды где-нибудь я спою такую песню» — вот каково было содержание песни. Мне казалось, что я слышу голос Хон Хечжон, которая перевела и прочитала нам слова песни. Возможно, в ушах Хон Ян и Толстяка-130 тоже слышался ее голос. Казалось, что эту песню пели вместе Ян Дэвис, Хон Хечжон, Хон Ян, Толстяк-130 и я. Минивэн трясся, но «Hug Shock» исправно «обнимал» все толчки на ухабах и наполнял машину музыкой.

Толстяк-130 занимал центр заднего сиденья, Хон Ян — позади меня, а Ли Кёнму — позади Кегеля. Я видел лицо Ли Кёнму через салонное зеркало, он был буквально раздавлен Толстяком-130. Несмотря на это его лицо не изменилось: ни брови, ни глаза, ни борода, ни подбородок не шевельнулись. Он наверняка слушал песню, но не проявлял никакой реакции. Кто знает, быть может, лицевые мышцы Ли Кёнму тоже обладали возможностью «обнимать» удары, как проигрыватель «Hug Shock».

— Для чего этот экран? Что это за черные точки? — вклинился со своими расспросами Кегель в перерыве между песнями.

Указанное им место не было нашим пунктом назначения. Рядом с местом, где мы сейчас проезжали, было несколько черных точек — знак того, что вокруг нас сейчас находились несколько зомби. Впрочем, в темноте ничего было не разглядеть.

Машина проезжала мимо кладбища. Я бросил вопросительный взгляд на Ли Кёнму через салонное зеркало. Тот, наклонившись вперед, ответил:

— Это помехи. Детектор очень чувствительный.

— Я спросил человека спереди, а ответ приходит сзади, — не преминул поддеть Кегель. — Прошу всех внимательно глядеть

по сторонам. Если вы заметите Зеро, сразу дайте мне знать об этом.

Кегель попытался добавить что-то еще, но следующая песня одновременно с голосом Яна Дэвиса, произнесшим: «Раз, два, три, четыре», — заполнила минивэн, заглушив Кегеля. Тот отвернулся и стал смотреть в окно. Ведя машину, я незаметно для Кегеля поглядывал на дисплей детектора, на котором было не так много черных точек. Они виднелись лишь только местами и проносились мимо меня по дороге. Интересно, эти точки — тоже сигналы от зомби? И вообще, есть ли зомби на кладбище? Эти точки — издаваемые ими звуки? А если есть, то они что, днем прячутся под землей, выходя на поверхность с наступлением ночи? Вопросы множились, но из-за сидящего рядом Кегеля я не мог задать их Ли Кёнму, отражающемуся в зеркале и смотрящему в окно.

Я вспомнил словосочетание «могильный GPS». Честно говоря, я не знал, что оно значит. Наверно, координаты места захоронения. Вместо того чтобы отмечать местоположение живых, отмечают, где лежат мертвые. Но зачем это вообще необходимо? Где можно использовать подобную информацию? Видимо, это как-то связано с тем, что число умерших растет, а свободной земли под кладбища больше не становится. А неплохо было бы иметь возможность отслеживать положение отлетевших душ посредством присвоения им какого-нибудь идентификатора. Было бы гораздо менее одиноко, если бы я мог определить местоположение во Вселенной родных душ. Я во время вождения продолжал смотреть на точки.

Кладбище осталось позади, а с ним и разрозненные точки. Мы мчались к «веснушкам».

17

Когда вдалеке показались здания воинской части, Ли Кёнму, придавленный Толстяком-130, отодвинув его, сказал:

— Высадите, пожалуйста, меня здесь.

— Почему ты выходишь здесь? Разве ты не с нами? — спросил Кегель.

— Я проведу замеры здесь, а Чжихун — на территории части.

— Без оборудования?

— Вы беспокоитесь обо мне? Спасибо.

— Беспокойство? С какой стати я должен беспокоиться о тебе? А ходить пешком полезно. Ладно, увидимся позже.

Толстяк-130 и Хон Ян тоже, кажется, поняли, в чем дело. Когда Ли Кёнму вышел, Толстяк-130 переместился правее. То ли из-за тесноты, то ли болел укус, но с него буквально тек пот.

План Ли Кёнму сработал на все сто. Едва завидев Кегеля, охранники сразу приветливо улыбнулись ему. По нам они мазнули подозрительным взглядом, но Кегель тут же переключил их внимание на себя.

— Эй, как дела? Давненько у вас тут не был. К генералу Тяну вот приехал, дело у меня к нему... Что, кто эти ребята? А сами нешто не видите. Зомби они, как есть зомби. Сразу троих генералу везу. Да не бойтесь, они уже не кусаются. Забыл, вишь, открывашку дома, вот их зубы и использовал, чтобы бутылку колы открыть. А они, зубы эти, возьми да выкрошись. Один только зубастый остался. Так что, ежели бутылку какую открыть, то лишь попросите, ха-ха-ха.

Охранники засмеялись. Видимо, подобными шуточками Кегель потешал их не в первый раз. Наспех осмотрели минивэн. Обломок биты в багажнике подозрений не вызвал. Закончив с осмотром, они открыли ворота, и мы въехали на территорию части. Благодаря Кегелю ломать комедию с поисками несуществующего разрешения не пришлось.

— Вы находите уместным назвать нас зомби? — резко бросила Хон Ян Кегелю, когда мы миновали КПП.

— Ха-ха-ха, так ведь забавно. Я придумал эту штуку на ходу, разве не смешно? Ха-ха-ха. У меня ведь зубные протезы, не то, что в молодости, когда я играючи открывал зубами колу, вот и подумалось...

— Знаете, дедушка, надеюсь, что на том свете вашими зубами черти будут колу открывать. И между прочим, что у вас за дела с генералом Тяном?..

Я был не склонен поддерживать Хон Ян в ее негодовании. Все-таки именно благодаря Кегелю мы смогли заехать на территорию части. До Хон Ян это, видимо, тоже дошло, поэтому она больше не придиралась к нелепой шутке Кегеля.

— Остановите машину вон там. Я пока пообщаюсь с генералом Тяном. Ты говорил, что твоя работа не займет много времени, так? Если вдруг увидите Зеро, обязательно приведите его ко мне, — сказал Кегель.

Ему никто не ответил. Общество Кегеля нас откровенно тяготило. Когда машина остановилась, встречать нас вышел сам генерал Тянь. Приветственно махнув, он пошел навстречу, ставя ноги носками наружу.

— О, какие люди! И сплошь знакомые лица. Господин Кегель, что случилось? Собрались создать свою армию? Вы постепенно являете свое истинное лицо? — пошутил он и протянул Кегелю свою лапищу.

Рука Кегеля мало уступала генеральской. Они были примерно одинакового роста, но генерал Тянь почему-то казался намного крупнее.

— Зачем вы так говорите? Зачем мне создавать армию? Ведь уважаемый генерал Тянь прекрасно справляется с охраной.

— Кто знает, может быть, вы сколачиваете отряд из числа недовольных. Идеальных правителей не бывает, всем во всем не угодишь. Но перевороты всякие — эти ведь не наш путь, не так ли? — Генерал захохотал.

— Давайте проясним раз и навсегда. Что бы ни случилось, я не стану врагом господина генерала Тяня. Так что прошу вас не волноваться, ха-ха-ха.

— Так и должно быть.

— Так и будет.

Они перешучивались, не отпуская руки друг друга. Возможно, это были не только шутки. Генерал Тянь ясно показывал Кегелю, кто выше по статусу, а у кого больше власти. Кегель был старше генерала Тяня лет на десять, но возраст и власть — разные вещи.

— Что же мы стоим на улице, давайте зайдем в мой офис. Я предложу вам замечательного чая.

— Вы специально вышли встретить меня?

— Да. Мне доложили с КПП. Раз ко мне приехали дорогие гости, естественно, я должен выйти их встретить.

— Эти друзья приехали вместе со мной, они говорят, что проверяют сотовую связь, но, если они доставляют вам неудобство, их можно отправить обратно.

— Я их знаю, мы встречались, приглашение на чай распространяется и на них.

Генерал Тянь повернулся и пошел, Кегель последовал за ним.

Толстяк-130 посмотрел на Хон Ян. Он, кажется, полностью отдал ей инициативу. Что касается нее, она лишь молча переводила взгляд с Кегеля на генерала. Возможно, у нее в голове сейчас, как и у меня, прокручивалось множество вариантов

выхода из данной ситуации. Я решил принять приглашение. У нас не было разрешения, нас с полным правом могли выкинуть из расположения части, а так, глядишь, что-нибудь да придумается.

— Сестра, что делать?

— Что делать, идем за ними.

— Но у меня постоянно чешется здесь, — Толстяк-130 указал на место укуса.

Я попытался оттянуть бинт и поглядеть рану, но туго наложенная повязка не позволила.

— Такое ощущение, словно десятки червей, продырявив кожу, выползают наружу.

— Попробуй потерпеть. Это может быть эффект препарата.

— Ты думаешь, из-за него? — с надеждой переспросил Толстяк-130.

Мы вошли в здание. Пока я шел, все время думал об оставшейся в багажнике сломанной бейсбольной бите. Если бы я держал ее в руке, на душе было бы спокойней. Она была единственным оружием, но не возьмешь же ее с собой. Да и что можно с ней сделать? По-детски похвастать, что вот именно этим отломком поразил зомби?

Офис генерала Тяна находился на самом верху здания, на пятом этаже. Пройдя через помещение оперативного управления, наполненного военными, и миновав многолюдный коридор, мы вошли в офис, обстановка которого была настолько аскетичной, что, увидев ее только раз, через год легко воспроизвести по памяти. На стене слева висела организационная структура части, на которой была обозначена система взаимоотношений: кто в чьем подчинении, какое подразделение к какому отряду принадлежит, множество имен. Вся эта древовидная структура сходилась к лицу по имени Тян Сонбэк. Вероятно, так полностью величают нашего генерала. Справа находилась маркерная демонстрационная доска, испещренная генеральскими пометками. В середине офиса стоял большой письменный стол длиной более четырех метров, а на нем, словно два одиноких острова, — стопка бумаг и компьютер. Внезапно мне стало интересно, что за человек этот генерал Тян. Часто занимаемое людьми пространство объясняет характер работников. Глядя на почти пустой офис генерала Тяна, я подумал, что, скорее всего, он хороший классификатор, легко отказывающийся от всего бесполезного. Вряд ли от него можно ждать сентиментальности.

— Ну, идите сюда, поближе, — сказал генерал, занимая место во главе стола.

Стол оказался удивительно похожим на обеденный стол Хон Хечжон. На столешнице засветилось меню.

— Этот стол был сделан Зеро по моему специальному заказу. Он выглядит чуть иначе, чем обычный обеденный стол в деревне Корио, верно? Я большой любитель чая, поэтому меню здесь исключительно чайное. Если затрудняетесь с выбором, позвольте предложить вам мой вариант?

Мы кивнули в знак согласия. В жизни я обхожусь кофе или черным чаем. Любители чая любят сыпать изысканными терминами, но мне они мало что говорят.

— Да-а-а, откуда открывается прекрасный вид, — заметил Кегель, подойдя к большому окну.

— Правда нравится? Когда мне нужно принять важное решение, я встаю перед этим окном. Глядя сверху на воинскую часть, я думаю о множестве солдат, за которых я отвечаю. Тогда ответ приходит сам собой, — заметил генерал Тянь, выбирая меню.

Панорама действительно была хороша. Отсюда просматривалась вся территория, скопище больших и маленьких строевых, дальше виднелись три или четыре крупных учебных полигона, а за ними возвышалась гора Маосан.

— Выглядит как большой жилой комплекс, — задумчиво проговорил я, словно рассуждая сам с собой.

— Вы так считаете? Я тоже иногда сравниваю воинскую часть с жилым комплексом. Какая разница, по большому счету? — откликнулся генерал Тянь.

Мне никогда не доводилось встречать такой вкус и запах, как у чая, предложенного генералом Тянем. Когда чай миновал пищевод, у основания языка я ощутил кислый привкус.

— У него удивительно уникальное послевкусие, вы согласны? Как вы думаете, из чего он сделан?

Мы не имели об этом ни малейшего представления.

— Вряд ли вы догадаетесь. Он сделан из дикой травы, растущей только на горе Маосан. Трава эта ядовита, ее нельзя употреблять без предварительной обработки. Вы не представляете, сколько времени требуется, чтобы сделать из нее чай. Ее варят, жарят, сушат, используя несколько способов, и в конце концов с большим трудом делают ее приемлемой для заварки. Мне нравится этот вкус и аромат. Это вкус и аромат, который невозможно ощутить ни в одном другом сорте чая. Каждый раз, когда я пью его, у меня такое чувство, словно ощущаю смерть.

— Я знаю, почему вы, генерал Тянь, так говорите. Потому что он и впрямь отдает гнильцой, — заметил Кегель, делая глоток.

— Каждый раз, когда я пью чай, я умираю и рождаюсь заново, — сказал генерал Тянь. — Я умираю и снова рождаюсь, снова умираю и снова рождаюсь, вы знаете, как я назвал этот чай? Я назвал его «Чай воскресения».

— Звучит красиво.

— Кстати, господин Кегель, вы, кажется, спросили, не видел ли я Зеро?

— Да, извините меня за беспокойство, я именно из-за этого и приехал просить у вас помощи.

— Конечно, я помогу вам. Я организую поисковую группу, она прочешет всю местность. Не думаю, что с ним что-то случилось. Не беспокойтесь.

— Если вы сказали, что поищите его, у меня нет причин для беспокойства.

— Хорошо ли идет игра «Тайто» в этом году?

— Особо смертельно больных нет. До розыгрыша еще более десяти месяцев, но предполагаю, в этот раз смертей будет много. Честно говоря, смерть Хон Хечжон была неожиданной.

Спохватившись, Кегель виновато посмотрел на Хон Ян. Она выглядела спокойной. Генерал Тянь одарил ее пристальным взглядом:

— Вы говорили, что эта девушка — дочь Хон Хечжон? Да, она сильно похожа на мать.

— Ей не нравится, когда говорят, что она похожа на мать, — сказал Кегель.

— Если вдуматься, разве не удивительно, что один человек похож на другого человека? — обронил генерал, продолжая изучать Хон Ян.

— Тогда, по-вашему, выходит нормальным, когда человек похож на собаку? — сказала Хон Ян с сарказмом.

— В прошлый раз вы были тоже очень ершисты. Когда сердитесь, вы еще больше похожи на мать. Не принимайте все так близко к сердцу. Когда дома я тихо подсматриваю за своими детьми, я поражаюсь тому, что они так сильно похожи на меня. Глаза, нос, личность, привычки настолько похожи, что это удивляет.

— Люди, обреченные быть на кого-то похожими, страдают еще больше, — возразила Хон Ян.

— Говорят же, что человек — это продукт эволюции. Чтобы эволюционировать, вы должны стать лучше, поэтому хорошо

было бы, если бы вы были похожи на нее только хорошими сторонами.

— Генерал Тянь, вероятно, не все люди эволюционируют. В большинстве они уходят с тем, с чем приходят, отжив свой срок. Таких людей, как вы, генерал, вряд ли можно отнести к большинству.

— Боже мой, вас страшно слушать... Значит, говорите, вам нужно проверить сотовую связь? Надеюсь, в будущем мы еще раз вместе насладимся чаем. А мы, господин Кегель, если у вас нет других дел, выпьем-ка еще по чашке чая. Но почему этот ваш друг так сильно потеет? — генерал вдруг обратил внимание на Толстяка-130. — В моем офисе вроде не так жарко...

Лицо Толстяка-130, сидевшего рядом со мной, действительно было покрыто испариной. Дело плохо. Возможно, у него поднялась температура из-за укуса зомби. Лицо у него покраснело. Он вытер пот рукой. Хон Ян помогла ему встать.

В этот момент мне бросилась в глаза прислоненная к стене клюшка для гольфа. Будто кто-то навел увеличение на ручку клюшки. Я не видел ничего кроме нее. Когда генерал Тянь, открывая нам дверь, повернулся спиной, я крепко перехватил клюшку обеими руками и что есть силы ударил по генеральской голове. Послышался легкий звук «ттак», будто при удачно отбитом крученном мяче в бейсболе, летящем со скоростью около 130 км/ч. Ноги генерала Тяня подогнулись, и он упал ничком. Все заняло от трех до пяти секунд, но мне казалось, что прошло минут десять. Если кто-то попросит объяснить тот момент, вероятно, я смогу говорить о нем непрерывно примерно пять минут. В эти секунды спрессовались выражения лиц Хон Ян и Толстяка-130, электрический разряд, прошедший от кончиков пальцев, кровь на голове генерала Тяня, облачко пыли, поднявшейся при падении тела на пол. Хон Ян и Толстяк-130 оцепенели и пришли в себя лишь после того, как я выронил клюшку.

— Брат, что ты натворил? Зачем ты это сделал? — испуганно вскрикнул Толстяк-130.

Мне нечего было сказать. Лишь на кончиках пальцев сохранилось остаточное покалывание. Я с силой встряхнул руками в надежде, что оно исчезнет.

— Брат! — Вконец испуганный Толстяк-130, видимо, решил, что у меня что-то не в порядке с головой.

— Я в порядке, не волнуйся.

— Этот человек мертв?

— Не бойся, я ударил так, чтобы он только потерял сознание. Если мы заберем с собой генерала Тяна, то сможем легко заполучить вакцину. — По правде сказать, я не был в этом уверен.

Я приложил генерала со всей силы, но с моей силой удара нельзя убить человека.

Толстяк-130 истекал потом. Хон Ян встала на колени и проверила состояние генерала Тяна. Тот дышал, но, возможно, в будущем у него могли появиться проблемы с мозгом. Впрочем, мне было все равно. Главное, чтобы он дожил до завершения задуманного нами. Если случится что-то подобное амнезии, кто знает, быть может, в будущем он сможет жить лучше, не ведая о прошлом.

— Нужно найти что-нибудь вроде веревки. Неизвестно, когда он очнется, для начала свяжем его, — бросил я Толстяку-130 и бросился искать веревку.

Что касается Кегеля, он, сидя за столом, лишь безмолвно наблюдал за мной. Судя по выражению его лица, он, скорее всего, думал о том, что происходит и как ему поступить. Лишь когда я, найдя в ящике письменного стола кусок электрического провода, стянул им руки генерала за спиной, он начал вмешиваться.

— Что ты делаешь? Зачем ты его ударил? Ты хоть соображаешь, кто он?

— Какая разница, знаю я его или нет? Он негодяй, которому не повезло, — неожиданно для себя грубо ответил я.

Лишь тогда, когда прозвучали сказанные мной слова, я понял, насколько была сильна моя враждебность по отношению к генералу Тяну. Хотя нет, скорее всего, это была не враждебность, а раздражение. С тех пор как я впервые повстречался с ним, нельзя сказать, что мне были неприятны его мысли и мнение, меня больше всего раздражала его манера говорить. Раздражение копилось капля за каплей, и в тот момент, когда я увидел клюшку для гольфа, чаша терпения переполнилась. Я видел, что Хон Ян и Толстяк-130 тоже были шокированы моим поведением.

Толстяк-130 положил руку мне на плечо, как бы прижимая то, что вырывалось из души. В этот момент меня охватило то странное чувство безопасности, которое возникает, когда накрываешься с головой ватным одеялом.

— Вы упоминали вакцину, какую вакцину вы ищете? — спросил Кегель.

— Толстяка укусил зомби. Мы пришли сюда за вакциной. —
Причин скрывать наши планы больше не было.

— Толстяка покусали? Надо было раньше сказать об этом. Ведь неизвестно, когда он превратится в зомби. Не зря я почувствовал себя беспокойно, как только впервые увидел его. Эй, толстяк, неудивительно, что зомби польстился на тебя, учитывая, сколько сала ты нагулял. Ты бы еще сунулся в клетку ко льву, повесив на шею кусок мяса!

— Он получил замедлитель, так что некоторое время он будет в порядке.

— Замедлитель? Что это такое?

— Это замедляющий трансформацию препарат.

— Все равно. У этого толстяка масса в два раза больше, чем у нормальных людей, естественно, и препарата тоже нужно в два раза больше.

— Я не собираюсь вам ничего доказывать. Просто не мешайте нам.

— Вакцина находится в воинской части?

— Если верить словам Ли Кёнму, она где-то здесь.

— А куда он ушел?

— Ли Кёнму повсюду ищут военные. Поэтому он не мог пойти с нами.

— Вот почему от него воняло. Да, кстати, даже если вы найдете вакцину, что вы собираетесь делать с генералом Тяном? Толстяк, даже если ты выживешь, получив вакцину, ты умрешь от пули.

— В воинской части есть лаборатория. Говорят, что там проводят эксперименты над зомби. Если мы получим доказательства этого, с нами никто ничего не сделает.

— Кто это сказал?

— Господин Ли Кёнму.

— Не говори глупости. Где они находят зомби? Объявления о наборе дают, что ли? Мы набираем зомби для участия в эксперименте. Все это чушь... Хорошо, допустим, что все так, как ты говоришь. И ты думаешь, что они оставят в живых человека, узнавшего такую чудовищную тайну? Ты бы на их месте отпустил бы такого человека?

— Поэтому нам и нужен генерал. Он залог нашего выживания.

— Ну что ж, валяй. Ты говоришь так, потому что не знаешь, что это за человек генерал Тянь.

— Вот и узнаем.

Меня охватила неведомо откуда взявшаяся уверенность. В эти мгновения мне казалось, что ни пули, ни зомби не могут причинить мне вреда.

Вытащив из кобуры генеральский пистолет, я проверил обойму. Восемь патронов. Я сунул пистолет в карман и пнул лежавшего в задницу. Никакой реакции. Я обошел генерала и толкнул носком ботинка в спину. То же самое. Тогда Хон Ян вылила генералу на лицо оставшийся в чайнике «Чай воскресения». Чай уже остыл, так что риска ожога не было. Генерал Тянь медленно открыл глаза.

— Вау, действительно сила «Чая воскресения» удивительна, — со смешком заметила Хон Ян.

Генерал Тянь явно пытался понять, что случилось. Извернувшись и убедившись, что руки связаны, он переводил взгляд с одного из нас на другого.

— Надеюсь, я не ангелов вижу в раю? — наконец осведомился он.

— Вы видите демонов ада, — насмешливо отозвалась Хон Ян.

— Вы сейчас, кажется, совершаете большую ошибку. Одумайтесь, пока не поздно. Если вы развяжете меня, я дам вам шанс вернуться невредимыми туда, откуда вы пришли, — проговорил генерал Тянь тихим голосом.

— У меня нет мысли возвращаться, — ответил я.

— Я прожил достаточно много и навидался, как люди губят сами себя. И знаете почему? Потому что не нашлось никого, кто мог бы их остеречь от пагубного пути. Я сейчас пытаюсь сыграть эту роль, чтобы остановить вас. И я говорю вам: проявите мудрость и остановитесь.

— Я приношу извинения за то, что ударил вас по голове. Раньше вы были всего лишь законченным эгоистом, теперь — не знаю.

— Такой удар моим мозгам не повредит.

— Это хорошо, поскольку нам с вами предстоит еще многое сделать. Ну что, приступим? — С этими словами я, рывком подняв генерала с пола, усадил его на стул.

Он был сейчас похож на тигра, покусанного оленем или козлой. Генерал Тянь изо всех сил делал вид, что он спокоен, сохраняя надменное выражение лица, но образ уверенного в себе человека был непоправимо разрушен.

— Генерал Тянь, я ничем не могу вам помочь. Я сказал, что никогда не стану вашим врагом, но в этом случае я не

могу встать и на вашу сторону. Считайте, что меня здесь не было, — сказал Кегель, глядя на него.

Генерал Тянь дернул лицом, показывая, что он услышал.

— Итак, первый вопрос. У нас есть информация, что в лаборатории, находящейся на территории части, экспериментируют с живыми телами, занимаясь вивисекцией. Это так? — задал я вопрос.

— Слово выбрано неправильно. Тело живого существа — живое, но тело зомби не является таковым, — был ответ.

— Пожалуй. Тогда давайте поменяем словосочетание «живое тело» на «живой труп». Есть ли такая лаборатория?

— Не мог бы ты назвать мне причину, почему я должен отвечать на этот вопрос?

Я молча дал ему пощечину. Сквозь пальцы снова пробежал разряд. Глаза генерала Тяня расширились. Сейчас он, вероятно, чувствовал себя в сто раз хуже, чем когда я отоварил его по голове клюшкой или же если бы заехал ему в физиономию.

— Вот моя причина, — сказал я.

— Не особо весомая, — заметил генерал Тянь.

— Есть и повесомее.

— Что ты бьешь, как баба? Попробуй от души заехать мне в рыло.

Я снова с оттяжкой ударил генерала Тяня по той же щеке.

— Куда уж мне, убогому, — я улыбнулся.

Лицо генерала Тяня исказилось от ярости и гнева.

— Когда настанет время бить мне, я превращу тебя в кусок мяса.

— Вот настанет, тогда и превратите. Но не сейчас. Если у вас появится желание отвечать, скажите, — с этими словами я угостил его новой пощечиной.

Голова генерала Тяня резко дернулась вбок, но быстро вернулась в исходное положение. Остальные молча наблюдали. Нас двоих будто замкнуло накоротко. Надо лбом на генеральской залягине виднелась татуировка в виде китайского иероглифа «生», означавшего «жизнь». Более подходящее слово для обладала наколки было трудно придумать.

Генерал Тянь через силу ослабил.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу ответа.

— Ну а если и есть лаборатория, то что?

— Это не ответ.

— Если я скажу, что да, она имеется, то каков будет следующий вопрос?

— Когда ответите, я задам следующий вопрос.

— Хорошо, я понял. Да, здесь есть подобная лаборатория. Что дальше?

Я видел глаза генерала Тяна. Он в этот момент о чем-то напряженно думал. Вот в них промелькнула какая-то мысль. Знать бы какая.

— Что значит подобная? — переспросил я его.

— Означает именно такую лабораторию, о какой ты говорил. Следующий вопрос.

Тон его немного изменился.

— Хорошо. Вот следующий вопрос. В этой лаборатории есть вакцина от укусов зомби?

— Ах вот что ты, оказывается, хотел? Сказал бы сразу. Я дам тебе вакцину, давай развязывай меня. Будем считать, что ничего не случилось. Че Чжихун, это тебя укусили? А это твоя группа поддержки?

— Вы говорите, что вакцина есть? — Я не обращал внимания на его слова.

— Конечно. Вы меня развязываете, и я приказываю немедленно доставить ее сюда.

Толстяк-130 радостно улыбнулся, но Хон Ян отрицательно покачала головой: нельзя. Я тоже так считал. Мало заполучить вакцину, надо еще суметь покинуть территорию части. Я достал пистолет и навел его на генерала Тяна.

— Хорошо, звоните в лабораторию и прикажите принести вакцину.

— Развяжите меня.

— Сначала я должен получить на руки вакцину, — твердо сказал я.

— Я не верю тебе.

— Я тоже не могу доверять вам.

— Тогда ничего не поделаешь. Без веры нет спасения. Если будем доверять друг другу, оба спасемся, если нет — умрем.

— Я не умру.

— Значит, это толстяка укусили? Я мог бы догадаться при виде забинтованной шеи. Если между нами не будет доверия, этот парень умрет.

— Этого не случится.

— Соглашусь с тобой, такого не должно произойти, мне тоже хочется жить. Хорошо, сдаюсь. Вы освободите меня, если принесут вакцину?

— Я не стану вас убивать, — уклончиво ответил я.

— Ха-ха-ха, а ты, оказывается, совсем не умеешь торговаться. Хочешь, я попробую угадать, о чем ты думаешь? Сейчас принесут вакцину, толстяк получит прививку и исцелится, ты оставишь меня здесь, привязав, преспокойно покинешь воинскую часть и убежишь далеко, очень далеко — на край света, верно? Итак, позволь мне сообщить тебе две вещи, которые имеют решающее значение для твоего плана. Во-первых, нужен предварительный тест на аллергическую реакцию перед вакцинированием, иначе ваш друг рискует умереть сразу же после укола. У тебя просто нет другого выбора, кроме как довериться и освободить меня. Во-вторых, предположим, что ты сумел покинуть расположение части. Но я пойду следом и достану тебя на краю света. Я буду бить тебя по щеке, пока шкура не слезет, а затем прикончу самым мучительным способом. Чтобы этого не случилось, тебе нужно убить меня, но ты не можешь этого сделать из-за толстяка. Сам видишь, тебе ничего другого не остается, кроме моего варианта — ты меня освобождаешь, я даю вам уйти.

— Эй, этот тип много болтает, — резко сказала Хон Ян, слушавшая наш разговор. — Чжихун, просто берите его и тащите в лабораторию, у вас это убедительно получается. Найдем лабораторию, и там видно будет.

— Опасно соваться туда всем вместе.

— Находиться здесь или там — опасно одинаково. Кто его знает, что нам сюда принесут под видом вакцины. Да и тест на аллергию лучше сделать прямо в лаборатории.

— Ладно, идем в лабораторию. — И я повернулся к Кегелю.

Я не был уверен в нем. Если оставить его одного, вряд ли он сразу помчится домой. А вот вероятность того, что он разболтает кому-нибудь о наших планах, высока.

— Господин Кегель, пожалуйста, идемте со мной.

— Я? Я не хочу. Я лучше поеду домой. Я никому ничего не скажу, не беспокойся.

— Не верю я ему, — сказал Толстяк-130.

Он выглядел более уравновешенным, чем немногим ранее: меньше потел и выглядел почти спокойным.

— Глупый толстяк, почему ты мне не веришь?

— У вас на лбу прямо-таки написано: «Не верьте мне».

— Правда? А на твоём читаю: «Болван, который не верил Кегелю».

— Со временем слово «не» стерлось.

— Тогда мне тем более пора. Вернусь с резцом, обновлю надпись.

— Пожалуйста, идемте с нами. Только до лаборатории. Сейчас я не могу вас просто отпустить. — Я решительно взял его под руку.

Для своего преклонного возраста у Кегеля были совершенно невероятные мышцы. Ощущение было такое, будто я взялся за железную трубу. Похоже, его слова о том, что он был чемпионом мира по кеглям, были не пустым бахвальством.

Хон Ян пошла впереди всех. За ней следовал генерал Тянь, за ним я, уткнув ствол пистолета в его спину, а Толстяк-130 позади меня, имея задачей закрывать своей тушей нас с генералом от ненужных взглядов. Последним шел Кегель, прикрывая нас с тыла. Когда, миновав коридор, мы оказались в отделе оперативного управления, там находилось примерно с десяток человек, включая заместителя генерала Тяня. Все они отдали ему честь. Я слегка надавил пистолетным стволом. На миг возникла пауза. Наконец генерал Тянь безмолвно поприветствовал подчиненных кивком головы. В этот момент вперед вывернулся Кегель.

— Эй, кто там, уж не майор ли Кан? Как дела? Тхэбан поккымпаб, жареный рис с плацентой, который ты отправил мне в прошлый раз, был хорош, я поел от души. Эй, только она у тебя чересчур липкая, я бы ее готовил слегка иначе, но было действительно вкусно, — весело сказал Кегель, углядев кого-то.

Все повернулись в сторону одного из офицеров, тот мгновенно покраснел. До нас донеслось приглушенное: «Жареный рис с плацентой? А что такое плацента?»

— Господин Кегель, поговорим об этом позже.

— А что тут такого? Ведь есть плаценту — не грех. Я в следующий раз захвачу с собой тхэбан поккымпаб, покажу, как его надо готовить, вечеринку устроим.

Видно было, что до кое-кого из военнотружущих только сейчас дошло, о каком блюде идет речь. На лицах некоторых сослуживцев появилась брезгливая гримаса.

— Майор Кан, я позвоню тебе. Сейчас, извини, тороплюсь. Генерал Тянь проводит для нас небольшую экскурсию.

С этими словами Кегель помахал майору Кану и поспешил в сторону лифта. Военные по-прежнему не проявили к нам никакого интереса. В центре внимания теперь был майор Кан, на которого сыпались вопросы: какова плацента на вкус, как ее приготовить, не противно ли ее есть.

— А ведь сработало, верно? — сказал Кегель, глубоко выдохнув, когда двери лифта закрылись.

— Вы сделали это ради нас? — спросил я.

— Ну, это не совсем так. Я пожилой человек, который любит поговорить, поэтому, когда встречаю знакомого, не могу пройти мимо. Стрельба, трам-тарарам — это не для меня. Я люблю спокойствие. Генерал Тянь, я извиняюсь.

— Вы действительно едите плаценту? — В голосе Хон Ян сквозило отвращение.

— Да, она вкусная. Если захочешь попробовать, скажи мне. У меня в холодильнике ее много.

Хон Ян изобразила, будто ее рвет. Я знал, что плаценту употребляют в пищу. Видел в одной телевизионной кулинарной программе, как ее готовят. Когда плаценту положили в блендер, помнится, я переключил канал.

— Я также пробовал крайнюю плоть мужского полового члена, оставшуюся после операции, но ее нельзя сравнить с плацентой. Крайняя плоть бесполезна, плацента же насыщена питательными веществами. Я хочу сказать, что все это проявляется во вкусе. Вкус пиццы из плаценты такой, что пальчики оближешь. Если положить анчоусы и рукколу вместе...

— Пожалуйста, прекратите. Вы что, хотите, чтобы меня вырвало прямо тут, в лифте? — брезгливо сказала Хон Ян.

После ее слов Кегель виновато улыбнулся и замолчал. Я попробовал представить себе вкус пиццы с плацентой. Интересно, это вкус смерти или жизни? Это вкус начала жизни или ее конца? Я бросил взгляд на генерала Тяня, который безмолвно улыбался. Казалось, что он наслаждается данной ситуацией. Даже с приставленным к спине пистолетом он улыбался, словно шел на пикник. Вероятно, он не боялся, потому что много раз умирал и воскресал. Казалось, происходящее его мало касалось. До тех пор, пока мы ехали до первого этажа, я все думал о пицце. Я был голоден.

Черные точки на дисплее детектора больше не выглядели веснушками. Теперь они скорее напоминали плесень, постепенно затягивающую экран. Машина не стояла на месте, по-

этому плесень постоянно двигалась по дисплею. Когда экран уже почти «заплесневел», перед машиной предстали ворота, за которыми виднелся большой парк.

— Это то место, верно? — Хон Ян, сидевшая за рулем вместо меня, оглянулась назад.

Я ткнул стволом в бок генерала, сидящего на переднем пассажирском сиденье.

— Да, здесь, — отозвался тот.

Охранный пост миновали просто. Стоило караульным завидеть генерала Тяна, как они вытянулись по стойке «смирно», отдавая честь. Кивок в ответ — и ворота открылись.

Дорога уводила в глубь обширного ландшафтного лесопарка. Справа и слева за высоким ограждением из колючей проволоки к дороге подступали деревья, перемежаемые озерцами и болотцами, тут и там торчали пни. При виде всего этого невольно напрашивалась мысль о сафари, хотя ни людей, ни животных вокруг не наблюдалось, разве что временами слышались птичьи голоса. Мне ни разу не доводилось видеть такого тихого парка.

— Почему так тихо? — спросила Хон Ян.

— Сейчас ведь день, — сказал генерал Тян, глядя в окно.

— А что происходит с наступлением ночи? — поинтересовался Толстяк-130.

— Ночью? Ночью открывается крутая вечеринка. Гости появляются все сразу и вдруг, — ответил генерал.

— Тогда где они сейчас?

— Прячутся там, где нет света. Где-то под землей...

— В фильмах зомби разгуливают и днем.

— Это все ложь. Они не переносят ультрафиолета. Как только выходят под свет солнца, так сразу сгорают. Солнечные ванны не для них, — снисходительно пояснил генерал, будто втолковывая ребенку.

— Какое исследование вы проводите над зомби?

— Изучаем длину шага живых трупов в сопоставлении со скоростью ходьбы людей.

— Это правда? — недоверчиво спросил Толстяк-130.

— Ха-ха-ха, хотите — верьте, хотите — нет. Если бы ты был зомби, мы бы смогли изучить длину твоего шага. Жаль. Я имею в виду, что шанс измерить длину шага таких толстых и крупных трупов, как ты, появляется не так уж часто.

Генерал Тян явно забавлялся. В его глазах мы, вероятно, совершенно не представляли опасности. Я позволил ему в полной мере проявить свое чувство юмора. Толстяк-130 тоже заметно

прибодрился. Скорее всего, это было из-за надежды, что спасение не за горами. Было три часа дня. Теплые лучи солнца, прорвавшиеся сквозь холодный зимний воздух, доходили до земли. В машине я даже вспотел.

Парк воистину был огромным. Мы ехали и ехали, за окнами сменялись пейзажи, в голове — череда мыслей. Я по-прежнему держал пистолет упертым в бок генерала Тяна, но моя душа находилась в другом месте. Возможно, это последние мгновения, когда я наслаждаюсь покоем. Теперь я чувствовал, какой финиш наступит в скором будущем, но мне не было страшно. Было просто интересно, как будет выглядеть последний момент. Бывало, иногда в свободное время я представлял себе свой последний миг в этом мире. Я представлял сцену своей смерти самыми различными способами. Например, моя машина упала на дно пропасти и я умер, застряв в ней, не в состоянии шевельнуться, или, зайдя в круглосуточно работающий магазин, был застрелен вбежавшим туда бандитом либо попал в авиакатастрофу. Я мысленно умирал в самых различных обстоятельствах. Сначала мне было неприятно представлять свою смерть, но со временем я стал спокойно относиться к этому, видимо, привык. Я не только убивал себя различными способами, но и оживлял. Если генерал Тян думал о жизни и смерти, попивая «Чай воскресения», я умирал и воскресал в своем воображении. Интересно, в то мгновение, когда буду умирать, смогу ли я понять, что умираю? Смогу ли я увидеть, как моя жизнь исчезает? Интересно, каково последнее ощущение? Что я почувствую в последний момент, когда нужно будет стереть память нескольких десятков лет всего за несколько секунд? Если бы я мог встретиться со своей мертвой матерью, я спросил бы ее, о чем она думала в тот последний момент, что означало то выражение на лице, с каким она смотрела на меня, уходя.

Когда я увидел здание лаборатории, в руке, державшей пистолет, появилась сила. Я крепче сжал рукоять. Лаборатория представляла собой правильный параллелепипед, который в своем геометрическом совершенстве смотрелся чужеродным предметом по отношению к окружающему пейзажу. Снаружи строение было выкрашено в зеленый защитный цвет — в точности как и мой дом. Подумалось: интересно, как бы оно смотрелось, если перекрасить его в темно-синий цвет.

Мы стояли перед дверью. Я толкнул генерала в спину. Он стоял первым в цепи, за ним — я, затем — Хон Ян и Толстяк-130, Кегель снова был замыкающим. Генерал Тян приложил

глаз к сканеру радужки, и дверь отъехала. Сидящие за столами дружно уставились на нас. Генерал Тянь кивнул им, давая понять, что все в порядке, и сказал:

— Не волнуйтесь, это ненадолго. Вызовите майора Сима.

Один из сотрудников поднял трубку стационарного телефона и куда-то позвонил. Через минуту появился мужчина с темными бровями и со шрамом, тянущимся от края правого глаза. Судя по всему, это и был майор Сим. Генерал Тянь со связанными сзади руками приказал ему подготовить вакцину, затем тихо сказал мне:

— Ты развяжешь меня, когда все закончится? Подчиненные смотрят, это роняет мою репутацию. — Генерал чуть шевельнул связанными сзади руками.

— Если хотите, я могу еще больше уронить вашу репутацию, — сказал я, показав пистолет.

— Ты хоть умеешь стрелять?

— Попробуйте проверить.

— Что ты будешь делать после получения вакцины?

— Я тихо исчезну.

— Мне нравятся эти слова: тихо исчезну.

— Что, мстить будете?

— Мстить? Мне это не интересно. Много чести преследовать такую мелкую рыбешку, как ты. Впрочем, мне это тоже урок. В любом деле можно чему-то научиться. Это мой девиз.

— И чему же вы научились?

— Например, тому, что мелкая рыбешка тоже кусается.

— Да, для вас это полезный урок. Ян, пожалуйста, заберите оружие у тех людей.

Я держал пистолет у виска генерала Тяня, а Хон Ян тем временем собрала пистолеты, которые носили исследователи, и сложила их в кучу на столе.

Я действительно собирался тихо исчезнуть, если Толстяку-130 удастся помочь. Ужасно хотелось вернуться к обычной размеренной жизни, стереть из памяти всех этих зомби и спокойно делать карьеру. С какого-то времени у меня исчез страх не справиться с возложенными должностными обязанностями. Мечталось возвращаться после работы домой, а досуг проводить с Хон Ян, неспешно прогуливаясь по кладбищу. Неожиданно я поймал себя на мысли, что свою будущую жизнь я представляю с Хон Ян.

Генералу Тяню я сказал, что хотел бы тихо исчезнуть, но понимал, что, скорее всего, сделать так не получится. Он сказал,

что ему нет дела до мести, но я помнил его слова, что он пойдет за нами до края света.

Майор Сим ввел иглу в вену Толстяка и произвел забор крови. Перед этим Толстяк-130 на миг зажмурился. Майор Сим поместил образец в анализатор, стоящий в углу лаборатории, и стал ждать результатов. Лицо его оставалось непроницаемым. Возможно, у него были повреждены мимические мышцы, на что намекал шрам.

— А где Кегель... Куда он подевался? — сказала с беспокойством в голосе Хон Ян, оглядываясь по сторонам.

— Да, он только что стоял тут, сзади, — обернувшись к ней, проговорил Толстяк-130, прижимая ватку к месту укола.

— Где вас укусили? — спросил майор Сим.

— Как где? Естественно, я был укушен в деревне Корио.

— Вы, кажется, пострадали от сбежавших зомби. Удивительно, что вирус не распространился по организму. Ведь прошло уже много времени.

— Я думаю, что это из-за замедлителя.

— Замедлитель? Где вы его взяли? — сказал майор Сим, его глаза внезапно стали колючими.

— Это не имеет никакого значения. Делайте свое дело, — вмешался я.

Майор Сим аккуратно снял повязку с шеи Толстяка-130 и сложил ее на стол. Все его действия были выверенными до автоматизма. Двумя пинцетами майор осторожно оттянул края раны. Толстяк застонал. Майор Сим вытянул шею и, глянув на рану, заметил:

— Выглядит нормально. Если тест пройдет, немедленно вводим вакцину.

— Брат, гляди, что у них есть. — Толстяк-130 продемонстрировал мне книжку, что лежала на столе.

На обложке большими красными буквами значилось: «Руководство по выживанию при встрече с зомби».

— Брат, нам надо с этим ознакомиться... И что тут есть?.. Ага, вот: десять способов выживания при атаке зомби. Интересно... «...Постоянно двигайся, не шуми, не приближайся, не держись с ним вровень...» Я это упустил. Стоял неподвижно, поэтому и был укушен. Если бы двигался, то... Эта книга явно написана человеком, ни разу лично не встречавшим зомби. Брат, такую книгу должен был написать укушенный, такой как я.

— Вот и попробуй написать, когда вернемся.

— Зачем, раз одна уже есть, — с сожалением сказал Толстяк-130.

— Напиши другую. Скажем, «Руководство по выживанию при встрече с зомби, написанное человеком, укушенным зомби».

— Кто поведется на такое название? — возразил Толстяк-130. — Вот если ее название будет «Руководство по выживанию при встрече с зомби, написанное человеком, который встречал их, но не был укушен», тогда, возможно, и пойдет?

— Ты так думаешь?

— Брат, а попробуй сам написать.

Генерал Тянь слушал и хмурился. После последней фразы Толстяка-130 в лаборатории воцарилась тишина. Я оглянулся и вдруг увидел всю сцену будто со стороны, поставленную на стоп-кадр. Генерал Тянь не двигается, мы с Хон Ян рассеянно смотрим в пустоту. Майор Сим по ту сторону стола глядит на нашу троицу, словно остолбенев. Остальные исследователи, сбившиеся в углу лаборатории, прячутся на нас, словно телезрители в экран.

Слышался лишь шелест стремительно перелистываемых Толстяком страниц, казалось, мы все будем затянuty в книгу. Каждый раз, когда он переворачивал очередную страницу книги, создавалось впечатление, что все присутствующие перепрыгивали на новый разворот, а когда он закрывает книгу, все вокруг исчезнет. Я ждал от него привычных реплик-комментариев, но он молчал. Это был тот самый Толстяк-библиотекарь, но сейчас он выглядел чуть по-другому. В библиотеке при чтении у него на лице сменялись эмоции. Сейчас этого не было. Сейчас он будто переносил в себя текст. Даже страницы он переворачивал профессионально. Стоило ему пропустить верхний правый угол страницы между пальцами, сложенными щепотью, как та, словно сама, плавно перелистывалась. Казалось, он читает книгу, не оставляя следов. Шелест, напоминающий звук капель, заполнил все пространство лаборатории, и все присутствующие завороченно слушали его. Со временем темп перелистывания увеличился. Я не мог понять: то ли ускорилась скорость чтения или угасал интерес Толстяка-130 к содержанию книги.

— Готово, — сказал Толстяк-130 и, положив книгу на стол, потянулся.

— Ты что, уже все прочитал? — недоверчиво сказала Хон Ян.

— Единственное, что я хорошо делаю, — читаю. Хотя в жизни это не особо помогает.

— Что-то полезное нашел? Или сплошное бла-бла-бла?

— Для нас она может быть полезной. В первой главе, описывающей особенности зомби, автор определенно знает, о чем пишет. В другом месте...

Писк анализатора прервал Толстяка-130, вернув нас к действительности.

— Все в порядке, аллергии нет, — констатировал майор Сим. — Приступаю.

Набрав содержимое ампулы в шприц, он снова оголил предплечье Толстяка-130, нашел вену и ввел иглу. На лице Толстяка снова промелькнула гримаса ужаса. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него. Толстяк-130, скривив рот, пожал плечами. Помолчав, он поведал, что область вокруг раны чешется чуть больше, чем прежде, других изменений не наблюдается. Может быть, это было естественно, потому что после укуса зомби Толстяк тоже особо не изменился. Да, пошла кровь, но, если бы его укусил человек, она бы тоже пошла. В любом случае, вакцину он получил.

— Ну как, все еще хочется кусаться? — Хон Ян улыбнулась ему.

— Сестра, вы говорите так, словно я был зомби. Я ощущаю себя точно так же, как когда был здоровым. Не чувствую никаких изменений. Это действительно вакцина? В фильмах после ее введения открытая рана затягивается прямо на глазах, а глаза приобретают осмысленный вид. — Толстяк-130 коснулся шеи возле раны, в которой тоже не было заметно никаких изменений.

— Так то в фильмах. Все будет хорошо. — Я похлопал его по спине.

Что нам теперь следует делать? Моя голова была занята решением этой проблемы, но ничего путного на ум не шло. Мой план был следующим: во-первых, мне одному принести вакцину Толстяку, но вместо этого мы все оказались здесь; во-вторых, Толстяк-130 получает вакцину и исцеляется. Вакцину он получил, ждем, этот пункт пока не выполнен. Генерал Тянь был прав, всегда что-то идет не так. Что теперь? Для начала покинуть территорию части. В принципе, это выполнимо. Далее — уйти от преследования. С этим уверенности не было.

— Ну а теперь, похоже, пришла очередь развязать меня, — напомнил генерал Тянь.

Но я не мог пока освободить генерала. Он — единственный залог нашей безопасности. Его надо было забрать с собой и не отпускать до последнего момента.

— Пока мы не убедимся, что наш друг окончательно выздоровел, я не могу освободить вас.

— Как ты это проверишь? У него ведь нет никакой симптоматики. Майор Сим сказал же вам, что теперь все в порядке.

— Кто знает, что он там ввел Толстяку.

— О чем ты говоришь?

— В любом случае, вы останетесь с нами до тех пор, пока мы не убедимся, что с Толстяком все в порядке. После этого я отпущу вас.

— Вот и верь таким, как ты.

— Думайте как хотите.

— Это еще не конец. Ты думаешь, что удержишь меня таким шнуром? Знаешь ли ты, что заставляет людей цепенеть от страха? Взгляд. А у тебя постоянно глаза бегают.

— Спасибо за совет. А теперь, пожалуйста, заткнитесь.

Я осторожно приоткрыл дверь лаборатории и выглянул наружу. Вокруг было тихо. Изредка раздавались голоса птиц и слышался шелест ветра в верхушках деревьев. Тишина и уединенность. Даже было досадно, что такое прекрасное место занято военными.

— Ну что, домой? — сказал я.

19

Что было бы, если бы мы не дождались ночи? Иногда я возвращаюсь к этому вопросу. Что произошло бы, если бы я не стал дожидаться темноты, быстро покинул бы воинскую часть, заехал на миг в деревню Корио и уехал бы на край света? Смог ли бы я убежать? Нашел бы в конце концов меня генерал Тянь или нет? Убил бы, исполняя свое обещание?

Неважно. Мы решили ждать захода солнца. Так предложил Толстяк-130, обосновавший это следующим аргументом: все зомби становятся активными с наступлением ночи. Если вирус зомби остался в его организме, с заходом солнца это должно как-то проявиться. Возразить было нечего. До захода солнца оставалось где-то минут тридцать.

— Связывать не надо, как думаешь? — спросил вдруг Толстяк-130.

— Что? — не понял я.

— Я имею в виду себя. Разве меня не следует связать? Что ты будешь делать, если я вдруг укушу тебя? Я не хочу этого...

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

— Брат, если я вдруг превращусь в зомби, ты должен убить меня, ладно?

— Нет уж, я буду возить тебя в багажнике и показывать за деньги.

— И сколько собираешься брать за просмотр?

— Порядка тысячи вон¹.

— Слишком дешево, брат. Я же буду опасным живым трупом, ты рискуешь. Заряжай за это минимум десять тысяч вон.

— Я тебе вставлю распорку в рот, чтобы ты никого не укусил. Ничего опасного.

— Я гляжу, ты все уже основательно продумал.

— А ты не верил? Думаешь, я не смогу заработать на тебе?

— Но мой вид... Толстый, нелепый, с облезлой кожей, безглазый, да вдобавок с распоркой во рту — я буду больше похож на пугало. Кто будет платить за пугало?... — Толстяк-130 опустил голову, видимо, зримо представив свой образ.

Ян рявкнула:

— Эй, Сто Тридцатый, нафантазировал черт знает что! Ничего не случится, так что не накручивай себя.

Мы сидели и смотрели на закат. Генерал Тянь, майор Сим и исследователи также вместе с нами следили, как небольшое окно мало-помалу окрасилось в красный цвет. У всех у них было такое выражение, словно они впервые видели закат. В это время настенные часы издали звук. Было шесть вечера.

— Брат, рана что-то слишком сильно чешется, — сказал Толстяк-130 и собрался ее почесать.

Я предостерег его от этого.

— Кстати, куда делся Кегель? — сказала Хон Ян.

Судя по тому, что солдаты сюда не понабежали, я решил, что он вряд ли бросился к ним за помощью.

В лабораторию донеслась музыка.

— Это что за музыка?

— Это в воинской части. Указание на окончание рабочего дня. Сейчас шесть вечера, — пояснил генерал Тянь.

Это был рок-н-ролл. Что-то смутно знакомое, слов не разобрать. Казалось, музыка неслась из множества источников. Видимо, в лесу были установлены громкоговорители.

¹ Примерно 1 доллар США.

Плотность темноты постепенно становилась все выше. Всего за несколько минут видимость сильно сократилась, но процесс потемнения был невидим для глаза. Через десять минут еще больше темных частиц заполнили пространство, дальше трех метров ничего не было видно. Видимо, из-за близости гор темнело здесь быстрее. С течением времени состояние Толстяка-130 улучшалось, он уже совсем не потел и выглядел гораздо лучше. По сравнению с тем, когда его укусил зомби, он выглядел настолько здоровым, что трудно было представить его недавний образ.

В 6:30 мы решили, что пора. Сначала надо было выехать за пределы воинской части. Я знал, что с генералом Тяном в качестве заложника мы сможем миновать КПП. Майора Сима и остальных исследователей мы согнали в маленькую комнату и заперли дверь. У этой комнаты одна сторона была полностью из стекла, она хорошо просматривалась с улицы, но внутри нее не было никакого другого оборудования, кроме железного стола. Со стороны это напоминало наблюдение за запертыми в клетке обезьянами. Майор Сим воссел посреди стола, а исследователи притулились по краям. Мне даже стало их немного жалко, но я не мог позволить себе поступить иначе.

Когда я проехал на минивэне около ста метров, свет лаборатории, который маячил в салонном зеркале, исчез. Возможно, окружающая темнота была слишком плотной, она проглотила его. Если бы я пришел искать это место ночью, найти его было бы нелегко. Я медленно ехал вперед, следя за освещенным фарами маленьким пространством дороги впереди. Музыка из громкоговорителей заставляла вибрировать окно в машине. Я слегка опустил окно со стороны водителя. В салон одновременно ворвались холодный ветер и рок-н-ролл.

— Сестра, вон гляди, что это такое? — вскрикнул Толстяк-130 на заднем сиденье, тыча пальцем в темноту.

— Что?

В салонном зеркале было видно, как Хон Ян посмотрела туда, куда указывал Толстяк-130.

— Тебе не кажется, что вон там что-то есть? — Толстяк-130 заслонил ее лицо, указывая на что-то за окном.

— Ничего не видно.

— Вон там ограждение из железной сетки.

— Кроме него ничего не вижу.

— Тебе не кажется, что на ограждении что-то висит?

— Из-за темноты ничего не разобрать. — И Хон Ян опустила стекло.

— Сестра, не надо. Что будешь делать, если что-то запрыгнет сюда?

— Не паникуй.

Музыка зазвучала громче. Ян высунула голову из окна. Со стороны водителя мне показалось, что лицо ее исчезло. Она высунула руку за окно.

— Вау, прохладно. Здесь очень хорошо дышится, может быть, потому что мы в лесопарке.

— Сестра, вон там, кажется, что-то есть.

Перед моими глазами что-то промелькнуло. Я резко ударил по тормозам. Нас бросило вперед. Толстяк-130 простонал тихим голосом. Вероятно, это была птица. Только птица могла так быстро двигаться.

— Это что, кровь? — удивилась Хон Ян.

На ее лбу выступила кровь. Она, кажется, ударилась об оконную раму во время резкого торможения. Кровоточило не сильно, просто рассекло кожу. Толстяк-130 достал салфетку и приложил ей ко лбу. До меня донесся запах крови. Должно быть, мое обоняние обострилось.

Даже доставая салфетку и прижимая ее ко лбу Хон Ян, Толстяк-130 не упускал из виду генерала Тяна, держа его под дулом пистолета.

— Веди машину ровнее. И как ты с такими водительскими навыками рассчитываешь убежать? Мне помочь тебе немного? Развяжи мне руки, сяду за руль вместо тебя, — сказал генерал Тянь.

В этот момент я расслышал сквозь музыку какое-то бормотание. Оно было похоже на гул толпы на расстоянии. Или это шум ветра? Я открыл дверцу машины и выбрался наружу.

— Брат, куда ты? Поехали отсюда побыстрее.

Я пошел в сторону ограждения. Вокруг была крошечная тьма. Вытянув обе руки вперед, подобно зомби, я делал один осторожный шаг за другим. Чем дальше я шел, тем громче звучала музыка, а бормотание становилось ближе. «Мимо сетки не пройду», — мелькнуло в голове. Чем дальше я шел, тем сильнее хотелось вернуться назад. В этот момент мои руки наткнулись на что-то, но это не был холодный металл ограды. По ощущениям это скорее напоминало человеческую плоть. Я остановился, почувствовав, что нечто стояло передо мной. Рядом послышался звук, похожий на скулеж животного. Я бы-

стро отступил на несколько шагов назад, развернулся и поспешил к машине.

— Что случилось? Там что-то есть? — спросила Хон Ян.

Не отвечая на ее вопрос, я быстро сел в машину и развернул ее на 90 градусов влево.

— Чжихун, почему вы так себя ведете?

Я направил свет верхней фары. Заблестел металл ограждения. Многочисленные руки просовывались сквозь крупные ячейки сетки.

— Что это? — испуганно воскликнули одновременно Хон Ян и Толстяк-130.

Освещенные светом зомби закричали. Из-за того, что они мотали головами и сотрясали сетку, та колыхалась и скрипела под ритм звуков музыки. Я перевел фары на ограждение с противоположной стороны. Многочисленные зомби теснились за ним практически впрытык друг к другу. Ни дать ни взять фанаты, рвущиеся коснуться своих кумиров. Они вели себя активнее и кричали громче, когда на них падал свет. Было непонятно, они вели себя так потому, что им это нравилось, или же нет. Я вернулся в машину.

— Сколько их тут вообще? Им же числа нет, — не могла успокоиться Хон Ян.

— Теперь самое время начинать вечеринку, — сказал генерал Тянь.

— Что еще за вечеринка?

— Я же говорил тебе раньше. На которую выползают все спрятавшиеся гости.

— Какую вечеринку могут устроить зомби?

— Погоди, сам увидишь. Будет шоу красочных фейерверков.

Музыка вдруг прервалась. Было ровно восемь часов вечера. Едва рок-н-ролл отзвучал, со всех сторон послышалось бормотание зомби, похожее на кваканье лягушек. Звуки неслись со всех сторон.

В громкоговорителях музыку сменила сирена. Это был вой, который, казалось, никогда не закончится. Наконец сирена умолкла.

Бабах.

Я услышал звук выстрела. Потом еще и еще. Сначала я решил, что это гроза.

Освещенный светом фар один зомби получил пулю в голову. Фрагменты черепа разлетелись в разные стороны. Безголовое тело, беспорядочно хватая воздух руками, содрогалось в судоро-

рогах. Это ничем не отличалось от того, как умирает человек. В последнее мгновение обезглавленный зомби, как человек, до конца цеплявшийся за сетку, отпустил ее и с глухим звуком упал на землю. Вскоре был ранен в голову зомби, стоявший по соседству. На этот раз голова не разлетелась на части, но на месте правого глаза образовалась большая дыра. Зомби устоял на ногах. Следующая пуля разнесла ему черепную коробку. Безголовое тело беспорядочно шевелило руками, просунутыми сквозь сетку. Глядя на них, я вспомнил всю силу бьющейся рыбы, когда одной рукой я как-то раз с трудом удерживал ее на столе, заноса большой нож, чтобы отделить голову. После этого я какое-то время не мог забыть это ощущение. Желание изогнувшей свое туловище рыбы подпрыгнуть осталось в памяти моей руки. Мне было жаль ту рыбу.

Голова третьего зомби была разрушена еще более жестоко. Получив пулю, она на наших глазах разлетелась облачком крошечных блестящих осколков. Это и был тот фейерверк, о котором говорил генерал Тянь.

— Смотри, неужели не круто? — Он был в восторге.

У нас не было слов. Хон Ян вырвало. Головы зомби разрывались, следуя определенному порядку, словно кто-то издалека наблюдал за ними и поочередно нажимал кнопки взрыва. Череп разлетались фейерверком, а тела, падая на землю одно за другим, словно костяшки домино, дрыгали ногами и беспорядочно махали руками, хватая воздух. Я тронул с места минивэн, мне хотелось как можно быстрее оказаться подальше отсюда. Выстрелы смолкли, но эхо от них все еще звучало в ушах.

— Знаешь, что это было такое? Это умные пули. Им не нужен направляющий сигнал. Они сами определяют цели, преследуют и уничтожают. Разве не похожи они на меня? Я тоже гонюсь до конца за целью, которую определил однажды.

— Зачем вы убиваете зомби?

— О чем ты говоришь? Почему ты решил, что я убиваю зомби? Послушай, приди в себя. Они — не живые люди.

— Пусть так, но разве можно их так жестоко убивать?

— Как я говорил уже раньше, я их не убиваю, я их уничтожаю.

— Вы действительно жестокий человек.

— Что ты сказал? Жестокий? Говоришь, я жестокий? Ты хоть знаешь, что такое на самом деле жестокость? Жестокость — это когда гибнут невинные люди. Ты знаешь, каков процент потерь среди мирных жителей в войне? Мирных жителей всегда гибнет

намного больше, чем солдат. Когда падает бомба, она поражает всех без разбора. От умных пуль умирают только те, кто должен погибнуть. Хорошие люди выживают, а плохие умирают.

— Как вы отличаете хорошего человека от плохого?

— Хороший вопрос. Ладно, я приведу пример. Я хороший человек, а ты плохой. Ты связал меня, таскаешь за собой — меня, не сделавшего лично тебе ничего плохого, бьешь меня, держишь в заложниках. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— У вас есть гарантия, что такая пуля используется только в хороших целях, а не в плохих?

— Использование умных пуль — это плохо? В наше время даже маленькие дети, наверно, не скажут такую чушь. Попробуй сказать такое первым попавшимся детям, и они наверняка приставят игрушечный пистолет тебе к голове.

Я снова затормозил. Впереди внезапно возникла высокая переносная железная секция, которой не было, когда мы въезжали на территорию части, такая же, как и та, которую мы видели, когда деревня Корио была полностью заблокирована.

— Черт возьми!

— Брат, что это? Ее же раньше не было.

— Что делать?

— Чжихун, протараньте ее.

— Все выходите. Попробую протаранить.

— Могу ли я дать тебе один совет? — Генерал Тянь улыбался, глядя на препятствие. — Этой машиной его не протаранить, гарантирую. Кроме того, через нее пропущен ток: лишь коснулся — и ты превратился в барбекю. Если хочешь, валяй.

Мне хотелось любым способом как можно быстрее выбраться из этого проклятого места, но способа я не видел. Двигатель машины урчал, казалось, он говорил вместо нас то, что мы должны были сказать: «Крын, крын, крын...»

Мне он сейчас напоминал поскуливание животного.

— Делаю последнее предложение. Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Если вдуматься, вы наломали не так уж и много дров. Ну, немного разбили мне голову, напутали персонал лаборатории — вот, пожалуй, и все. Ах да, забыл, еще похитили вакцину. Если вы отпускаете меня, я про все это забываю. Поймите, такой шанс выпадает нечасто. Я ваш единственный выход отсюда. За исключением этого пути, все остальные подходы перекрыты колючей проволокой или оградой под высоковольтным напряжением. Итак, каково вам мое последнее предложение?

Крын, крын, крын...

Все молчали. В салонном зеркале виднелись лица Хон Ян и Толстяка-130. Они смотрели на меня, и было понятно, что решение за мной. Генерал Тян был прав: в общем-то, за нами не числится больших прегрешений.

Генерал Тян смотрел на видневшуюся впереди высокую секцию и ждал ответа. Не поворачиваясь в его сторону, я проговорил:

— Хорошо.

— Что? Я не расслышал.

— Я сказал «хорошо». Я освобожу вас.

— Может быть, сначала отдашь пистолет?

Толстяк-130, крепко сжимая пистолет, смотрел на меня через салонное зеркало.

20

Когда мы с Толстяком-130, определяясь с эпитафией для Хон Хечжон, исследовали надгробные надписи на кладбище деревни Корио, то узнали о бытующей тут своеобразной культуре надгробных эпитафий, похожих на японское хайку¹, которое кратко описывает облик и жизнь человека. Мы выяснили, что сочинители эпитафий в повседневной жизни выполняют другую работу и занимаются их созданием лишь тогда, когда их просят об этом. Заказчик отправляет сочинителю краткие сведения о себе или о покойном, а сочинитель, если в прочитанном что-то трогает его, лично встречается с заказчиком и, добавляя впечатления от встречи, предлагает эпитафию. Самыми важными достоинствами сочинителей эпитафий являются пронизательность и выразительность. Большинство людей, описывая свою жизнь, склонны оценивать себя эмоционально: приукрашивая, преувеличивая или приуменьшая. К сожалению, как мы затем убедились, такой способностью обладали не все сочинители.

Мы с Толстяком-130 встречались как-то с одним таким. Я чувствовал себя так, словно присутствовал при сеансе гада-

¹ Жанр традиционной японской лирической поэзии, известный с XIV в.

ния. Каждый из нас отправил по электронной почте сочинителю эпитафий краткое описание своей жизни, а тот в ответном письме сообщил о цене. Это было недорого, но то, что он, даже не встретившись лично с нами, начал с цены, почему-то вызвало во мне неприятное чувство и сомнение в его порядочности. Однако, пересилив это чувство, я решил встретиться с ним лично, потому что все это делалось ради эпитафии для Хон Хечжон.

Сочинитель оказался худым мужчиной в очках в черной роговой оправе. В основном говорили я и Толстяк-130, а он больше слушал, поглядывая на нас и отпивая холодный кофе из большого бумажного стакана. Суть мы уже изложили в письмах и добавить нам было особо нечего. Послушав нас с полчаса, он достал бумагу, написал что-то и протянул нам. Это были эпитафии для меня и Толстяка-130.

«Здесь лежит человек, любивший книги. Словно обложка старой книги, на которой буквы тускнеют, а золотая фольга со временем отслаивается». Это была надгробная надпись для Толстяка-130.

«Если меня съедят людоеды, прошу их сказать: Мы съели Че Чжихуна. Он был вкусный». Это предназначалось на мой памятник.

Мы были довольны, эпитафии нам понравились. Я решил, что ему вполне можно доверить сочинить эпитафию для Хон Хечжон. Но как только мы передали ему деньги за наши эпитафии, он тут же исчез. Месяц спустя я узнал, что тексты, написанные для нас, были скопированы с надгробных камней других людей. Я обнаружил их в книге «Образцы эпитафий для надгробного памятника». Та, что предназначалась для Толстяка-130, была похожа на надгробную надпись на могиле Бенджамина Франклина¹, а моя — копия надгробной надписи доктора Альберта Швейцера². Даже узнав позднее, что это плагиат, мы не разозлились. Моей реакцией было «Почему-то я это чувствовал...», а Толстяка-130 — «Когда я увидел его, он не был похож на поэта». Потом-то мы узнали, что таким способом промышляют многие сочинители эпитафий.

¹ Бенджамин Франклин (1706–1790) — американский политический деятель, дипломат, изобретатель, публицист, издатель. Один из «отцов-основателей» США.

² Альберт Швейцер (1895–1965) — немецкий и французский протестантский теолог, философ культуры, гуманист, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира.

— Все-таки он приложил усилия, — добродушно сказал Толстяк-130.

— Какие усилия?

— Он же старался найти подходящую эпитафию.

— А ты не думаешь, что он дал их с потолка?

— А что, разве мне не подходит? Здесь лежит человек, любивший книги. Словно обложка старой книги. Эта эпитафия прекрасно описывает меня.

— Он, наверно, дает одинаковые надгробные надписи всем книголюбам. А у меня не было какой-либо особенности, поэтому он выбрал такую странную эпитафию. Че Чжихун вкусный. Извини меня, но куда это годится?

— Брат, она ведь тебе понравилась.

— Да, понравилась, не отрицаю, но она не подходит для меня.

— Напротив, ты выглядишь аппетитно.

— Эй, ты меня не путай. отошел бы ты от меня, а?

— Иди, иди сюда, брат.

Пусть сочинитель и оказался мошенником, но, честно говоря, эпитафия мне понравилась. Когда я еще ездил, проводя измерения сигналов сотовых вышек, то, поглядывая на дисплей детектора, я иногда произносил эту фразу вслух: «Мы съели Че Чжихуна. Че Чжихун вкусный». При этом я улыбался про себя и мне казалось, что я не такой уж бесполезный человек. Если когда-нибудь настанет день, когда зомби захотят отобедать мною, я бы хотел, чтобы они тоже говорили: «Мы съели Че Чжихуна. Че Чжихун был вкусный». Конечно, плевать им на вкус. Однако если где-нибудь в этом мире, паче чаяния, есть разборчивый в еде зомби-гурман, мне бы хотелось, чтобы меня съел он, приговаривая, что я вкусный.

Эти слова — «Че Чжихун вкусный. Че Чжихун вкусный...» — и крутились у меня в голове, когда лицо мое оказалось погруженным в воду. Я не представлял, что попытка погружением в воду — это так тяжело. В носу была жгучая горечь, а глаза готовы выскочить из орбит. Когда я приоткрывал веки, то все вокруг казалось более отдаленным, чем на самом деле. Перед глазами колыхалась лишь какая-то смутная дрянь, о которой я предпочитал думать, как о планктоне. Я пытался поднять голову из воды, но неодолимая сила удерживала ее там, я не мог дышать. Вода вошла в мой нос, я забился от невозможности дышать, как та рыба на разделочном столе, когда я собирал-

ся отрезать ей голову. У меня тряслись плечи, я беспорядочно махал руками, пытаюсь схватиться за что-нибудь, но я не смог преодолеть силы, давящей на затылок. Именно в этот момент мне, булькающему с выпученными глазами, вдруг подумалось: Че Чжихун вкусный. Я не знаю, почему я вспомнил эти слова, но странно, они, словно заклинание, поддержали мой упавший дух. В тот момент, когда мою голову рывком выдернули из-под воды, я едва успел вдохнуть, после чего неведомая сила снова погрузила меня обратно. Про себя я непрерывно твердил: «Чжихун вкусный». Мне казалось, что если я остановлюсь, то потеряю сознание. «Разбухнув в воде, Че Чжихун точно будет вкусным», — сменилась мысль.

— Ха, — выдохнул я в воду.

Когда меня выдернули из воды, я увидел перед собой белые кафельные плитки в грязных разводах.

— Хы-ы-ыб, — я втянул в себя как можно больше воздуха.

И снова я был погружен лицом в воду. Теперь перед глазами стоял грязный кафель.

— Ха.

И снова я смотрю на грязные разводы. Захотелось взять мочалку и оттереть кафель начисто.

— Хыыб.

И снова я повторял про себя, что Че Чжихун вкусный.

Сколько раз меня так окунали? Я потерял счет. С какого-то момента все стало расплываться перед глазами, как в тумане, кафельная плитка тоже расплылась перед глазами. Теряя сознание, упал на пол.

— Ты не перестарался? — послышался в отдалении голос генерала Тяна.

Я с трудом разлепил глаза. Я не знал, сколько времени я валялся без чувств.

— Ну ты как? Очухался? — спросил голос генерала Тяна.

Я хотел ответить, но рот не открывался. Спине было холодно — пол, видимо, тоже был кафельный. Куда бы ни падал взгляд, кафель был везде. Смутно виднелся силуэт генерала Тяна, но я не мог разглядеть выражение лица, так как он возвышался на фоне потолочной лампы, свет которой бил мне в лицо. Лежа на полу, я несколько раз моргнул, тем самым посылая знак в ответ на его вопрос.

— Я же предупреждал тебя быть поаккуратнее. Не рассчитай — и повредишь ему мозг. Тогда он на всю жизнь останется дурачком. Ты понял, что я сказал?

Я не видел, кого это распекает генерал Тянь, — не мог повернуть голову. Мне казалось, что мое тело разбухло, словно суджеби¹, сваренное и забытое поваром в бульоне. Казалось, каждая клетка была наполнена водой.

Лежа на полу, я попробовал вспомнить, что произошло. Вот Толстяк-130 отдает пистолет генералу, и мы возвращаемся в лабораторию. Вот генерал Тянь куда-то звонит, и после освобождения пятерых исследователей появляются солдаты. Для нашей охраны, поясняет он. Мы направляемся к выходу, генерал окликает меня. Он говорит, что это ненадолго, что хочет поговорить со мной наедине. Генерал заводит меня в комнату, я вхожу и получаю от кого-то удар по голове. Так шаг за шагом я вспомнил все вплоть до этого момента.

— Ты можешь говорить? — спросил генерал Тянь и, присев, коснулся моего лица.

— Да.

— Хорошо. Этот парень так плохо обращался с тобой, что я уже начал беспокоиться.

— Все в порядке.

— Хорошо, ты и впрямь выглядишь получше. И манера говорить тоже стала не такой наглой...

— Другие... Друзья... Где они находятся?

— Не волнуйся. Всех твоих друзей я отправил домой.

— Но почему вы так поступаете?

— Знаешь, есть вещи, которые никак не получается сбросить со счетов. Сначала, забыв обо всем, я хотел сделать вид, что ничего не случилось, но не выходит. Действительно не выходит.

— Что именно?

— Удар клюшкой голове я еще могу простить. Это насилие, которое можно понять и принять. Я сам люблю насилие, оно иногда очень полезно для решения проблемы. Но пощечина — этого я спустить не могу. Это было не насилие. Ты ударил не по моей щеке, ты ударил по моему статусу, по моей гордости. Я даже не знаю, как это охарактеризовать. Но в одном я уверен: это было не насилие... Это даже не было издевательством... Нет, не могу подобрать слов.

— Извините.

— Ха-ха-ха, извините? Нет, не извиняйся. Если ты скажешь «извините», я затруднюсь в выборе наказания для тебя.

¹Еда, приготовляемая из отваренных в бульоне небольших кусков теста.

— Тогда ударьте меня.

— Это не такая простая проблема, как ты думаешь.

— Что значит «не такая простая проблема»?

— Я пока что в раздумьях, не знаю, что с тобой сделать. Сначала я хотел выместить на тебе всю свою злость, но мой болван-подчиненный чуть не убил тебя.

— А мои друзья действительно в порядке?

— Конечно. Я тот, кто держит свое слово. Есть только один человек, к которому у меня есть претензии, и ты знаешь, кто это. — В голосе генерала Тяна прозвучали нотки угрозы.

Он быстро вышел, оставив меня лежать на полу. Я поднялся и осмотрелся — в ванной никого не было. Подчиненный генерала, видимо, покинул помещение еще раньше. Я был в полном замешательстве. Реальность и фантазия слились воедино. Прекрасно понимая, что железная дверь в ванную заперта, я все же попробовал подергать ее, но тщетно. Я попробовал подвигать телом, кажется, ничего сломано не было. Сильно болел затылок, подташнивало — вероятно, я порядочно нахлебался этого... планктона. Я подобрал брошенную в угол зимнюю куртку и надел ее.

Ванная комната была в длину и ширину примерно по пять метров, в ней не было никакого другого оборудования, кроме одинокой ванны в углу. Это была не обычная ванна, она явно предназначалась для пыток. Когда я присмотрелся, то заметил, что установлена она была с небольшим наклоном. Вероятно, это было сделано умышленно, с расчетом на погружение жертвы.

Окна не было, я не мог определить время. Я поднял руку и только тут вспомнил, что на мне были часы. Я никогда не носил наручные часы и поэтому совсем забыл о факте их наличия. Я нажал нижнюю кнопку, которую, по словам Ли Кёнму, следовало нажать в случае чрезвычайной ситуации. Но часы никак не среагировали: ничего не замигало, не было никаких признаков отправки сигнала. Стрелки показывали девять часов. Стало быть, сейчас девять вечера, если часы не врут. Впрочем, когда меня погружали в воду и вытаскивали из нее, они могли и выйти из строя.

Делать было нечего, поэтому я решил выполнить задуманное и попробовал стереть грязные разводы с кафеля. По мере того как они исчезали, притуплялось чувство смутной угрозы, навешиваемой обстановкой. Мысленно я взглянул на эту сцену со стороны — запертый в ванной и оттирающий грязный кафель, — и мне до отчаяния стало жаль себя.

Со временем я стал дрожать из-за холодной, мокрой футболки. Я с трудом стянул ее и надел на голое тело зимнюю куртку с теплой подкладкой. Когда прохладная ткань подкладки коснулась кожи, по всему телу пробежали мурашки. Вскоре я почувствовал тепло, думать стало намного легче. Я внимательно осмотрел каждый угол в ванной, но ничего необычного не обнаружил. Все, что было в ней, — это неглубокая сточная канава с краю, лампа на потолке и ванна. Серый потолок был настолько высоким, что казался небом, заполненным грозowymi тучами. Часы указывали на девять тридцать, но я не мог поверить в то, что это правильное время.

Я изо всех сил крикнул «А-а-а». Помещение отозвалось эхом от стен. Я нарочито закашлялся, и стены тоже ответили кашлем. Я опустился на пол у стены напротив ванны и устался перед собой. Голые стены мало-помалу сводили с ума. Ванная была похожа на зал ожидания. Я всегда старался жить осмотнительно, но всего лишь из-за одной ошибки попал в такую ситуацию и теперь маюсь в ожидании отправления в ад. Я уткнулся лицом в колени и закрыл глаза.

Я и сейчас могу вспомнить по секундам время, проведенное в этой ванной. Я помню все, ничего не забыл: какие были тогда ощущения, о чем я думал. Я чувствовал, как понемногу меняются ощущения тела. Когда я замер, уткнувшись лицом в колени, то отчетливо услышал, как двигалась секундная стрелка на часах: тик, тик, тик. Вообще-то я плохо переношу такие монотонные звуки, но в тот момент они, наоборот, меня успокаивали: это человеческий мир, здесь течет время и все имеет конец. Для меня конец означал следующее: неважно, каким способом, но эта ситуация обязательно изменится. Слушая ход секундной стрелки, я лишь ждал момента, когда произойдет это изменение. И я дождался и услышал звук приближающихся шагов. Происходило изменение, которое должно было произойти. Я сосредоточился на шагах в надежде на изменение к лучшему.

21

Когда дверь открылась и в проеме показался Кегель, в голову одновременно ворвались тысячи мыслей. Я был так растерян при его виде, что не знал, что сказать ему. Еще не переступив

порог, Кегель помахал мне рукой. Он вел себя словно опоздавший на встречу. Когда я открыл было рот, он приложил указательный палец к губам. Я тихо поднялся на ноги. У меня было много вопросов к нему, но он повернулся и быстро пошел вперед, мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Я впервые видел его со спины. Это была спина человека, который долгое время занимался спортом. Казалось, что я вижу совершенно незнакомого человека.

Местом, где я был заключен, был подвал какого-то здания, но помещений тут было немного. То и дело Кегель замирал на месте. Казалось, он делал это, чтобы проверить направление ветра. Только после того, как мы несколько раз возвращались, натываясь на запертые двери, мы в конце концов смогли подняться на первый этаж. На улице было темно, и когда за спиной закрылась дверь, я совершенно перестал видеть перед собой. Я оглянулся назад: лишь тусклый сочащийся свет едва обрисовывал дверной проем.

— Теперь ты можешь говорить, — слышался в темноте голос Кегеля.

— Где мы находимся?

— В аду.

— Вы хотите сказать, что я мертв?

— Ну, существует много видов ада. Здесь ад живых. Так, держи. — Кегель протянул мне маленький ручной фонарик. Впрочем, света он давал достаточно.

— Куда мы идем?

— Сначала надо выбраться из воинской части, и побыстрее.

— Где мы находимся? — снова спросил я.

— Я уже сказал: в аду. Будь осторожен и следуй за мной.

— Чего я должен остерегаться?

— Зомби.

Кегель и я шли рядом. Лучи света от двух фонариков также двигались рядом. Кегель вел себя так, словно это был совершенно другой человек. Этот немногословный человек разительно отличался от любившего поговорить Кегеля. Да и сама манера изъясняться изменилась. Мне хотелось о многом его расспросить, но сейчас все мое внимание было сосредоточено на том, куда я ступаю. Мы прошли через заросший деревьями густой лес и пересекли обширную возвышенность.

Совет Кегеля остерегаться зомби не означал опасаться их нападения. В лесу мы часто встречали их. Они издавали низкие звуки, словно плач животного, и без определенной цели

бродили, выставив перед собой руки. Каждый раз при виде них мое сердце начинало бешено колотиться, но ничего страшного не происходило.

— Когда обнаружишь зомби, быстро выключи фонарик. Они чувствительны к свету. В темноте они не нападут на тебя первыми, — посоветовал Кегель.

Зомби, увидев свет фонарика, ненадолго замирали, а затем, когда мы выключали свет, вновь возобновляли движение. Не заметно, что у них была какая-то цель или маршрут, они все время шли вперед, не отдыхая даже минуты.

Иногда Кегель доставал что-то из кармана и проверял направление движения. Сверившись, он смотрел на луну, а затем снова шел вперед. Что касается меня, то я просто следовал за ним, не представляя, куда мы направляемся и сколько еще предстоит идти. Возможно, оттого, что я постоянно пребывал в напряжении, вскоре меня охватила усталость. Подошвы ног болели, особенно правая пятка.

— Отдохнем здесь немного, потом пойдем дальше, — сказал Кегель.

Эти слова обрадовали меня. Я сел на валун, снял кроссовки и осмотрел в свете фонарика. В правом кроссовке ткань порвалась и сквозь нее торчал пластик, который и натер пятку.

— Куда вы недавно уходили? — спросил я. — Я испугался, когда вы внезапно исчезли.

— Небось решил, что старикан побежал за солдатами?

— Не скрою, были такие мысли.

— Все знают меня как шавку военных, готовую лизать задницу генералу Тяну. Ты ведь тоже так думаешь?

— Нет.

— Не ври. Я бы тоже на твоём месте именно так думал. Впрочем, мне все равно, что ты там думаешь.

— Почему вам все равно?

— Людское мнение с самого начала...

Кегель осекся, не договорив, и указал пальцем вперед. Что-то двигалось в темноте. Прямо перед нами медленно проходил один зомби. Он брел, вытянув руки перед собой, но, несмотря на это, его шаги казались легкими. Возможно, это было из-за того, что тело его было лишено крови и воды. Кегель и я безмолвно следили за ним в ожидании, когда он скроется во мраке.

В это время я нечаянно выронил кроссовок, который был в руке. Тот упал, издав отчетливо слышимый звук. Зомби остановился и повернулся к нам. Я затаил дыхание. В это время Ке-

гель, совершенно не двигая телом, бесшумно подхватил с земли камень и движением одних лишь пальцев и запястья бросил его в сторону. Тот громко ударился о древесный ствол. Голова зомби повернулась в сторону звука, и он побрел туда. Когда зомби ушел, Кегель хлопнул меня по спине, такой заостеневшей, что ее, наверное, можно было спутать с надгробной плитой по твердости. Лишь после этого я расслабился.

— Так куда вы все-таки ходили?

— Куда? Неважно. Кстати, кажется, вот-вот пойдет снег.

— Откуда ты знаешь?

— Не видишь, небо очень напряженное, — сказал Кегель и посмотрел вверх.

Он выглядел печальным, у него было такое выражение на лице, словно он потерял что-то очень важное. Небо было темным и, как говорил Кегель, — напряженным. Очертания горы Маосан, маячившей вдалеке на фоне неба, были похожи на голову спортсмена, которому уже с месяц пора было подстричься. Мы снова включили фонарики и двинулись вперед. Я надеялся, что мы уже покинули пределы воинской части, мне не верилось, что ее территория может быть такой большой. Становилось все прохладнее, и как бы я ни запахивал зимнюю куртку, холодный ветер проникал под нее. Капля воды коснулась моего лица. Это была растаявшая снежинка.

— Действительно снег, — сказал я, протягивая руку.

Крупные холодные снежинки падали на ладонь. Кегель, услышав мои слова, снова посмотрел на небо и ускорил шаги. Я хватал ртом воздух, еле поспевая за ним. Внезапно из невидимых громкоговорителей раздался долгий-долгий вой сирены. Кегель еще прибавил шаг. После сирены лес наполнился рок-н-роллом.

— Снова началось, — сказал Кегель.

— Что началось?

— Охота на зомби.

Мы прошли еще немного, и в темноте показалось небольшое здание. Оно было размером с бунгало¹, но я не думал, что в нем будет тепло, потому что стены были построены из холодного бетона.

— Зайдем сюда. Переждем снегопад и избежим зомби.

— Я в порядке. Я могу идти дальше.

¹ Одноэтажный дом для одной семьи, часто с плоской крышей и обширной верандой.

— Зомби реагируют на громкую музыку. Я хочу сказать, что даже шумные зомби, услышав звуки музыки, становятся до удивления спокойными. Они прячутся в темноте или под землей, но стоит им лишь услышать музыку, зомби выбираются из своих укрытий, чего бы это ни стоило, и идут в ту сторону, откуда она доносится. В этот момент они прут напролом: круша собственные черепа, ломая кости, теряя глаза; они умирают во второй раз. Можно сказать, что они в это время находятся не в своем уме. Впрочем, о чем это я, ведь они и до этого тоже не имели сознания.

«Бунгало» являло собой небольшое помещение, с трудом вмещающее четверых. Внутри было пусто, за исключением находящегося в углу телефона, очевидно, для экстренных вызовов. Даже окно отсутствовало. Кегель и я сели рядом, привалившись к стене.

— Проклятые зомби, безумствуют в ночи, когда включают музыку, — хмуро заметил Кегель.

— А раньше такого не было, чтобы включали музыку по ночам?

— Это все из-за тебя.

— Из-за меня? — удивился я.

— Тебя разве не удивило, что здание, где тебя держали, никто не охранял? Это все равно что настезь открыть дверь, чтобы ты сбежал. Но в этом случае ты обязательно столкнулся бы с зомби. Они специально включили музыку, чтобы их подстегнуть, и наполнили ими лес.

— Извините.

— За что?

— Из-за меня вы подверглись опасности.

— Брось извиняться. Ты куришь?

— Нет.

— А я должен покурить, — сказал Кегель и вытащил из кармана сигарету и зажигалку.

Через пару секунд послышалось потрескивание горящего табака в прикуренной сигарете. Сигаретному дыму некуда было уходить, поэтому пришлось его вдыхать. Возможно, оттого что этого нельзя было избежать, но мне тоже вдруг захотелось закурить. Я бросил это дело десять лет тому назад.

— Дайте, пожалуйста, мне тоже сигарету, — попросил я.

После первой затяжки меня слегка повело. Чуть погода заболела глаза и заболела голова, но я чувствовал, как расслабляются мое тело и душа.

— Тебе не за что себя винить. Все случилось из-за меня.

— Что вы имеете в виду?

Кегель медленно выпустил дым в потолок, где он уже висел слоями.

— Я убил их всех.

— Что вы имеете в виду?

— Все те живые трупы, которые сейчас ходят снаружи, в свое время были приобретены через меня. Одно время моей работой было посещение моргов и скупка годных к использованию тел. Но что они станут такими зомби... я действительно не предполагал.

— Что значит скупка трупов?

— Обычное дело. Молодые, здоровые тела можно использовать в разных целях. Если это, конечно, не труп парня, от которого мало что осталось в автокатастрофе, то какая-то часть тела может быть использована. И это не такое плохое дело, как можно подумать. Сам посуди. Молодые парни обычно просто так не умирают. В основном они умирают в страшной аварии или кончают жизнь самоубийством, загнанные в тупик обстоятельствами, или потому что убили кого-то, либо если просто мозгами повредились. Я хочу сказать, что среди них нет ни одного, кто мог бы сказать, что жил настолько хорошо, насколько возможно, сделал все, что собирался. Я считал, что этим парням даже после смерти следует дать шанс сделать что-то полезное для людей. Конечно, лучшим вариантом было бы пожертвовать кому-нибудь орган, но если это невозможно, то почему бы не стать подопытным объектом для науки и тем помочь живым? Тогда есть смысл в их рождении в этом мире.

— Вы не задумывались о том, хотят ли этого мертвые?

— Естественно, они не хотят. Те, кто хотел бы этого, не довели бы себя до столь глупого конца.

— Жили ли они глупо или умно, у каждого ведь есть свой образ жизни.

— Всегда есть неправильный образ жизни.

— Почему бы тогда не покупать и продавать трупы открыто? А для эффективности еще и рекламу дать.

— Не язви. В мире бывает так: ты думаешь, что лицевая сторона правдива и чиста, а изнанка отвратительна и ужасна, но на поверку оказывается, что все обстоит с точностью до наоборот.

— Неудачный пример.

— Это не я сделал таких ужасных зомби из купленных трупов. Мне нечего стыдиться, я лишь скупал их. Я создал деревню

Корио и поселил в ней людей, у которых приобретал тела. Но сколько бы я ни думал обо всем этом, утверждаю, положила руку на сердце, что я честнее кого-либо в этой истории.

Из-за двери донесся приглушенный выстрел. Земля и стены слегка дрогнули. Стреляли где-то в отдалении. Было очевидно, что это очередное избиение зомби.

— Генерал Тянь сказал, что стрельба по зомби ведется в рамках разработки умных пуль.

— Генерал Тянь, этот ублюдок, обманул меня. Я действительно не подозревал, что он понаделает зомби из купленных мной трупов и будет испытывать на них свои пули. Это действительно ужасная вещь, я тоже понимаю это. Независимо от того, являются ли они трупами или мертвыми противниками, их нельзя убивать снова. Это неправильно, так нельзя делать.

— Если следовать вашим словам, господин Кегель, их стали использовать в качестве подопытных кроликов, превратив в зомби, а также для испытания умных пуль.

— Есть большая разница. Труп — мертвый человек. Остается думать, что это так и что, используя труп человека, его органы, ты спасаешь чью-то жизнь. Но как только труп превращается в зомби, достоинство человека исчезает. Когда стреляешь в зомби, ты уже не думаешь, что стреляешь в человека. Это ничем не отличается от стрельбы по куску дерева. В чем разница между зомби и движущимися мишенями? Знаешь ли ты, почему продолжают создавать зомби? Это делают для тренировки солдат. Заставляя стрелять по зомби, которые не являются ни людьми, ни неодушевленными существами, хотят избавить солдат от чувства угрызания совести. Они хотят заставить их стрелять в кого-то с удовольствием, с азартом. Если разразится война, то о чем будут думать солдаты, наведя оружие на врага? Возможно, они будут думать о нем как о зомби. Сейчас солдат тренируют, чтобы заставить их так думать.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока не знаю. В прошлом я думал так же, как Ли Кёнму и Хон Хечжон, но сейчас не знаю. Поверь, я действительно не знаю, что мне делать.

— Вы сказали об этом Ли Кёнму и Хон Хечжон?

— Мы поговорим об этом позже. Я сейчас слишком устал, чтобы отвечать на твой вопрос.

Я казался себе дураком. Было ощущение, что снаружи происходит что-то важное, что может изменить историю, я боялся, что, уснув в этом убежище без окон, проснусь один. Я чувст-

вовал себя человеком, который один придерживается старых правил, в то время как все правила в мире давно изменились. Мне казалось, что за исключением меня все люди в мире связаны тоненькими нитями. Услышал рассказ Кегеля, я какое-то время не мог ни о чем думать, сильно болела голова. Хотелось выбраться из этого тесного прокуренного убежища и на свежем воздухе привести мысли в порядок, но у меня не было на это сил.

Когда звуки выстрелов смолкли и стены убежища перестали содрогаться, мы вышли из укрытия. Громкая музыка стихла, с неба падал хлопьями густой снег. Крупные снежинки размером с мой зрачок все ложились и ложились на землю. Это зрелище было похоже на небесный десант. Я подумал, что хорошо, если бы он был на нашей стороне. Кегель снова зашагал впереди, а я за ним. По-прежнему было темно и все терялось во мраке, но один лишь факт, что шел снег, заставил меня почувствовать себя лучше.

И вот в какой-то момент проволочная ограда воинской части осталась позади. Пока мы шли в сторону горы Маосан, по пути два или три раза мы проходили мимо мертвых зомби, чьи тела были разорваны в клочья после попадания в них пуль. Также встречались и уцелевшие. Как говорил Ли Кёнму, зомби очень любили снег. Они то и дело тянулись поймать снежинки, со стороны казалось, будто они танцуют. Всецело поглощенные этим занятием, они не обращали на нас ни малейшего внимания. Вот бы поблизи рассмотреть выражение их лиц, когда они держат снежинку. После рассказа Кегеля зомби выглядели иначе в моих глазах. Мне было бесконечно жаль их, вызванных в этот мир независимо от своей воли, обреченных не жить, нет, а бессмысленно бродить без всякой цели. Если бы кто-то вернул меня после смерти в качестве зомби, а затем захотел бы убить снова, я бы выгрыз его затылок, выкрутил и переломал все кости, тщательно разжевал бы его кишки, ел бы до тех пор, пока от того даже хоронить было бы нечего.

Гора Маосан уже заметно приблизилась, когда Кегель нарастил темп, но в его движениях появилась настороженность. Ступал он совершенно неслышно. Идя сзади, я попытался подражать его движениям, но не мог повторить их. Это было умение, которое дается лишь долгими тренировками. Позднее Кегель втолковывал мне: если несколько десятилетий участвуешь в соревнованиях по кеглям, можно научиться способу скольжения по льду к своей цели. Сейчас, глядя на него,

бесшумно и стремительно движущегося, оставляя за собой лишь воздушные вихри, я вспомнил соревнующегося Кегеля в Корио-центре.

Впереди замерцал тусклый красный свет. Кегель, раскинув руки в стороны, подал мне знак остановиться. Свет потух, потом снова появился и очертил круг в воздухе. Кегель пошел к источнику света. Слабый красный свет, пробивавшийся через падающий снег, вел нас. Смахивая снег с головы, я следовал за ним. Лесная дорога постепенно становилась скользкой. Наконец показался стоящий минивэн. Я посветил на номерной знак. Это была моя машина. Мне было приятно, словно я снова встретился с другом после расставания. Человеком, который вел нас светом фонарика, включая и выключая его, оказался Ли Кёнму. А на заднем сиденье сидела та, кого я думал никогда больше не увижу. Как только я увидел Хон Хечжон, я неожиданно для себя разрыдался.

22

Некоторое время я рыдал в объятиях Хон Хечжон. Слез на-текло столько, что у меня мелькнула мысль: если я все время буду так плакать, вскоре вся влага из моего тела уйдет и я, иссохнув, рискую превратиться в зомби. Я был так рад увидеть Хон Хечжон, что на глаза невольно навернулись слезы. Но в тот момент, когда она обняла меня, я вспомнил запах и ощущение мертвой матери, и я не сдержался. Хон Хечжон, ничего не говоря, лишь похлопывала меня по спине. В минивэне было тепло, но я продолжал дрожать. Ли Кёнму сел за руль, а Кегель — на переднее сиденье. Я хотел о многом порасспросить Хон Хечжон, она что-то говорила мне, но ее слова до меня не доходили. Она, кажется, извинялась и оправдывалась, говоря, что не могла поступить иначе. Однако, глядя на мое состояние, она замолчала. Я посмотрел в окно. Снег не переставал идти. Глядя на огромную снежинку, которая, приклеившись к стеклу, медленно таяла, я сам не заметил, как уснул.

Я проснулся через десять часов дома у Хон Хечжон. Но даже после того, как я открыл глаза, лежа на диване, я долго не мог понять, где нахожусь. На ум пришли только самые основные вопросы: где я? кто я? почему я тут? Мало-помалу я возвращал-

ся к реальности. Послышались приглушенные голоса. Это были голоса Кегеля и Хон Хечжон. Я не слышал, о чем они говорили, но было очевидно, что это их голоса. В детстве, когда я поздно просыпался в воскресенье утром, голос матери, доносившийся из кухни, успокаивал меня. Я лежал, рассеянно смотрел в потолок и слушал, как она готовит еду. В основном слышался стук ножа по разделочной доске, хлопанье дверцы холодильника, звуки смешивания ингредиентов в кастрюле деревянной ложкой. Иногда мать разговаривала со старшим братом, который вставал раньше. Голоса матери и брата успокаивали меня, хотя я не слышал содержания их разговора, но мне казалось, что они говорили мне: все будет в порядке, мы здесь, не стоит ни о чем беспокоиться, с тобой ничего не случится, мы будем защищать тебя, сегодня нормальный день, в который ничего дурного не произойдет. Я снова закрыл глаза и подумал, что хорошо было бы встретиться во сне с матерью и братом. Мне захотелось узнать, о чем шепчутся Кегель и Хон Хечжон. Когда их голоса сделались немного громче, в их разговор вклинился еще один голос. Это был голос Хон Ян. Я встал и открыл дверь. Хон Хечжон, Хон Ян, Кегель и Ли Кёнму посмотрели на меня.

— Встали? — сказала, улыбаясь, Хон Хечжон, сидя в инвалидной коляске.

При виде ее улыбки мне на миг показалось, что я вернулся в прошлое. У нее по-прежнему на руке была красная варежка. Увидев эту руку, я вспомнил первые слова, сказанные ею. Если смотреть на эту варежку, забываешь, что у нее нет одной руки.

— Давно не виделись, — сказала Хон Ян, мило улыбаясь.

Я тоже подумал, что давно не виделись. Мне казалось, что я не видел ее целый год.

— Ян, что случилось? Вы в порядке?

— Да, я в порядке. Вам было тяжело, Чжихун? Как вы себя чувствуете?

— Что с Толстяком?

Хон Ян не ответила на мой вопрос.

— Где он? — спросил я снова.

— Для начала садись. Может быть, что-то поешь? Хочешь горячий чай? — мягко сказал Кегель и усадил меня.

Я интуитивно почувствовал неладное. Я сел там, где всегда сидел в этом доме. Хон Ян занимала место Толстяка-130. Снег за окном сменился на дождь. Одна из набухших дождевых капель быстро, словно метеор, соскользнула по стеклу вниз. Возникший длинный хвост капли тут же был накрыт другими каплями.

— Чуть позже. Так что случилось?

— Сто Тридцатый находится в лаборатории, — тихим голосом проговорила Хон Ян.

— Разве вы вернулись не все вместе? Ян, вы вернулись одна?

— Пока вы, Чжихун, разговаривали с генералом, нас посадили в другую машину. Как только мы уселись, кто-то сделал мне укол и я отключилась. Проснулась я уже здесь.

— Тогда надо поспешить найти Толстяка, — сказал я и рывком поднялся с места.

— Нас заверили, что его сразу отпустят, — сказала Хон Хечжон.

— Вы хотите, чтобы я поверил этому негодяю генералу Тяну? — переспросил я.

— Генерал сказал, что у Сто Тридцатого в теле появились антитела, у него возьмут образцы крови и вернут его в ближайшее время. У нас нет другого выбора, кроме как поверить в это обещание, — ответила Хон Ян.

— Вероятно, генерал Тянь взял Сто Тридцатого в качестве заложника, — высказала предположение Хон Хечжон.

— В качестве заложника? Зачем ему заложник? — не понял я.

— Потому что мы знаем тайну. Толстяк гарант того, что мы будем держать рот на замке.

— Мы можем сказать, что не знаем никакой тайны.

— Он не поверит.

— Стоит попробовать.

— Чжихун, это не так просто.

— Что не так просто? Есть ли что-то более важное, чем Толстяк? Нам надо как можно быстрее вызволить его.

— Я знаю, — сказала Хон Хечжон. — Я тоже ужасно хочу его видеть. Но даже если мы доведем до сведения военных, что ничего не знаем об их тайнах, то я не уверена, что Толстяк сможет вернуться назад. Генерал Тянь будет стараться удерживать его в заложниках как можно дольше. Пока Сто Тридцатый у него, он уверен, что мы ничего не сможем сделать. И я надеюсь, что генерал ничего не сотворит с Толстяком.

Ли Кёнму молчал, Кегель сидел с мрачным лицом. Атмосфера в гостиной была настолько тяжелой, что казалось, добавь одно лишь перышко — и вся гостиная рухнет в подвал под своим весом.

— Зеро умер, — тяжело уронил Кегель.

Не только я, но и все в гостиной казались испуганными. Все ждали следующих слов Кегеля, но он умолк.

— Кто убил его? — спросила Хон Хечжон.

— Я недавно был в воинской части и проверил. Генерал Тянь, этот ублюдок, превратил его в зомби. Поступив так подло с ним, он передо мной делал вид, что ничего не знает об этом, — проговорил Кегель. Рот его подрагивал.

— Господин Кегель, надеюсь, теперь вы в полной мере познакомились с ними? Узнали, насколько жестоки эти выродки, — сказал Ли Кёнму.

— Эй, Ли Кёнму, ты мне тут кое-что напомнил. Не забыл еще, что я тебе тогда сказал? Заткнись, пожалуйста, — ответил Кегель.

— Я помню. Вы как-то сказали: «Я найду способ спасти Корио, не встречаясь с генералом Тянем». И что, вы нашли этот способ? Не нашли, поэтому все так и обернулось. Госпожа Хон Хечжон вынуждена была притвориться мертвой, а Зеро умер.

— Оставь свой сарказм.

— Мы упустили время, — не отступал Ли Кёнму. — Зеро колебался. Если бы вы, господин Кегель, использовали тот момент с толком, этого бы не произошло.

— Кто знает, возможно, из-за вашего радикального мышления пострадало бы куда больше людей, — возразил Кегель.

— Вы говорите — радикальное мышление? Каким бы оно ни было радикальным, оно было размером не больше ногтя генерала Тяня. Вы до сих пор не знаете этого?

— Мне надо было думать сначала о деревне Корио.

— Вы всегда так говорите.

— Заткнись! — закричал Кегель, вскакивая.

— Прошу вас, пожалуйста, прекратите оба, — спокойно проговорила Хон Хечжон.

— Все это произошло из-за господина Зеро. Я же сказал вам, что с самого начала я не верил ему. Это человек, который из-за сына мог стать сторонником генерала Тяня, — пояснил Ли Кёнму.

— Зеро не такой человек, — недовольно буркнул Кегель.

— Господин Кегель, вы же тоже знаете, что господин Зеро был человеком, который искренне верил, что своей технологией сможет вернуть сына к жизни.

— Если бы не Зеро, вероятно, мы бы ничего не знали о воинской части, — возразил Кегель.

— Если бы не господин Зеро, возможно, наши планы не провалились бы, — сказал Ли Кёнму.

— Почему это из-за Зеро? Это все произошло из-за тебя, дурака.

— Вы говорите, что все это произошло из-за меня?

— Если бы ты держал рот на замке, все было бы хорошо. И хорошо было бы, если бы и в будущем ты держал его закрытым.

— Что за ослиное упрямство.

В тот момент мы с Хон Ян мысленно пытались, каждый по отдельности, сложить пазл. С одной стороны была совершенно пустая плоскость, а рядом стояла стопка из десяти тысяч кусочков разных форм. Мы, услышав какую-нибудь информацию из разговора, делали из нее кусок и помещали на плоскость. Мы смотрели на форму окружающих частей, чтобы выяснить, куда положить новые части, и искали части аналогичного цвета. Для того чтобы найти связки, общие стыки, мы внимательно слушали, но некоторые истории никуда не подходили. Каждый раз, когда внезапно появлялись совершенно несвязанные куски, мы с Хон Ян приходили в замешательство.

Со временем мы все-таки составили целую картину, но не все истории соединились гармонично воедино. Несколько кусков одиноко стояли в углу, как острова, содержание некоторых историй мы вообще не смогли понять. У меня до сих пор нет уверенности, что я смогу собрать все эти кусочки в одну большую историю. Как бы мы ни старались, в мире всегда есть маленькие истории-исключения, которые не вписываются в общее целое. Если постараться их насильно соединить, могут исказиться соседние истории. Возможно, в этом мире не существует историй, которые могут убедить всех людей, ответов, которые рассеют все сомнения. Я вспомнил слова Хон Хечжон, которые слышал когда-то в прошлом. Она сказала, что, когда собираешь материалы, обязательно появляется один, опровергающий все существующие данные, а по тому, как его обрабатывают, можно понять позицию исследователя. Первая категория исследователей отбрасывает новые материалы, чтобы сохранить существующую концепцию. Это ленивые исследователи. Вторая категория верит в возможность новых материалов и легко отказывается от существующей концепции. Это исследователи усталого стиля. А последняя категория оставляет нетронутыми входящие в конфликт данные. Исследователи последней категории хотят держать все возможно-

сти открытыми, даже если это противоречит логике и не дает создать концепцию.

Я еще тогда подумал, что стал бы я исследователем третьей категории, изучай я что-либо. Я думаю, что могут существовать две истины, вызывающие ошибки, когда конфликтующие данные сталкиваются друг с другом. Я думаю, что в словах каждого из двух людей, утверждающих, что другая сторона лжет, возможна истина.

Слушая рассказы трех человек, я думал, что каждый из них, в конце концов, рассказывает другую историю. Они говорили об одном и том же инциденте, но отношение к нему и области интересов у них были совершенно разными. Мне приходилось объединять противоположные мнения трех людей, чтобы прийти к объективным фактам для создания единой картины. Все трое совместно разделяли одни и те же воспоминания, но по-разному интерпретировали их.

Кегель и Ли Кёнму долго ругались, а затем как-то сразу успокоились. Вероятно, они не хотели обвинять друг друга в ошибках, а просто хотели выпустить пар. Когда они утомились, Хон Хечжон рассказала тайну жителей деревни Корио. От услышанного мурашки побежали по коже. На Хон Ян это произвело такое же впечатление. Жители деревни Корио, которых до сих пор я видел, теперь воспринимались совсем по-другому. Только теперь я наконец понял, почему жители деревни Корио так подавлены и с таким безразличием думают о своей и чужой смерти. «Тайто» оказалась на поверку самой саморазрушительной игрой из тех, что я знал. Я вспомнил слова Хон Хечжон, что понять суть «Тайто» мог только житель деревни Корио. Даже сейчас я не могу сказать, что понял до конца суть игры, но теперь я, кажется, понимаю, с какой целью ее придумали.

Для меня наименее понятным было следующее: почему после продажи Кегелю тела люди выбирали для проживания именно Корио, вместо того чтобы ехать жить куда-нибудь еще. Они получали достаточно много денег за продажу и вряд ли стремились жить рядом с Кегелем, покупателем тела. Ответ я получил, когда прямо спросил об этом Кегеля. Оказалось, что трупы, которые он приобретал, не были обычными. Проданные трупы были телами молодых людей, которые покончили самоубийством после совершения ужасного насилия, или они убили десятки людей и погибли вместе с ними либо покончили с собой после образования громадного долга от азартных игр.

За такие трупы Кегель платил родственникам в несколько раз больше, чем в других местах. Единственным условием купли-продажи было последующее проживание продавца в деревне Корио. Большинство принимали это условие, им все равно некуда было идти. Было ясно, что лучше им жить в деревне Корио вдали от людей, чем позорно слыть родителями убийцы или насильника. Погасив все долги этого суетного мира полученными от Кегеля деньгами, они получали шанс спокойно прожить остаток своих дней здесь.

— Вот почему, продав брата Хёна, с деньгами от продажи его тела ты переехала сюда и живешь тут в свое удовольствие? — зло бросила Хон Ян матери, услышав рассказ Кегеля.

— В то время у твоей матери не было выбора, — ответила Хон Хечжон.

— Ты должна была сказать мне об этом. Должна была объяснить мне, что происходит.

— Если бы я объяснила, ты попыталась бы решить эту проблему, выбивалась из сил, пытаешься собрать деньги, и в конце концов выбрала бы наихудший вариант. Как я могла, зная это, так поступить?

— Но он же мой брат. Он не только твой сын, но и мой брат. Я тоже несу за него ответственность.

— Сейчас я не знаю. Возможно, правильнее было бы рассказать тебе обо всем. Ты говоришь, что у тебя тоже есть ответственность. Если бы я рассказала тебе о проблеме и мы подумали, как ее решить, вероятно, мы смогли бы найти хороший способ. Вероятно, это могло сделать нас ближе друг к другу. Но тогда я не видела другого способа спасти Хёна.

— Вы неправильно думали, мама, — сказала Хон Ян. — Как бы он ни жил, кого бы он ни убил, это была его жизнь. Как только Хён умер, все исчезло. Вы не должны чувствовать себя виноватой.

— Верно, я думала неправильно. Теперь твоя мать тоже знает это, — с грустью в голосе сказала Хон Хечжон.

Слушая разговор между ними, я увидел новый образ Хон Хечжон. Хон Ян была такой же, как и раньше, но смотреть на то, как ее мать, всегда выглядевшая сильной, а теперь вызывающая жалость, неуверенно оправдывается перед ней, было тяжело. Хон Ян продолжала загонять в угол мать, а та к одним оправданиям добавляла другие. Возможно, никаким оправданием нельзя смыть чувство вины за продажу тела своего мертвого сына. Но мне показалось, что даже тем, что

она оправдывалась перед дочерью, Хон Хечжон немного успокоила свою душу.

— Ты видела Хёна? — тихо спросила Хон Хечжон.

— Видела ли я Хёна, что ты имеешь в виду?

— Хён сейчас здесь.

— Как мертвый человек...

Хон Ян, начав говорить, не договорила и посмотрела поочередно на Кегеля и Ли Кёнму. Ли Кёнму молча указал пальцем на пол. Хон Ян встала со своего места. Она, кажется, догадалась. Это был трогательный момент, когда все три члена семьи, разлученные давным-давно, собрались в одном месте. Хон Хечжон, о которой все думали, что она умерла, и Хон Ян были живы и сидели в гостиной. А Хён — сын Хон Хечжон и брат Хон Ян, который умер и ожил, превращенный в зомби, — находился в подвале.

— Я была в подвале, но там не было Хёна.

— Это естественно. У него сейчас совершенно другой облик, — спокойно сказала Хон Хечжон.

Пока спускались в подвал, Хон Ян так крепко держала меня за руку, что мои пальцы занемели. Ее ладонь непрерывно потела, моя тоже, наши руки стали влажными. Спускаться во второй раз было уже проще.

Когда Ли Кёнму открыл дверь подвала, послышались голоса зомби. Отвратительный запах стал сильнее. Хон Ян замешкалась, прежде чем войти вовнутрь. Но это было не из-за звуков или запаха, она, кажется, боялась увидеть изменившееся страшное лицо брата. Хон Ян встала перед десятками зомби и пристально всматривалась в каждого из них. Лица большинства несли страшные раны или были сильно деформированы, на первый взгляд все они выглядели одинаково. Если разделить все существа в мире на нормальных и ненормальных, все зомби явно принадлежали к классу ненормальных. Поскольку они были одного класса, то выглядели одинаковыми. Хон Ян подошла чуть ближе к ним. Мне хотелось помочь ей, но я не знал, как это сделать, я ни разу не видел Хон Хёна. Когда Хон Ян проверила примерно половину зомби, она остановилась и выдохнула, едва сдерживая дыхание.

— Хён.

На его лице не было большой раны, но его правый глаз полностью впал вовнутрь, а левая и правая стороны были настолько асимметричными, что казались двумя кое-как составленными

ми фрагментами. Нелегко было представить его прежний образ, когда Хон Хён был живым. В левом виске виднелась большая дыра, она, кажется, образовалась, когда он пустил себе пулю в висок. Хон Хён вытянул руки и собрался поймать Хон Ян, но вряд ли он поступил так, потому что был рад ее видеть. Она вздрогнула, я оттянул ее за плечи назад.

— Хён! — крикнула Хон Ян.

— У-ве-е!.. — тоже закричал в ответ Хон Хён.

Зомби, находившиеся рядом, присоединили и свои голоса. Хон Ян кричала, повторяя его имя, словно ее брат мог прийти в себя. По мере того как ее голос становился громче, голоса зомби тоже нарастали. Ее голос и крики зомби, смешиваясь, вызвали в подвале настоящую суматоху.

— Хон Ян, пожалуйста, прекратите. Это опасно, — тщетно зывал к Хон Ян Ли Кёнму.

Стоя рядом с ней, он непрерывно нажимал на кнопку своего пульта. Я осторожно потянул Хон Ян за плечи назад и обнял ее. Она заплакала в моих объятиях, дрожа всем телом. Когда я сложил ее руки и положил их на свою грудь, ее рука стала бить меня. Я с силой обнял ее за плечи, словно запирая путь слезам. Когда ее плач утих, зомби тоже перестали кричать. Они вели себя, как собаки. Если кричали с нашей стороны, они становились шумными, но, если оставить их в покое, они снова умолкали.

— Как странно. Я видела своего брата и не могу обнять его, — проговорила спокойным голосом Хон Ян, чуть отстранившись от меня.

Я снова притянул ее к себе.

— Это Хён. Я знаю, это точно он, — сказала она, ее голос снова предательски задрожал.

Смысл слов Хон Ян не сразу дошел до меня, сначала он ударил в сердце, а затем достиг сознания.

— Одно время он был Хон Хёном. Сейчас он не человек. Говорю вам, он зомби, — как можно спокойнее сказал я.

— Нет, он изменился, но все еще остался прежний вид.

— Он похож лишь внешне.

— Он так похож внешне, как же я могу думать, что он другой человек?

— Он — не человек, Ян.

— Он — человек, он — мой братишка.

Я снова обнял ее плечи и крепко прижал к себе, чтобы она не могла больше говорить. Уткнувшись мне в грудь, она глухо

пробормотала что-то неразборчивое. Руки Хон Ян опустились вниз. Она тоже понимала, что стоящий сейчас перед ней зомби — не ее младший брат. Что, несмотря на внешнюю схожесть, это живой труп, не узнающий самого себя. Она все понимала, но ей было трудно отвернуться от стоявшего перед ней «брата». Внезапно она оттолкнула меня и быстро поднялась из подвала на первый этаж.

— Какого черта ты так поступила, госпожа Хон Хечжон? — крикнула она матери, едва показавшись из подвала.

Хон Хечжон ничего не ответила, лишь опустила голову.

— Почему ты так поступила? Я спрашиваю, почему? Сколько раз ты хочешь убить Хёна? А? Зачем ты привела его сюда? Тебе нравится видеть его таким?

— Он же живой. Что я должна была сделать, по-твоему? Я не могла его бросить.

— «Это» ты считаешь живым? Я спрашиваю, ты считаешь «это» живым?

— Ян, в моих глазах он выглядит живым.

— Это все из-за чувства вины. Он выглядит для тебя живым из-за этого проклятого чувства вины.

— Что бы это ни было, чувство вины или фантазия, Хён, которого я вижу, явно живой. Он ходит, издает звуки, — проговорила Хон Хечжон, не поднимая головы.

— Ходит и издает звуки? Разве голос зомби похож на голос Хёна? А? Теперь ты по своему желанию убиваешь его и спасаешь. И в этот раз это снова меня не касается, не так ли? Конечно, это же госпожа Хон Хечжон. Человек, который, будучи живым, притворяется мертвым, который, умерев, снова воскресает, обманывает, как хочет, играет с нами, всемогущая в своем одиночестве — это все госпожа Хон Хечжон. Верно, я как-то ненадолго забыла об этом.

— Я же объяснила тебе, почему так поступила. Сказала тебе все о причине, почему мне ничего не оставалось, кроме как притвориться мертвой.

— Причина? Неважно, насколько весома причина, даже если вам пришлось притворяться мертвой, чтобы выжить, вы же не умерли. Прекрасно зная, как я жила, насколько я... Умирая понарошку или нет, неужели ты не подумала, что я последую за тобой?

— Ян, как ты можешь так говорить? — Хон Хечжон подняла голову.

— Но я никогда не умру, не умру, — сказала Хон Ян и заплакала.

— Да, ты не умрешь, ты не должна умереть. Я была неправа, Ян. Да, мама совершила ошибку. — С этими словами Хон Хечжон подъехала на инвалидной коляске к Хон Ян.

Она обняла плачущую дочку и нежно потрепала ее по спине красной варежкой. Когда большая красная варежка двигалась вверх и вниз, казалось, что в воздухе гостиной витало удивительное спокойствие. Казалось, эта варежка утешала не только плачущую Хон Ян, но и нас, сидящих рядом с мрачным видом. Странно, но каждый раз, когда большая варежка похлопывала по спине Хон Ян, моя душа тоже успокаивалась.

23

Это была странная идея Кегеля: организовать встречу жителей деревни Корио и зомби. Никто из нас не мог представить, что такую идею выдвинет именно Кегель, который был против каждый раз, когда Ли Кёнму предлагал свой план. Это было опасно. Хон Хечжон тоже поначалу воспротивилась: ведь даже встреча дочери и сына, который превратился в зомби, была непростой. И хотя Ли Кёнму с Кегелем заверяли, что смогут контролировать зомби, уверенности в этом не было. Конечно, я надеялся, что этого никогда не случится, но, если бы у зомби осталось столько сознания, сколько весит перышко, очевидно, они бы рвали на части своих родителей, которые продали их тела.

Причиной того, что Хон Хечжон передумала, послужила встреча с сыном Хон Хёном после того, как он стал зомби. В тот момент, когда она увидела его пустые глаза и большую дыру в голове у виска, где прошла пуля, она почувствовала одновременно сильную боль, будто все тело колют тысячами маленьких иголок, и ощущение каждой клеточкой своего существа огромного счастья, которое невозможно описать словами. Она была счастлива лишь тем, что снова смогла увидеть «сына».

На следующий день после похорон Хон Хечжон Кегель организовал первую тайную встречу жителей деревни Корио с зомби-сыновьями. С тех пор встречи «оживших» детей и родителей проводились каждую ночь, и плач по всей деревне

Корио не прекращался с того дня. Рыдания и причитания, выходившие за стены домов, означали несколько вещей. В них были обиды на детей, которые рано покинули их, и упреки в свою сторону за их смерть. Но не все заканчивалось одним лишь плачем. Попадались люди, не признававшие в зомби своих умерших детей. При виде зомби их рвало, и они в ужасе выбегали на улицу. Такие встречи заканчивались проклятиями в сторону Кегеля.

Большинство людей хотели прикоснуться к своим детям. Когда один старик встретился с зомби-сыном, который покончил с собой, повесившись, Кегель с трудом удержал его от прикосновения. Тогда старик сказал:

— Мне нужно прикоснуться к этой борозде на шее, лишь сделав это, я смогу признать, что он умер. Послушайте меня, Кегель, все равно я скоро умру. Мне не страшно умереть.

Однако Кегель так и не позволил старику прикоснуться к зомби-сыну. Это было неукоснительное правило: живые и мертвые не могли касаться друг друга. После того как вы прикоснетесь, боль станет сильнее и вы снова почувствуете смерть. Это будет плохо как для живых, так и для мертвых. Поэтому Кегель позволил жителям Корио и зомби только смотреть друг на друга. Многие при этом плакали. Увидев своих сыновей, превратившихся в зомби, они, возможно, и хотели убить себя по возвращении, чтобы умереть и жить со своими зомби-сыновьями. Но никто из них не покончил с собой. Каждую ночь встречались и расходились жизнь и смерть. Жизнь приближалась к смерти, а смерть ускользала, не уходя. Казалось, живые скоро умрут, но никто не умер. Зомби выглядели, словно ожившие люди, но они, в конце концов, не могли воскреснуть.

Для того чтобы найти сбежавших зомби, воинская часть устраивала их поиски, поэтому Кегель каждую ночь менял места встреч. Числясь мертвой, Хон Хечжон из укрытия наблюдала за встречами людей и зомби. Она не принадлежала ни миру живых, ни миру мертвых.

Закончив рассказ, Хон Хечжон тяжело вздохнула.

— Теперь все жители деревни знают о существовании зомби.

— Все они, должно быть, в шоке, — заметил я.

— Они привыкли к шоку. Это будет тяжело, но они выдержат, — сказала Хон Хечжон.

Будь здесь Хон Ян, она бы не преминула придраться к спокойному голосу Хон Хечжон, но этот разговор происходил, когда она вышла подышать воздухом.

— Что вы теперь собираетесь делать?

Жители деревни изменились. Трудно было сказать, в чем и как, но это были не прежние люди. Кегель тоже, кажется, хотел этого, он больше не хотел проводить ежегодный розыгрыш «Тайто». Я не знал, что будет дальше.

— Собираетесь ли вы раскрыть тайну зомби? — задал я ему вопрос.

— Толстяк еще не вернулся. К тому же пока недостаточно доказательств.

— Каких доказательств?

— Мы должны знать, с помощью какого способа из трупа делают зомби. Если мы не завладеем материалами по проекту, все будет бесполезно. Дело, которым собирался заняться Зеро, тоже имеет к этому касательство.

— Что это за дело?

— Господин Зеро являлся сотрудником лаборатории, но передавал нам секретные материалы. В лаборатории изучали черепа трупов. Там полагали, что череп поможет раскрыть умственные способности человека и особенности мозга. Как вы теперь тоже знаете, Чжихун, тела, которые передавал военным Кегель, были необычными. Это были тела людей, имевших много проблем при жизни и к тому же совершивших немало преступлений. В лаборатории, кажется, пытались найти что-то особенное в строении их черепов. Хотели обнаружить что-нибудь такое, что отличало их от нас, нормальных людей, что являлось бы веской причиной, чтобы убивать их. Если оживить эти трупы, их можно убивать, не чувствуя вины. Солдаты смогут учиться своему ремеслу без морального отягощения. Мы закончим пазл, когда выясним, как из трупов делают зомби.

— Значит, Зеро умер, не сумев его сложить?

— Зеро был согладатеом, которого генерал Тянь послал выяснить наши планы, но он вместо этого перешел на нашу сторону.

— Я слышал, он был изобретателем.

— Да, Зеро верил, что сможет спасти сына своими технологиями. Вот почему он помогал генералу Тяню. Чжихун, ты помнишь зомби, которого ты убил?

— Да, я никогда этого не забуду.

— Он был сыном Зеро.

Услышанные из уст Хон Хечжон, эти слова всколыхнули во мне весь комплекс чувств, которые я испытал во время убийства зомби, заставив снова пережить их. И снова я бью

бейсбольной битой сверху вниз, ощущая удовольствие. Снова оживает почти забытое приятное чувство, которое ощутил, когда я вонзил отломок биты в обезглавленное тело... Мои руки дрожали. Это, конечно, точно не было убийством, но с другой стороны — убийство. Мне было жаль, что я уже не смогу извиниться перед Зеро.

— С некоторых пор генерал Тянь начал подозревать Зеро. Зомби стали часто совершать побеги из воинской части, были случаи исчезновения экспериментальных данных. Внезапно что-то пошло не так. И генерал Тянь приказывает Зеро уничтожить меня.

— Уничтожить? — переспросил я Хон Хечжон.

— Да. Таким людям, как генерал Тянь, убить человека ничего не стоит. А уж если речь идет о такой старухе, как я, то и давно. Но полагаю, что, кроме Зеро, вероятно, были и другие засланцы. Генерал Тянь, видимо, собирался заодно и проверить свои подозрения насчет Зеро.

Мое сознание вычленило лишь слова Хон Хечжон о том, что таким людям, как генерал Тянь, ничего не стоит убить человека. Я сразу подумал, что такие люди вряд ли отпустят Толстяка-130 просто так. Без помощи Кегеля я бы тоже вряд ли вышел из воинской части.

— Значит, вы притворились мертвой? — спросил я.

— Другого способа не было, я должна была выиграть время. Но в конце концов из-за того, что я притворилась, умер Зеро, — сказала Хон Хечжон и склонила голову.

Всякий раз, когда я видел ее страдания, у меня болела душа. Услышав от Кегеля о ее смерти, я вспомнил, как Хон Хечжон улыбалась. Такой она мне запомнилась, и было больно оттого, что больше я ее не увижу. Встретив ее снова, я обрадовался, что смогу часто видеть ее улыбку, но теперь она мало улыбалась.

Вбежали Хон Ян и Ли Кёнму, которые были снаружи. Находившийся в комнате Кегель тоже вышел в гостиную. С улицы послышался шум мотора удаляющейся машины.

— Господин Кегель, посмотрите, что там, — попросила Хон Хечжон.

— Эти парни что-то выбросили и уехали! — обернулся Кегель от дверей.

— Что там? — поинтересовалась Хон Хечжон.

— Не знаю. Похоже на коробку, — откликнулся Кегель.

— Может быть, в ней находится бомба? — сказал Ли Кёнму.

— Тогда ты сходи и проверь.

— Почему я?

— Что, перепугался?

Кегель подошел к коробке, открыл ее и заглянул внутрь. Затем он повернул голову в нашу сторону и проговорил:

— Проклятые ублюдки...

— Почему вы так говорите?

— Это Зеро.

Внутри коробки находился расчлененный Зеро: его голова, тело, руки и ноги. Части тела были аккуратно сложены, голова Зеро лежала на самом верху, глаза уставились в пустоту. Взгляд был пустой, а рот полуоткрыт. Казалось, если осторожно вытаскивать части тела и собрать их вместе, то сборный человек мог ожить.

Я посмотрел на пустые глаза Зеро. Область вокруг глаз опухла, а скуловая кость, казалось, стала более выпуклой. Морщины вокруг шеи остались прежними. Он не выглядел мертвым, ничем не отличаясь от того Зеро, которого я знал ранее. Я никогда, ни до сих пор, ни после, не видел лица, которое было так близко к жизни и к смерти одновременно. Когда он был живой, то выглядел как зомби, но после смерти не был похож на мертвеца.

Хон Хечжон не плакала. Она лишь кусала губы, у нее искажилось лицо. Кегель и Ли Кёнму тоже сдерживались. Казалось, они думали, что сейчас время негодовать, а не оплакивать.

— Это предупреждение, — сказал Кегель.

— Это предупреждение, чтобы мы держались подальше от воинской части, — уточнил Ли Кёнму.

— С другой стороны, возможно, это может быть объявлением войны, — заметила Хон Хечжон.

Примерно через десять минут Хон Ян обнаружила лесной пожар, двигавшийся в направлении горы Маосан. Бушующее, подобно живому существу, пламя было отчетливо видно даже издалека.

— Они собираются полностью сжечь лабораторию и лес, чтобы избавиться от доказательств и уничтожить всех зомби. — В глазах Хон Хечжон промелькнуло беспокойство.

— Тогда они скоро придут сюда. Они постараются уничтожить всех зомби, находящихся здесь. — В голосе Ли Кёнму слышалась тревога.

— А как же Сто Тридцатый? — напомнила Хон Ян.

— Я поеду и найду его, — сказал я.

— Поздно, — покачал головой Кегель.

— Нет, он, возможно, еще жив, — сказала Хон Ян.

— Господин Кёнму, что там с побегом? — спросила Хон Хечжон.

— Подготовка закончилась, но я не знаю, какова сейчас обстановка, — ответил Ли Кёнму.

— Надо уходить. Для начала — отсюда, — подытожила Хон Хечжон. — Господин Кёнму, пожалуйста, забирайте зомби и уходите. Я прошу вас выжить, что бы ни случилось. Господин Кегель вместе со мной отправится в лабораторию Зеро. Возможно, там остались какие-то материалы. Чжихун, вы сами справитесь?

— Да, я заберу Толстяка. Я уверен, что он еще жив, — сказал я уверенно, потому что хотел верить в это.

Ли Кёнму ушел, забрав с собой двадцать пять зомби из подвала. Они не смотрели по сторонам, а лишь следовали за ним. Естественно, это было возможно благодаря его пульту дистанционного управления, но было удивительно смотреть, как они послушно шли за ним. В этот момент они ничем не отличались от щенят, которых длительное время растили, давая корм. Среди зомби был и Хон Хён.

— Чжихун, поехали, — сказала Хон Ян.

— Куда?

— Поедем вместе.

— Ян, вы отправляетесь вместе с Хон Хечжон.

— Не хочу.

— Идите вместе с матерью.

— Мама тоже не будет рада моему обществу. Что скажете, госпожа Хон Хечжон, ведь будет лучше, если я останусь с друзьями? — Хон Ян посмотрела на мать.

Хон Хечжон, улыбаясь, кивнула в знак согласия. Мы поспешили к машине. Пожар в районе горы Маосан ширился. Я завел минивэн и максимально сильно нажал на акселератор.

— Как вы думаете, он жив?

— Он жив. Он крепкий парень.

— Чжихун, я нервничаю.

— Не волнуйтесь. Вскоре вы увидите Сто Тридцатого, похожего на две живые шашки падук, — пошутил я.

— Если они собираются уничтожить все доказательства, не захотят ли они избавиться и от него?

— Нет, у Толстяка из-за вакцины образовались антитела. Вряд ли генерал его убьет. Наверняка он жив.

Я протянул руку и взял руку Хон Ян. Она дрожала, я сжал ее.

— Кстати, вот. — Я протянул ей блокнот.

— Это же я дала вам, — сказала Хон Ян.

— Я вернул его Хон Хечжон, но она сказала, чтобы я передал вам, когда вы будете одна. Она также сказала, что собиралась отдать его вам.

Хон Ян включила внутреннее освещение в салоне машины и принялась читать.

Я тоже читал эти заметки. В них не было ничего особенного. В какой месяц и в какой день закончен перевод и что нужно еще сделать. Изредка встречались заметки про Хон Ян, но тоже вполне заурядные. Также были короткие памятки вроде «Пойти вместе с Ян в дисконтный магазин» и «Пойти вместе с Ян на каток». Хон Ян переворачивала страницы одну за другой. Увидев фотографию, приклеенную скотчем к обратной стороне страницы, она закрыла глаза и покачала головой, словно что-то отрицала.

— На той фотографии Хон Хечжон, верно? — спросил я.

— Нет, это моя фотография.

— Больше похоже на Хон Хечжон.

— Это фотография, когда я была толстой. Когда каждый день снималась обнаженной.

Хон Ян продолжала листать. Постоянно появлялись фотографии, снятые под одним и тем же углом. Девушка на фотографии постоянно худела. Ведя машину, я искоса поглядывал на фотографии. Девушка на них сдержанно смотрела в мою сторону. По мере перелистывания девушка худела и стала улыбаться чаще.

— Это что еще за анимация?

— Это анимация недовольной девушки, которая начала улыбаться.

Я, кажется, понял, зачем Хон Хечжон понадобилось приклеивать фотографии в блокноте. Видимо, каждый раз, когда она думала о Хон Ян, то перелистывала эти страницы. И наверно, улыбалась, глядя на смеющееся лицо дочери, смотрящей в ее сторону.

— Если долго смотреть на эти фотографии, очень смешно. Чжихун, вы тоже поглядите.

— Я же за рулем. К тому же разве есть необходимость в этом блокноте? Мне достаточно того, что вы улыбаетесь.

— Ха-ха-ха, правда?

— Улыбка красит вас.

— Чжихун, очень интересно, да?

— Что именно?

— Все. Например, что вы весело проводите время со Сто Тридцатым, что мы встретили зомби — все интересно.

— Почему вы говорите так, словно человек, делающий последние приготовления?

— Это моя особенность. Я хорошо привожу в порядок.

— Тогда давайте подождем немного, а когда встретим Толстяка, вы все приведете в порядок.

— Хорошо. Когда встретим Сто Тридцатого, тогда и приведу в порядок.

Я выжал педаль акселератора почти до пола. Ландшафт за окном быстро пополз назад. Подумалось: время, лишенное событий, тянулось очень медленно, но время, проведенное с Толстяком-130, Хон Ян и Хон Хечжон, пролетело мгновенно, словно я втопил акселератор моего времени. Несколько сцен, в которых мы были вместе, промелькнули и остались позади. Мне хотелось включить заднюю передачу и, вернувшись назад, неспешно прожить каждый миг тех времен, но я не мог так поступить. Я понимал, что, если мне необходимо сделать выбор, будущие дела, которые я должен выполнить, важнее, чем прошлые. Чем больше я скучал по Толстяку-130, тем сильнее я должен был жать на акселератор. Чем сильнее было желание вернуться, тем яснее я понимал, что мы должны как можно быстрее достигнуть места назначения. Я мчался к тайному переходу, о котором рассказал Ли Кёнму. Это был переход, через который вывел меня Кегель. Временами я чувствовал на себе взгляд Хон Ян. Я ехал слишком быстро, но выбора у меня не было.

24

Ветер гнал огонь от воинской части в сторону горы Маосан. Издали огонь двигался безмолвно, уничтожая все на своем пути, и медленно приближался к горе. Он не утихал, несмотря на снег и дождь. Стало очевидно, что кто-то стоит за бушующим пламенем, поддерживая его. Явно чувствовалась чья-то воля, стремящаяся шаг за шагом сжечь все вокруг. И я догадывался, чья это была воля. Я поехал в сторону огня. После того как через тайный переход мы въехали в парк, некоторое время нам пришлось поплутать, поскольку мы не смогли сразу найти лабораторию.

Когда наконец показалось здание лаборатории, оно уже было все охвачено огнем. Густой дым был виден издалека.

В воздухе летали хлопья сажи, подобные черным снежинкам, и чувствовался слабый запах плесени. Подъезжать ближе было опасно. Огонь, беспрепятственно продвигаясь вперед, захватывал все вокруг. Пожар шел по земле и поверху, охватывая огнем деревья и перекидываясь на соседние. Огонь и ветер казались живыми существами. Бушующий огонь всего за несколько секунд целиком проглатывал дерево. Ветер, дующий со стороны воинской части, метался между горящими деревьями, но не менял направления в сторону горы Маосан.

— Чжихун, посмотрите туда, — сказала Хон Ян.

В указанном направлении показались три-четыре зомби. Они шли, вытянув руки вперед, в направлении моря огня. Размахивая руками, пытались поймать летающие в воздухе искры. Один из зомби, несмотря на то что на его руку упал ярко тлеющий уголек, безмолвно рассматривал его. Когда уголек обжег его, зомби стал трясти рукой, пытаясь стряхнуть его, но это у него не получалось. Вскоре пламя поглотило все его предплечье, затем перешло на туловище и сожгло тело за считанные секунды. Зомби, не успев даже вскрикнуть, на моих глазах превратился в пепел. Неизвестно откуда из густого дыма появилось примерно десять зомби, за ними — еще около двадцати. Видимо, где-то там находилось невидимое укрытие, откуда они выходили.

— Вон там, разве это не Сто Тридцатый?

И я увидел Толстяка-130. Это точно был он, спутать было невозможно. Толстяк-130 в белой рубашке и черных брюках шел вместе с другими зомби в направлении бушующего огня. Он резко выделялся своей одеждой и огромным телом. Я направил минивэн в его сторону. Примерно в ста метрах от нас огонь высотой по колено с тихим угрожающим треском полз в нашу сторону.

— Эй, Сто Тридцатый, ты куда собрался?! — крикнула Хон Ян, стараясь перекричать гул пожара.

Толстяк-130, освещенный светом фар, обернулся и посмотрел на нас. На короткий миг я увидел его глаза. Возможно, он и превратился в зомби, но мне почудилось, что взгляд его остался осмысленным. Но в таком случае почему он делает вид, что не узнает нас? Возможно, ему мешает пламя или свет фар? Толстяк-130 снова отвернулся и вместе с другими зомби пошел в сторону горящего густого леса. Я не мог подъехать к нему ближе. Между нами и зомби находился огонь. Пожар достиг густого леса. Пламя быстро перекидывалось с ветки на ветку

и бежало по макушкам деревьев. Везде был слышен громкий треск горящих ветвей.

— Сто Тридцатый, оглянись назад! — крикнул я, но он, видимо, не слышал меня, потому что ветер дул с его стороны в мою.

Зомби шли, скорее всего привлеченные огнем. Я открыл дверцу минивэна и вышел.

— Чжихун, куда вы идете? — с тревогой в голосе спросила Хон Ян.

— Я должен привести его.

— Нет, нельзя, это опасно. Он же не узнал нас.

— Скорее всего, это из-за того, что темно.

— Не уходите.

— Я должен идти.

Я побежал в сторону Толстяка-130 к освещенному фарами пятачку. Камни под ногами мешали бежать, валежник хрустел под ногами. Зомби двигались медленно, а Толстяк-130 шел за ними. Я думал, что легко догоню его, но слишком много помех было на пути. Я следовал за ним, окликая по имени. Наконец, подобрав камень, я бросил его в сторону зомби. Он попал в затылок одному из них. Зомби замерли и повернулись. Толстяк-130, словно узнав, пошел ко мне с вытянутыми вперед руками. Примерно пятеро зомби тут же последовали за ним. Толстяк-130 шел и улыбался. Я резко остановился. Хотелось подбежать и заключить его в объятия, но он больше не являлся человеком. Это можно было понять с первого взгляда. Внешне он был почти такой же, как обычно, но — другой. Как же он стал таким? Неужели вакцина не подействовала? Или генерал Тянь что-то сотворил с ним? Мне не нужна была причина, я был в гневе, осознавая, что ничего уже нельзя вернуть назад на свои места. Вероятно, и в будущем я буду сердиться на себя по многим причинам. Почему я пришел тогда к Толстяку-130? Почему он тепло приветствовал меня в библиотеке? Почему вообще все это началось? Было много причин, по которым я буду продолжать винить себя до конца жизни. Толстяк-130 уже не был человеком и никогда не станет им вновь, но тем не менее он явно улыбался. Почему? Что-то смешное случилось в момент смерти? Или он вспомнил о смешной шутке? Если это так, то интересно, что это была за шутка? О чем думал 130-й, так боявшийся смерти, покидая этот мир?

«Брат, быть зомби не так плохо, как я думал. Хотя, конечно, трудноато держать все время руки на весу».

Мне казалось, Толстяк-130 прямо сейчас откроет рот и произнесет именно эти слова. Я резко повернулся и побежал к машине. Лопатки жгло то ли из-за дувшего в спину горячего ветра, то ли от взгляда Толстяка-130. Подбежав к машине, я быстро открыл багажник и включил проигрыватель «Hug Shock». Вертушка закрутилась. Я положил на нее второй альбом «Stone Flower», лежавший рядом с усилителем, и опустил иголку головки проигрывателя на пластинку. Послышалась знакомая музыка. Я ни разу не использовал установленную в багажнике акустическую систему, поэтому сомневался, сработает ли моя задумка. Но стоило мне включить усиление, как из багажника вырвался настолько громкий звук барабана, что можно было оглохнуть. Я отошел в сторону, музыка «Stone Flower» заполнила лесопарк. Она перекрыла все остальные звуки пожара. Я сел за руль минивэна.

— Что это? — спросила Хон Ян, оглядываясь на багажник.

— Я включил «Hug Shock», — ответил я и бросил взгляд в салонное зеркало. Увы, ничего не было видно, открытый багажник заслонял обзор, и я мог лишь гадать, что творится сзади.

— Зомби реагируют на громкую музыку. Если ехать, включив «Hug Shock», они, вероятно, последуют за машиной.

— Сто Тридцатый идет за нами?

Я посмотрел назад через боковое зеркало. Толстяк-130, по-прежнему улыбаясь, шел за машиной. За ним следовало примерно пять или шесть зомби.

— Да, идет. Я не брошу его.

Снизу на зеркале бокового обзора имелся текст, предупреждающий: «Предметы находятся ближе, чем видят глаза». Выше текста в зеркале отражался Толстяк-130. Мне было спокойнее от осознания, что он находится ближе, чем видится в зеркале. Я нажал на акселератор, минивэн тронулся. Открытая дверь багажника хлопала, мотаясь вверх-вниз. Когда мы поехали вперед, мне показалось, что Толстяк-130 прибавил шаг. Черный пепел, оседлав горячий ветер, летел, обгоняя нас. Спасалась сломя голову лесная живность. Я опустил стекло в окне и прибавил громкости в усилителе. Звук «Stone Flower» сотрясал мембраны динамиков «Hug Shock», распространяясь далеко вокруг. Хон Ян нахмурилась: мол, не слишком громко? Я знаком показал: нет. Она кивнула и, покачивая головой в такт музыке, улыбнулась. «Перестаньте плакать. Если вы ничего не желаете, вам нечего бояться», — пел Ян Дэвис. Хон Ян высунулась в окно и, оглянувшись назад, что-то крикнула, но я не расслышал, что именно.

Я держал определенную дистанцию между машиной и толпой зомби, поминутно поглядывая, следует ли за нами Толстяк-130. Вокруг было темно, но белая рубашка 130-го маячила в зеркале. Конечно, лица его было не разглядеть, но я верил, что он улыбается. Казалось, я слышу его голос:

— Брат, идемте вместе. Я боюсь.

— Ничего страшного, — отвечал я. — Просто души возвращаются домой. Туда, откуда они пришли, мерцая.

— Словно конь в конюшню?

— Нет, словно вода, впитываемая в землю после дождя.

— Идем вместе. Не уходи один.

— Следуй за мной, просто следуй за мной.

— Не отпускай меня.

Количество зомби, следовавших за машиной, со временем постепенно увеличивалось. Музыка «Stone Flower», облетая самые потаенные места в лесопарке, вытаскивала их наружу. Хон Ян снова высунулась из окна и осмотрелась вокруг. Она уменьшила звук в колонках и сказала:

— Знаете ли вы, что за нами следует много зомби?

— Сколько их?

— Из-за темноты трудно определить, но, кажется, где-то с сотню.

В это время рука одного из зомби внезапно просунулась в окно со стороны Хон Ян. Она испуганно вскрикнула. Рука зомби на мгновение задержалась, затем отпустила стекло. Это было похоже на акт, выражавший желание выполнить рукопожатие. Я немного увеличил скорость. С моей стороны тоже несколько зомби опасно приблизились к машине.

— Все хорошо, они идут за нами, — крикнул я Хон Ян.

Когда мы приблизились к тайному проходу, вокруг стало светлее. За нами следовало примерно двести зомби. Не ведая, что совершают побег, они неумоимо шли за машиной. Продвижение огня здесь замедлилось, но расслабляться не стоило. Я подумал, что вряд ли огонь распространится на гору Маосан. Ли Кёнму велел вам отправиться на гору Маосан и сказал, что, когда мы выйдем из тайного прохода, выйдет встречать нас.

Мы ехали, как компания гуляк-дебоширов, оглушая окрестности музыкой «Stone Flower», от которой одновременно сотрясались душа и тело. Пепел летал в небе, кружась в воздухе, словно снежинки, а белесый дым, подобно сценическому туману, лишь усиливал тревожную атмосферу. Казалось, мы в центре

какой-то постановки — настолько нереальной выглядела окружающая обстановка.

Со временем Толстяк-130 затерялся в толпе зомби, и я перестал его видеть в зеркале. Тем не менее я верил, что он не отставая идет за машиной. Наконец мы выбрались на дорогу. Дорога была ровной и широкой, стало немного легче. Вероятно, зомби тоже почувствовали это.

Через 30 минут музыка отключилась, закончилась одна сторона пластинки. Я остановился и вышел из машины. Несмотря на то что Хон Ян убеждала, что это опасно, мне не было страшно. Две сотни зомби, стоящих вокруг, безмолвно смотрели на меня. Нас разделяло около трех метров. Зомби не двигались и выглядели озадаченными. Между нами повисла тишина. Зомби смотрели на меня так же, как люди, танцующие в клубе, смотрят на ди-джея, когда останавливается музыка. Среди них я заметил Толстяка-130. Он, кажется, ходил куда-то.

— Эй, Сто Тридцатый! — крикнул я.

— У-у-ве! — закричали в ответ зомби.

Толстяк-130 тоже закричал, но никто не двигался.

— Ты молодец. Не беспокойся. Я позабочусь о тебе.

— У-ве-э-э-э, — ответили зомби одинаково.

Когда я кричал, они тоже кричали в ответ. Они были похожи на толпу зрителей на рок-концерте. Зомби стекались к задней части минивэна, где звук был лучше. Они не закрывали проход передо мной, не собирались перед фарами, поэтому я мог видеть далеко вперед.

Жизнь для меня была прямой линией. Все события, что случились со мной, были связаны в единое целое. Любое событие было результатом предыдущего и причиной следующего. Без старшего брата не было бы грампластинок. Без них не появился бы проигрыватель «Hug Shock», а без него я не смог бы встретиться с Хон Хечжон, Толстяком-130 и Хон Ян. Все события были связаны, словно падающие костяшки домино в цепочке. Невозможно было узнать, какая костяшка упала первой, но первая не обязательно самая важная. Какой будет последняя? Неизвестно. Мне кажется, что я сам некоторым образом могу стать событием, которое, неважно каким способом, свалит очередную костяшку домино моей жизни.

Меня с давних пор интересовала жизнь после смерти. Я думал, какая мне польза от всех вещей, которыми обладаю, если я умру и все исчезнет, если я ничего не смогу узнать. Одно время из-за этой мысли мне все казалось лишенным смысла,

бесполезным. Мне не хотелось знать, что означают такие вещи, как человеческие отношения, любовь, привязанность, разочарование, надежда. Я не хотел ничего начинать, я хотел просто идти по дороге, где ясно виднелся конец. Мне было больно оттого, что все в этом мире имеет начало и конец, но я не знал, что начало и конец могут быть неважными. Важным было то, что ты стоишь здесь и сейчас, и это текущее событие станет причиной возникновения другого события. Я стоял здесь всего лишь как отдельная костяшка домино, среди нескольких сотен зомби, на дороге, над которой, словно снежинки, летает пепел. Я сейчас был здесь, где ощущается ядовито-кислый запах гниющих трупов. Меня сейчас интересовала только следующая костяшка-событие. Я считал чудом уже самый факт, что я стою сейчас здесь. Я смотрел на зомби и думал: кто-то из них уже умер, кто-то умрет по дороге, но кто-то продолжит жить и должен будет идти дальше, как чудо.

Я медленно пошел в сторону багажника, продолжая следить за зомби, и перевернул пластинку. Зомби по-прежнему не двигались. Как только я положил иглу на грампластинку, снова зазвучала песня «Stone Flower». Зомби пришли в движение: среди них кто-то начал издавать уже знакомые звуки: у-ве-е-е. Я вернулся на свое место водителя и, глядя прямо вперед на темную дорогу, нажал на акселератор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Зомби

2008.10 — 2010.8

Это история не о зомби.

Это история о забытой памяти.

Это история о людях, которых я хочу помнить.

Я долгое время жил, держа в душе зомби.

Теперь я всех отпускаю на свободу.

Вполне возможно, зомби никогда не умирают.

СОДЕРЖАНИЕ

Зомби

0	7
1	11
2	22
3	30
4	34
5	45
6	52
7	57
8	69
9	73
10	80
11	88
12	98
13	110
14	119
15	128
16	141
17	156
18	170
19	177
20	184
21	190
22	198
23	208
24	215
<i>Послесловие автора</i>	222

Ким Чжун Хёк
ЗОМБИ

Перевод с корейского
Г. Н. Ли

Ответственный редактор

С. В. Смоляков

Редактор

В. М. Беньковский

Корректор

А. А. Нотик

Художник

П. П. Лосев

Оригинал-макет

М. А. Василенко

Издательский Дом «Гиперион»,
195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, 2А
Тел. +7 (953) 167-0028
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 10.09.2020. Подписано в печать 15.03.2021.
Усл. печ. л. 11,76. Формат 84×108^{1/32}.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2371.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

